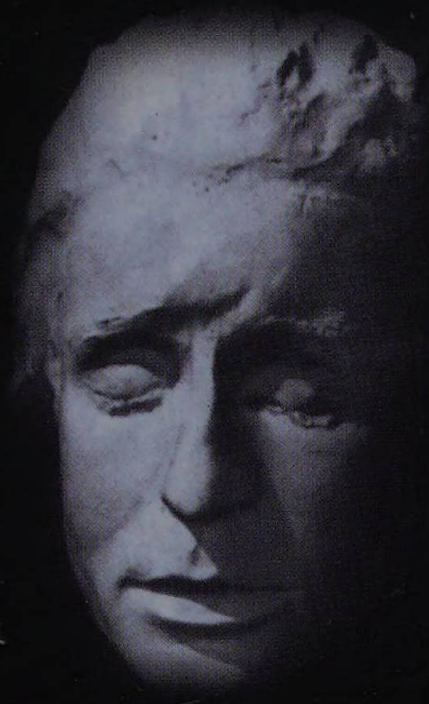

В этой жизни

умирать не ново...

УБИЙСТВО Сергея Есенина

Максим СКОРОХОДОВ
Елена КОЛОМИЙЦЕВА

Rus B Esenin S
Skorokhodov, M. V.
Ubistvo Sergeia
Esenina

Тайны и праядени
великих поэтов

*Максим СКОРОХОДОВ
Елена КОЛОМИЙЦЕВА*

УБИЙСТВО Сергея Есенина

Москва

2010

УДК 929
ББК 63.3(2)
С 44

Оформление серии *Н. Кудря*

Скороходов М. В.
С 44 Убийство Сергея Есенина / Максим Скороходов, Елена Коломийцева. — М.: Яуза; Эксмо, 2010. — 320 с.

ISBN 978-5-699-39241-4

«В этой жизни умирать не ново...» — как многие великие поэты, Сергей Есенин напроорочил собственную гибель: его предсмертные стихи стали эпитафией.

Об убийстве поэта впервые сообщили эмигрантские газеты через несколько дней после того, как его тело было обнаружено в номере гостиницы «Англетер». Но официальной стала версия самоубийства. Ее не смогла опровергнуть и работавшая в 1990-е годы специальная комиссия, состоявшая из следователей, прокуроров, патологоанатомов, почерковедов. Однако курировавший ее деятельность литературовед Ю. Л. Прокушев заявил: «Есенина убили дважды».

Новое расследование гибели поэта в контексте его творчества, свежий взгляд на причины трагедии и главных подозреваемых, сопоставление всех существующих версий и глубокий анализ вновь открывшихся обстоятельств — в новой книге серии «Тайны и трагедии великих поэтов».

УДК 929
ББК 63.3 (2)

© Скороходов М.В., Коломийцева Е.Ю., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
ISBN 978-5-699-39241-4 © ООО «Издательство «Эксмо», 2010

«БУДЬ ЖЕ ТЫ ВОВЕК БЛАГОСЛОВЕННО, ЧТО ПРИШЛО ПРОЦВЕСТИ И УМЕРЕТЬ»

«С посмертной судьбой Есенина произошла волшебная странность. Он мертв уже четверть века, но все связанное с ним, как будто выключенное из общего закона умирания, умиротворения, забвения, продолжает жить, — писал в 1950 году Георгий Иванов. — Живут не только его стихи, а все «есенинское», Есенин «вообще», если можно так выразиться. Все, что его окружало, волновало, мучило, радовало, все, что с ним как-нибудь соприкасалось, до сих пор продолжает жить трепетной жизнью сегодняшнего дня...

А популярность Есенина между тем все растет. Стихи его в списках расходятся по всем углам России. Их заучивают наизусть, распевают как песни. Возникают, несмотря на неодобрение властей, кружки его поклонниц под романтическим названием «невесты Есенина». Оказавшись в условиях относительной лагерной свободы, Ди-Пи переиздают его стихи. И эти неряшливо отпечатанные и недешево стоящие книжки бойко расходятся не только в лагерях, но и в среде старых эмигрантов, людей, как известно, к поэзии на редкость равнодушных.

<...> Есенин давно мертв. А беспощадный к живым большевизм, мы знаем, на редкость снисходителен к покойникам, особенно знаменитым. <...> Но у Есенина есть перед советской властью другой непростительный грех – *грех посмертный*. Из могилы Есенин делает то, что не удалось за тридцать лет никому из живых: объединяет русских людей звуком русской песни, где сознание *общей вины и общего братства сливаются в общую надежду на освобождение*»¹.

Один из поэтов серебряного века Георгий Иванов точно отметил, что не только жизнь и творчество Сергея Александровича Есенина, но и его смерть стали событиями принципиально важными для всех русских людей, для всех людей, мыслящих и мечтающих по-русски, где бы они ни проживали – в Советском Союзе или за его пределами. Отношение к Есенину стало важным фактором, определяющим отношение человека к России и к происходящим в стране событиям.

Мрачной тайной оставалась загадка смерти Есенина. И потому, как только «надежда на освобождение» получила почву для своей реализации, во второй половине 1980-х всколыхнулась, все возрастая и усиливаясь, надежда на разгадку тайны есенинской смерти. Впервые после немногих публикаций середины 1920-х годов заговорили, теперь во всеуслышание и полемически, о насильственной смерти великого русского национального поэта.

Версии все возникали и множились, обретали сторонников и противников. Как точно подметил Н.Н. Браун, «версии стали появляться в обществе, подобно вирусам в компьютере, когда возникла острая необходимость в другом, чем самоубийство, объяснении смерти Есенина»². Авторы не-

которых из этих версий, прозвучавших в печати, на радио и телевидении вмиг становились людьми известными и узнаваемыми. У них брали интервью, приглашали участвовать в рейтинговых передачах, предлагали страницы изданий для публикаций. Тема убийства Есенина обсуждалась всюду. И у каждого, кто имел хоть какое-то отношение к литературе или литературоведению, спрашивали, какой версии придерживается он. И если вдруг оказывалось, что он знаком не со всеми версиями и не может четко сформулировать свою позицию, к нему относились как к профнепригодному: «Ну как же, все обсуждают, а вы даже не удосужились... Слыхано ли дело...» И потому многие – писатели, следователи, медики, издатели – пытались перещеголять всех прочих, преподнося общественности все новые и новые гипотезы, добывая документы (как принято в подобной гонке, всегда «эксклюзивные»). Одна поэтесса и преуспевающая создательница версий однажды, заполучив уникальные документы прямо со стола президиума одного из представительных заседаний, быстро с ними ретировалась, а потом, оказавшись все-таки в отделении милиции, выступала как жертва свободомыслия. Опытный пилот, ставший после не совсем благополучного катапультирования с самолета издателем и создателем газеты, настойчиво собирал своих сторонников посредством печатного слова.

Обилие версий и активность их создателей, а также возможность доступа к новым документам привели к необходимости образования работавшей в течение нескольких лет комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта. Комиссия привлекла к работе опытных специалистов – криминалистов,

патологоанатомов, судебно-медицинских экспертов, прокуроров, литературоведов. Они кропотливо восстанавливали документы, многие из которых изобиловали утратами части текста, анализировали и подвергали критике каждую из множества гипотез. Комиссия успешно поработала, опубликовав немало заслуживающих внимания документов и не подтвердив ни одну из версий об убийстве поэта, а ее председатель, известнейший знаток жизни и творчества Есенина Юрий Львович Прокушев, заявил: «Есенин был убит дважды».

Была уже середина 1990-х, волна всеобщих разоблачений, смыв часть из того, что можно, и многое из того, что нельзя, казалось бы, стала постепенно ослабевать. Но интерес к смерти Есенина не спадал. Создатели версий по-прежнему активно тиражировали свои материалы, хотя теперь мало кто верил в их «эксклюзивность». Все чаще повторялось вновь и вновь то, что уже было сказано, неоднократно обсуждалось и уже не требовало работы в малодоступных архивах, особой проницательности, смелости и настойчивости.

Но тему смерти Есенина обсуждали и обсуждают. И тому немало причин. Во-первых, тайна гибели поэта так и осталась нераскрытой, ведь имеющиеся документы, проанализированные разными специалистами, хотя и не дают оснований для принятия официального решения о необходимости эксгумации и повторного изучения тела поэта, составлены на низком профессиональном уровне. И остается непонятным, почему причину смерти в гостиничном номере ленинградской гостиницы не рядового советского человека, а крупнейшего поэта, вечера памяти которого прошли во многих городах страны, причем на одном из этих вечеров прозвучало и слово всесильного в то

время Троцкого, не стали тогда выяснять. Версия о самоубийстве была высказана управляющим гостиницей в телефонном разговоре с представителями милиции. И эту версию никто из официальных лиц не стал ни опровергать, ни подтверждать фактами. Версия о самоубийстве очень подходила для той оценки творчества Есенина, которая была преобладающей в середине 1920-х годов: выходец из крестьян, Есенин был «несроден» эпохе господства пролетариата, поэт не сумел понять и не принял полностью и безоговорочно процесс становления и развития нового государства. Его самоубийство – закономерный итог того, что он не стал на позиции коммунистического строительства, пролетарской литературы. Самоубийство Есенина – урок и предостережение другим людям, которые должны избрать единственно верный путь, ведущий в светлое будущее. Самоубийство Есенин совершил потому, что не сумел идти в ногу с эпохой. Версии об убийстве не было места во второй половине 1920-х именно потому, что насильственная смерть переключила бы вину с поэта на саму эпоху. Признать убийство Есенина значило признать вину эпохи не только в смерти поэта, но и в той обстановке, которая этому способствовала. Такая постановка вопроса была в то время недопустима – и выяснением причин смерти Есенина заниматься не стали.

Во-вторых, вопрос о смерти Есенина важен при всестороннем и целостном рассмотрении его жизни и творчества. «Вопрос о последних минутах великого русского художника, – отметил А.В. Гулин, – не есть <...> только вопрос восстановления исторической правды. Если он собственными взлетами и падениями выразил путь своего народа, то и последний его миг, в

определенном смысле, явился воплощением русской судьбы в ее наиболее важных, устремленных в будущее чертах. Огромное движение, проделанное Есениным за его жизнь, главные итоги этого движения слишком противоречат мысли о его самоубийстве. Одухотворенность поздней его поэзии способна убеждать: не участь висельника Иуды, а честная мученическая смерть во искупление грехов была дарована ему в конце.

Разве нет у нас права предположить, что слуги «прескверного гостя» (какие бы причины ни скрывались за их действиями) решили уничтожить светлый дар, который оказался в итоге им неподвластен? И в этом случае кончина Есенина обретает великий смысл, во всем сопричастный его родине, даже в самой смерти вечно побеждающей своих ненавистников. Потому что можно уничтожить сосуд, наполненный светом, но сам свет, саму любовь убить невозможно. Не эти ли очевидные истины заставили священника после разговора с матерью поэта, несмотря на то что церковь, исключая особые случаи, не молится о самоубийцах, совершить заочное отпевание раба Божия Сергия?»³ Панихиды по Есенину совершались после его смерти в нескольких церквях, совершаются и сейчас. «В Казанской церкви села Константиново Сергея Александровича заочно отпел его духовный наставник протоиерей Иоанн Смирнов, — пишет И.В. Евсин, — а в соседнем с селом Константиново селе Федякино — священник Василий Гаврилов. Его правнук А.Б. Калякин вспоминает, что отец Василий служил панихиды по Есенину вплоть до своего ареста в 1938 г.»⁴

В-третьих, сейчас тайна смерти Есенина — тема, которую продолжают активно обсуждать,

делая новые предположения и выдвигая гипотезы. Можно привести много примеров прежнего, как и во второй половине 1980 – первой половине 1990-х годов, внимания и интереса к проблеме гибели поэта.

В августе 2007 года по результатам голосования на сайте радиостанции «Эхо Москвы» Есенин стал самым интересным для радиослушателей героем среди политических, государственных деятелей, литераторов и военачальников, фамилия которого начинается на букву «Е». И когда ведущие предложили голосование среди слушателей «Эха Москвы», то четыре пятых этой довольно специфической по составу аудитории поддержали мнение, что Есенин – великий поэт. И почти столько же (более 72,5%) поддержали версию о насильственной смерти Есенина. Выступающие верно отметили, что «дискуссия о том, не была ли смерть Есенина убийством, замаскированным под самоубийство, вновь вспыхнула недавно после того, как на «Первом канале» вышел сериал о Есенине, сюжет которого основан именно на конспирологической версии гибели поэта». Беседа на радиостанции вновь обозначила две версии о гибели Есенина. Версию о самоубийстве, высказанную им еще в 1992–1993 годах при анализе посмертных масок и других материалов, связанных с гибелью Есенина, подтвердил судмедэксперт антрополог С.А. Никитин. Его оппонентом выступил Н.Н. Браун – сын Н.Л. Брауна, пришедшего в номер ленинградской гостиницы после смерти Есенина. «...В моей семье и в узких писательских кругах, а они были очень узкими, и я знал этих людей, – рассказывал Н.Н. Браун радиослушателям, – никогда не было никаких версий, мы все абсолютно точно знали, что Есенин был убит.

Мой отец Николай Леопольдович Браун пришел в гостиницу «Англетер» после звонка Павла Медведева в редакцию журнала «Звезда». <...> Я расспрашивал об обстоятельствах смерти Есенина, о том, как он выглядел, у Павла Николаевича Лукницкого, который не скрывал, что он тогда работал в ГПУ, и я с ним чаще всего встречался по поводу смерти Гумилева. И вот однажды я его расспросил по поводу смерти Есенина. Он мне сказал: Есенин был изувечен при допросе, левого глаза у него даже не было. Он был весь изуродован. <...> Моисея Наппельбаума, который на самом деле был отличным ретушером, пригласили из Москвы как раз специально для того, чтобы он представил это <лицо Есенина на посмертных снимках> в таком виде, в котором это должно быть по легенде». Когда Н.Н. Браун сообщил о том, что почти все рукописи, которые Есенин привез с собой в Ленинград, пропали, С.А. Никитин сказал, что вопросом о есенинских рукописях никто не занимался.

Отметим, что поэт и общественный деятель Н.Н. Браун не раз высказывался на тему, связанную со смертью Есенина (об этом подробнее говорится в другой главе этой книги).

О фильме «Есенин» много писали и говорили. При этом практически все люди, хорошо знакомые с биографией и творчеством Есенина, крайне негативно отнеслись к фильму, искажающему облик Есенина и многих его современников, изобилующему мелкими и крупными ошибками. В фильме крайне слабо представлено главное дело жизни Есенина – его творчество! Впрочем, для современного коммерческого проекта это, к сожалению, скорее правило, чем исключение. Примечательно, что исполнитель главной роли популярный актер Сергей Безруков в интервью

признавал, что из фильма было удалено около четырех часов отснятого и подготовленного материала – в основном то, что связано с творчеством поэта, с раскрытием его характера и отношений с окружающими. Но ведь доступен тот вариант фильма, который был смонтирован по заказу «Первого канала» и представлен публике, и именно он останется в памяти.

Режиссер, драматург, писатель Юрий Ершов в «Российской газете» 11 ноября 2005 года справедливо отметил: «Что же мы видим в сериале «Есенин»? Одна сюжетная линия – следователь пытается разгадать загадку гибели поэта, а ему сопротивляется человек компромисса, которого играет Олег Табаков. Параллельно это переплетается с показом того, каким, по представлению создателей фильма, Есенин был в жизни. И эта линия провальна, порочна, сделана на потребу сегодняшнего времени. Люди, которые не знают Есенина, так для себя его и не открыли. Гений не виден. Нам показывают пьяницу и дебошира. И телезрителям непонятно, за что его любили выдающиеся женщины эпохи – Зинаида Райх, Айседора Дункан...

Мы, любя Есенина, должны еще больше прийти к поэту, а мы от него отворачиваемся. Происходит отторжение, потому что показывают банальную чернуху: как он пьет, дебоширит. Это неинтересно. Интересно другое: что повлияло на его музу, отчего рождались гениальные стихи? Это могло стать предметом драматургии. А получился декоративный лубок».

Историк, архивист, консультант фильма Анатолий Прокопенко в той же газете отмечает, что «впервые за многие десятилетия, прошедшие со дня трагической гибели великого поэта России, нашелся творческий коллектив, который смело и

недвусмысленно решился рассказать, что С.А. Есенин был зверски убит, а не повесился... Это очень важно. Потому что самоубийца – непрощаемый грешник, а убиенный – мученик.

<...> Мне известно, что С. Безруков в определенной степени вынужден был уступить продюсерам, поступиться в той или иной степени исторической правдой ради сомнительной эпатажности». Впрочем, Павел Басинский полагает: «Этот фильм убеждает, что Есенин как раз сам повесился». Сотрудники редакции «Курская правда» отметили, что фильм порочит образ гения, образ национального поэта.

Фильм снят по одноименному роману Виталия Безрукова, в котором описана смерть поэта:

«...Эрлих торопливо схватил портфель и понял, что наган в нем: Есенин ничего не заподозрил... Есенин закрыл за ним дверь...

...Дверь отворилась, не скрипнув, петли, видать, смазали заранее, и в номер вошел Блюмкин, за ним гэдэушник и тот подсадной «белый офицер», что был с Есениным в камере на Лубянке. Он запер дверь за собой. Увидал Блюмкина Есенин – сердце его зашлось в смертельной тоске. Крикнул он в отчаянье: «Черный человек! Черный человек!» – и швырнул в морду его гармонь русскую. Упал на пол Блюмкин. Бросился Есенин к чемодану, сунул руку, но нет там нагана! «Эх, Эрлих, иуда!...»

Двое других разом навалились на одного Есенина, усадили на стул, удавку на шею накинули. Хрипит Есенин, правой рукой вцепился в веревку. Вскочил Блюмкин... и наганом со всего маху рукояткой в лицо! Еще! Еще! Один бьет, двое держат! Глаз вытек! Переносица проломлена! Обмяк поэт, затих».

«Для меня неоспоримый факт, что Есенина убили, – говорит Виталий Безруков. – Следователь Хлысталов – профессионал, с позиции современ-

ной криминалистики доказал, что это убийство. Он занимался расследованием 13 лет».

Родной внук Есенина Сергей Владимирович Есенин и правнучка Анна, отвечая на вопросы корреспондента «Комсомольской правды», заявили: «Да, мы верим в версию убийства поэта. Эксгумация останков поэта не повредила бы – чтобы народ успокоился. Но на это никто не хочет идти. И открывать архивы тоже, потому что нить потянется до наших современников.

Не согласны с версией, что заказчик убийства – Троцкий. Наверняка это было политическое убийство...».

Племянница Сергея Есенина С.П. Есенина полагает, что сейчас наиболее важными документальными свидетельствами убийства Есенина являются посмертные маски, фотографии, рисунки мертвого Есенина.

Несколько лет назад Светлана Петровна Есенина в Константинове на юбилейных торжествах, посвященных 110-летию со дня рождения С.А. Есенина, передала Председателю Совета Федерации РФ С.М. Миронову следующее обращение:

«Уважаемый Сергей Михайлович!

Наступление двадцать первого века подводит итоги минувшего столетия во всех сферах жизни российского общества. Все больше появляется правдивых исследований и сенсационных открытий в истории нашего государства. Но не все еще получило свою достойную оценку. До сих пор остаются невыясненными судьбы многих великих людей России, но одна из самых загадочных из них – судьба Сергея Александровича Есенина. Народ хочет знать правду, однако до сих пор со всей ответственностью можно говорить об иска-

женной информации или дезинформации фактов трагической гибели поэта. А между тем это вопрос национальной значимости. Восемьдесят лет назад на основании непрофессионально составленного сотрудником 2-го отделения милиции г. Ленинграда Н. Горбовым акта была объявлена официальная версия гибели поэта – самоубийство. И все последующие годы так называемые друзья поэта, околупартийные литераторы и журналисты и даже партийные деятели формировали и муссировали образ поэта – пьяницы и скандалиста, самородка от сохи, который не увидел и не понял светлого будущего и в минуту душевного разлада наложил на себя руки.

Обстоятельства гибели от родных тщательно скрывались. Но время все ставит на свои места. И родным поэта, и всем русским людям небезразлично отношение к светлomu имени любимого певца России. После гибели Есенина Генеральная Прокуратура СССР не сочла нужным возбудить официальное уголовное дело по обстоятельствам его смерти, тем самым она от имени государства поддерживала версию самоубийства. В 1989–1992 годах выяснением смерти поэта на общественных началах занималась комиссия Есенинского комитета <...>.

С самого начала была задана версия 1925 года, поэтому и материалы подбирались для ее подтверждения.

Комиссия не удосужилась ни поднять ведомственные архивы Российской Федерации, Азербайджана, Грузии и Узбекистана, ни даже исследовать беспристрастно посмертные фотографии поэта <...>. Надо сказать, что за последнее время обнаруживаются все новые косвенные факты, заставляющие усомниться в добровольной смерти

поэта. По закону расследование причин смерти С.А. Есенина является прерогативой Генеральной прокуратуры РФ. Однако она решительно, но малообоснованно отказывается возбудить уголовное дело <...>.

Сложившаяся ситуация, уважаемый Сергей Михайлович, заставляет нас обратиться к Вам с последней надеждой на справедливость. Мы просим передать наше письмо на рассмотрение господина президента. Мы не преследуем цели установления личностей, виновных в гибели С.А. Есенина, мы хотим снять с него клеймо «висельника-самоубийцы», даже если для этого потребуются эксгумация останков поэта.

Мы, как многие соотечественники, уверены в том, что такое расследование убедительно опровергнет факт самоубийства и имя великого сына России будет очищено от скверны и лжи.

СП. Есенина, племянница С.А. Есенина

С.В. Есенин, внук С.А. Есенина

*А.С. Прокопенко, историк, архивист,
заслуженный работник культуры РСФСР*

С.В. Безруков, заслуженный артист РФ

В.Ю. Паришков, режиссер-документалист».

Это письмо, насколько нам известно, осталось без ответа.

Обстоятельства смерти Есенина так и не прояснены...

СТРАШНАЯ ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

Питерские зимы обычно хоть и не очень холодные, но ветреные и оттого студёные. Солнце редко показывается, да и темнеет рано, потому и неуютно здесь человеку, особенно приезжающему из других мест в город на Неве, не раз менявшему свое имя, а имя, как известно, оказывает влияние и на душу, и на суть. Многоликий и непростой для жизни этот город. И во многом трагический. Сколько великих наших соотечественников скончалось здесь. Пушкин в муках умирал после полученной на дуэли раны – и к постели обреченного на раннюю и трагическую для всей России смерть были обращены взоры многих. Есенин же ушел из жизни в номере комфортабельной гостиницы города, в то время Ленинграда, – и, как и Пушкин, унес с собой тайну великого таланта, тайну дарованного Богом пророчества. Сколько стихов осталось ненаписанными, а порой и незаписанными, ведь многие есенинские строки так никогда и не были воспроизведены поэтом на бумаге, оставаясь в его сознании, где слова сплетались в образы, звуки оборачивались музыкальностью, и окружающим казалось, что его удивительное по силе воздействия творчество – не требующее усилий излияние сокровищ души. Но все было иначе: огромная внутренняя работа Есенина, результатом которой становились удивительные и неповтори-

мые его стихи, требовала колоссальных усилий разума, воли, расхода непомерного количества энергии. Нелегко давались стихи. Трудной, тяжелой была жизнь Есенина. И посмертная его судьба тяжела и трагична. Но Есенин сохранился в памяти народной. Именно благодаря миллионам людей, которые в душе своей берегли его поэзию, переписывали и читали его стихи, ощущали могучую силу его таланта, есенинский голос звучал в самые тяжелые для нашей страны годы.

Тайная сила творчества Есенина переплелась с тайной его смерти. Жизнь оборвалась неожиданно и трагически. Он ехал в Ленинград работать, желая освободиться от многих проблем, подстерегавших его в Москве, но суровый и негостеприимный град Петра стал для него последним земным пристанищем. А 28 декабря 1925 года – день его гибели – трагическим рубежом для русской литературы. Смерть Есенина завершила первую четверть XX века – серебряного века русской поэзии, периода расцвета таланта многих крупных отечественных прозаиков.

Антон Павлович Чехов, Лев Николаевич Толстой, Леонид Николаевич Андреев, Николай Степанович Гумилев, Александр Александрович Блок, Сергей Александрович Есенин. Сколько смертей великих писателей – классиков отечественной литературы – за четверть века! День похорон Есенина – 31 декабря 1925 года – последний день этого четвертьвекового периода литературного расцвета России. Столь печально и трагически завершившегося. Следующий четвертьвековой отрезок станет трагическим не только для русской поэзии, не только культуры, но и для всего народа, для всей страны. 1926–1950 годы – сколько смертей невинных, десятки миллионов насильно убиенных! И смерть Есенина – на рубеже этих двух периодов. Страшная, трагическая смерть!

«КАЖДЫЙ УНЕС В СЕБЕ ЗЛОБУ ПРОТИВ КОГО-ТО, ПОГУБИВШЕГО СЕРГЕЯ»

События, произошедшие после смерти Есенина, можно детально восстановить по воспоминаниям людей, являвшихся их непосредственными участниками. Крайне важны официальные документы, тексты многих из которых в полном объеме стали доступны сравнительно недавно благодаря работе Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта.

Первой утром 28 декабря 1925 года пришла к номеру поэта Е.А. Устинова. Текст ее показаний частично утрачен, приводим его в том виде, в котором он опубликован после восстановления: «Я, Устинова Елизавета рассталась с покойн<ым> Сергее<м> Есе<ниным> 27-го вечером часов о<коло> ... ти. Утром <28>-го я пошла его будить, долго ... никто не отк<рыв>ал, в это время подошел <муж и> Эрли<х> ... мы сильно стучали в дверь вместе. Я пошла ... попросила открыть дверь, но в ... кровати не нашла, под<ошла> ... диван... потом увидела висящ<ий> труп. Вышла и позвала Назарова»⁵.

В воспоминаниях, датированных 3 январем 1926 года, Е.А. Устинова напишет об этом более подробно:

«28-го я пошла звать Есенина завтракать, долго стучала, подошел Эрлих – и мы вместе стучались. Я попросила наконец коменданта открыть комнату отмычкой. Комендант открыл и ушел. Я вошла в комнату: кровать была не тронута, я к кушетке – пусто, к дивану – никого, поднимаю глаза и вижу его в петле у окна. Я быстро вышла.

Поздно вечером накануне заходил к нему поэт Эрлих. Есенин встретил его в пальто и быстро с ним попрощался. У мертвого Есенина был найден надрез локтевого сухожилия правой руки (локтевой мускул). Видимо, решившись на самоубийство, Есенин или хотел умереть от потери крови, надрезая сухожилие, или хотел отрезать себе отступление в жизнь. Видимо, Есенин, услышав стук Эрлиха, чтобы он не увидел пореза у него на руке, накинул пальто. Рана была неглубока: от бритвы «Жилет». Своевременно Эрлих взял с собой все запасные ножички от бритвы, чтобы не дать возможности Сергею Александровичу повторить утренний опыт писания стихов кровью.

В Ленинград Есенин навез много вещей, заботился о квартире, совещался со мной о покупке в магазинах громоздких «оседлых» вещей для квартиры и т.д.

Думаю, что Есенин покончил с собой в состоянии, близком к умопомешательству, иначе трудно объяснить все предыдущие дни с их надеждами на будущее»⁶.

Как видим, Е.А. Устинова, в течение нескольких дней, проведенных Есениным в Ленинграде, подолгу с ним общавшаяся и первой увидевшая висящее в гостиничном номере тело, не может объяснить причины самоубийства. Поэт приехал в Ленинград работать, планировал обосноваться здесь основательно. «Надежды на будущее», кото-

рыми был одухотворен Есенин, входят в противоречие с тем, что увидела Е.В. Устинова в его номере. Выводы, которые можно сделать из воспоминаний Устиновой, написанных спустя всего неделю после трагедии, — Есенин не собирался умирать.

Управляющий гостиницей В.М. Назаров, которого Е.А.Устинова позвала в есенинский номер, в своих показаниях написал (этот документ также значительно поврежден и восстановлен): «Я, граж<данин> Назаров <В.> М. пришел около 10 у<тра> в гостин<ицу> после десяти утра вернее пол<овина> одиннадцатого при<шла> <ж>ена граж. <Усти>нова проживающая в это<й> гост<иниц>е <в> № 130 и попросила кл<юч> ... от № 5. <...> граж. Устинова <...> мне заявила, что она не может достучаться к жильцу граж. Есенину открыв замок с большим усилием так как ключ торчал с внутренней стороны я пошел не прошло и двух минут как граж. Устинова <...> с ней граж. данин Эрлих догнали меня и хватаясь за голову в ужасе говорят, что пройдите в № 5. Войдя в комнату, я увидел граж. Есенина висевшим в переднем правом углу на веревке привязанной к входящей трубе центрального отопления, я всех вывел из комнаты и сейчас же позвонил во 2-е отделение милиции с просьбой выслать представителя для составления протокола. Больше доказать ничего не могу в чем и подписуюсь»⁷.

Хотя ключ и торчал в замке изнутри, В.М. Назаров все-таки дверь открыл. Ему не удалось бы этого сделать, если бы ключ находился под каким-либо углом. Тогда дверь пришлось бы взламывать. А если дверь можно было открыть снаружи, снаружи ее можно было и закрыть, если предположить, что кто-то выходил из есенинского номера, предварительно вставив ключ изнутри в замочную скважину.

В.И. Эрлих, вошедший в номер вторым после Е.А. Устиновой, дал следующие показания: «По приходу в гостиницу около № 5 я застал гражд. Устинову которая стояла у № 5 занимаемого Есениным и стучала. К нам пришел служащий гостиницы <...> увидели, что ключ от кабинета торчал с внутренней стороны кабинета. Я и Устинова попросили открыть дверь запасным ключом; когда открыли кабинет то служащий в кабинет не зашел, а вошла Устинова за ней вошел я не видя ничего в кабинете на кушетку бросил свою верхнюю одежду и портфель, Устинова вскрикнула и оттолкнула меня я увидел что в углу на трубе от парового отопления висел Есенин выбежали с кабинета и Устинова побежала на верх, чтобы сообщить мужу и сообщили администрации гост<иницы... ко>торая сообщила в отдел милиции...»⁸

В.И. Эрлих, опубликовавший в 1930 год книгу «Право на песнь», рассказывающую о Есенине, в том числе о последних днях жизни поэта, о событиях 28 декабря 1925 года написал предельно кратко. В.И. Эрлих был одним из последних, кто видел живого Есенина. «К чаю пришел Устинов, привел Ушакова, – вспоминал В.И. Эрлих о событиях вечера 27 декабря. – Есенин говорил почти весело. Рассказывал про колонку. Бранился с Устиновой, которая заставляла его есть.

– Тетя Лиза! Ну что ты меня кормишь? Я ведь лучше знаю, что мне есть! Ты меня гусем кормишь, а я хочу косточку от гуся сосать!

К шести часам остались втроем: Есенин, Ушаков и я. Устинов ушел к себе «соснуть часика на два». Елизавета Алексеевна тоже.

Часам к восьми и я поднялся уходить. Простились. С Невского я вернулся вторично: забыл портфель. Ушакова уже не было.

Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накинув шубу, и просматривал старые стихи. На столе была развернута папка. Простились вторично.

На другой день портье, давая показания, сообщил, что около десяти Есенин спускался к нему с просьбой: никого в номер не пускать»⁹.

Как видим, и В.И. Эрлих ничего не пишет о самоубийстве – ни в официальных показаниях, ни в воспоминаниях, ни в телеграмме, отправленной в Москву Г.А. Бениславской: «Сообщите Наседкиным Сергей умер»¹⁰.

Впрочем, в воспоминаниях В.И. Эрлиха есть другая важная информация: Есенин рассказывал в последний день жизни, что его хотели взорвать: «С утра поднялся галдеж.

Есенин, смеясь и ругаясь, рассказывал всем, что его хотели взорвать. Дело было так. Дворник пошел греть ванну. Через полчаса вернулся и доложил – пожалуйста! Есенин пошел мыться, но вернулся с криком, что его хотели взорвать. Оказывается, колонку растопили, но воды в ней не было – был закрыт водопровод. Пришла Устинова.

– Сергунька! Ты с ума сошел! Почему ты решил, что колонка должна взорваться?

– Тетя Лиза, ты пойми! Печку растопили, а воды нет! Ясно, что колонка взорвется!

– Ты дурень! В худшем случае она может распаяться.

– Тетя Лиза! Ну что ты в самом деле говоришь глупости! Раз воды нет, она обязательно взорвется! И потом, что ты понимаешь в технике!

– А ты?

– Я знаю!»¹¹

Учитывая это, просьба Есенина никого не пускать к нему в номер могла быть связана с опасениями за свою жизнь. Однако эта просьба, о чем

свидетельствуют процитированные материалы допросов и воспоминаний, не была выполнена. Служащий гостиницы запасным ключом открыл дверь есенинского номера по требованию гостей поэта, причем даже не потрудился заглянуть в номер. Следовательно, и другие служащие гостиницы (или те люди, у которых был ключ) могли ночью открыть эту дверь.

Е.А. Устинова, выбежав из номера Есенина, отправилась звать своего мужа, который также был допрошен. Текст показаний Г.Ф. Устинова дефектен. Н.Н. Дедов, в 1993 году старший прокурор управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, восстанавливает текст следующим образом: «Я Устинов Г.Ф. о самоубийстве Есенина могу сказать...»¹², хотя от слова «самоубийство» осталось только «бийство», поэтому поврежденный текст¹³ можно раскрыть и следующим образом: «Я Устинов Георгий об убийстве Есенина могу сказать...» В показаниях Г.Ф. Устинов сообщает, что «...в Ленинград приехал он <Есенин> веселый, оживленный, рассказал, что он разошелся с женой С.А. Толстой и порвал со своими родственниками. Впрочем, это было уже не в первый раз, и резкая перемена отношений была у Есенина в характере.

Все дни пребывания в «Англетере» Есенин вел себя смирно, первые дни пил, вставал рано. Мы с женой бывали у него ежедневно, вместе пили чай, завтракали. Есенин читал много своих новых стихов, из которых тягостное впечатление произвело на меня стихотворение «Черный человек», – стихотворение о бреде, о мучительной галлюцинации.

Вчера, 27 декабря, мы с женой, т.т. Эрлих и Ушаков, живущий в этой же гостинице, просиде-

ли у Есенина часов с 2 до 5–6 час. Есенин был немного выпивши, но потом почти совсем протрезвился. Вспоминали Москву, когда он жил у меня, вспоминал о своей первой жене З. Райх, с которой он разошелся еще в 1919–1920 г., о своих детях, которые остались при Райх, показал матерчатую папку – кажется, подарок ее Есенину, а на папке внизу мелкими буквами карандашом надпись Райх – что-то о долгой любви. Одного из детей Райх Есенин считал не своим и об этом говорил и возмущался ее вероломством и ложью.

Когда мы уходили – уходили вместе все четверо, – Есенин обещал ко мне зайти, но не зашел. Вечером я к нему также не сумел зайти: ко мне пришел писатель Сергей Семенов, мы с ним довольно долго поговорили, а потом мы с женой легли спать. Проснувшись, я попросил жену поставить самовар. Самовар накануне остался в комнате Есенина. Комната оказалась изнутри запертой. В это время подошел тов. Эрлих. Они позвали коменданта т. Назарова, который открыл дверь отмычкой, в комнате был найден повесившимся поэт Сергей Есенин»¹⁴.

Показания Г.Ф. Устинова отличаются от показаний В.И. Эрлиха, который сообщал о запасном ключе, а не об отмычке. И, конечно, было бы странным, если бы служители гостиниц пользовались отмычками для проникновения в номера постояльцев. Не стыкуются воспоминания Г.Ф. Устинова и с воспоминаниями, вошедшими в книгу В.И. Эрлиха «Право на песнь», в которой говорится, что гости уходили от Есенина постепенно. Г.Ф. Устинов сообщает о том, что «уходили вместе все четверо», и будто выстраивает себе алиби: долго общался в своем номере с С. Семеновым, потом легли с женой спать.

Вероятно, судя по всему тексту показаний Г.Ф. Устинова, Н.Н. Дедов прав – Георгий Феофанович первым написал в своих показаниях о самоубийстве Есенина.

Впрочем, и В.М. Назаров, вызвавший милицию, сообщил о самоубийстве. Участковый надзиратель Н. Горбов, прибывший на вызов, в акте, составленном в присутствии В.М. Назарова и понятых, среди которых В. Рождественский и П. Медведев, в своем акте отметил: «Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей граж. Назарова В. Мих., о повесившемся гражданине в номере гостиницы...»¹⁵ Понятно, что для управляющего гостиницей убийство стало бы значительно большей проблемой, чем самоубийство.

Проблемой убийство могло стать и для участкового надзирателя. И Н. Горбов, не занявшись выяснением причин смерти, пишет в акте: «Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина, в следующем виде, шея затянута была не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи, лицо было обращено к трубе, и кистью правой руки захватился за трубу, труп висел под самым потолком, и ноги от пола были около 1,5 метров, около места, где обнаружен был повесившийся, лежала опрокинутая тумба, а канделябр, стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре его было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез на левой руке на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную белую рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам повесившийся оказался Есенин Сергей Александрович пис<ате>ль приехавший из Москвы 24 декабря 1925 г.»¹⁶ Вот и Н. Горбовым

Есенин назван повесившимся. Даже по короткому документу заметна малограмотность Н. Горбова. Представитель прокуратуры Н.Н. Дедов в 1993 году отметил «низкое качество и неполноту акта осмотра места происшествия и трупа С.А. Есенина»¹⁷, проведенного участковым надзирателем милиции Горбовым без участия врача, в котором не отражены существенные обстоятельства (состояние номера, размеры веревки, высота ее привязывания и др.), с тем, чтобы убедительно подтвердить возможность для Есенина закрепить веревку высоко под потолком, а также невозможность проникновения посторонних лиц в закрытый изнутри гостиничный номер.

Однако, как свидетельствует существующая и в настоящее время практика работы органов следствия и дознания, такие нарушения нередко допускаются при очевидности «ненасильственной» смерти». То есть для малограмотного участкового надзирателя, пришедшего в помещение с висящим под потолком трупом, все стало ясно без проведения каких-либо дополнительных экспертиз – самоубийство. И он не стал обременять себя поиском каких-либо доказательств или противоречий в показаниях, которые, как будет видно по приводимым ниже цитатам, существовали.

Вот воспоминания одного из понятых – Вс. Рождественского: «Было туманное колючее раннее утро, более похожее на сумерки. Все кругом скрипело от мороза, а в гулких пустынных комнатах Госиздата люди сидели в шубах и валенках. Я только что поднялся в верхний этаж Дома книги, как на столе затрещал телефон. Никого из сотрудников поблизости не было. Трубку взял оказавшийся рядом литературовед П.Н. Медведев. По выражению лица я увидел, что произошло что-то необычай-

ное: звонили из гостиницы «Англетер», сообщали о том, что ночью в своем номере повесился С.А. Есенин. Просили сказать это друзьям. Мы ринулись к выходу. Почти не обмениваясь ни словом, бежали мы по Невскому и Морской к мрачному зданию гостиницы на Исаакиевской площади.

Начиналась метель. Сухой и злой ветер бил нам в лицо.

Дверь есенинского номера была полуоткрыта. Меня поразили полная тишина и отсутствие посторонних. Весть о гибели Есенина еще не успела облететь город.

Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным – в нем ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольской пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды, сидел милиционер в туго подпоясанной шинели и, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей. В этом сухом документе все было сказано кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался еще более нелепым и страшным.

Обстановка номера поражала холодной, казенной неуютностью. Ни цветов на окне, ни единой книги. Чемодан Есенина, единственная его личная вещь, был раскрыт на одном из соседних стульев. Из него клубком глянцевитых переливающихся змей

вылезали модные заграничные галстуки. Я никогда не видел их в таком количестве. В белесоватом свете зимнего дня их ядовитая многоцветность резала глаза неуместной яркостью и пестротой.

В окне мелькал косой летящий снег, и на фоне грязновато-белого неба темная глыба Исаакия казалась огромным колоколом, медленно раскачивающимся в холодном тумане.

Комната понемногу наполнялась людьми. Осторожный шепот пробегал по ней. Передавались подробности, ставшие несколько часов позднее известными всему городу. В первые минуты много было противоречивого, неясного, тем более что Есенин не оставил никакой объясняющей записки, кроме известного четверостишия: «До свиданья, друг мой, до свиданья, / Милый мой, ты у меня в груди...»¹⁸

Приведем и небольшой текст, написанный В.А. Рождественским 28 декабря:

«Умер Есенин! Это трудно сказать вслух. Это так же трудно сказать, как «нет больше песни... Умерли березовые рощи, вечернее косое солнце, розовая дорожная пыль...»

<...>

Пустой коридор одной из «гостиниц для приезжающих». Дверь настежь. За круглым столом посередине милиция составляет протокол, а тут же на полу, прямо против дверей, лежит, вытянув ноги и запрокинув лицо, Сережа Есенин. Уже тускнеющие, но все еще золотые волосы разметались по грязному полу среди сора и растоптанных окурков.

И невозможно осознать до конца, что вот здесь душной вчерашней ночью умер поэт. Самый простой, самый настоящий, пришедший в наш табачный дым оттуда, из забытых нами рязанских

солнечных полей. Мы затравили его своим чадом и ресторанными скрипками и ничего не могли ему дать взамен его простой правды о свежевспаханном поле, о жеребенке на косогоре у телеграфных столбов. Алкоголь тек в его жилах густой и отравляющей песней.

Но была в этой песне такая ветровая воля, такой полевой простор, что дух захватывало и слезы подступали к горлу...

Сережа Есенин! На загроможденном сугробами многоэтажном дворе положили мы тебя, завернутого в простыню, на мерзлые чухонские дровни. Кто-то сказал возчику: «В мертвецкую Обуховской больницы!» Лошадь тронула с места, и повезли тебя, полуодетого, без шапки в морозную муть по скрипучим улицам равнодушного города.

Умер Есенин. Умерла песня. Еще будут «читать» стихи, еще будут «произносить» их с эстрады, но «петь» уже не станет никто. Новые, машинные ритмы вошли в нашу жизнь, ритмы бодрого, дружного кругового усилия. Одиноким, затерявшийся в полях прохожий, Есенин в последние годы пел только о себе и для себя. Пел, потому что песенный воздух зудил грудь и просился на волю.

Пусть и останется он навсегда в нашей памяти одиноким путником душистой полевой межи, бедный рязанский паренек, с голубыми, как его деревенская речка, глазами!

Прощай, Сережа, — песня, сгоревшая на ветру!»¹⁹

В письме, отправленном 28 декабря 1925 года в Баку В.А. Мануйлову, В.А. Рождественский очень подробно описал события, произошедшие в первые часы после получения информации о смерти Есенина:

«Еще вчера вечером собирался я написать вам, но сегодня берусь за перо с совсем иными мыслями

и очень тяжелым чувством... Умер Сергей Есенин. Убил себя вчера ночью. Сегодня утром мы узнали об этом, и вышло так, что я был в числе тех немногих, которые видели Сережу спустя несколько часов после смерти, такой неожиданной и трагической.

Я расскажу вам, как это было, и сделаю это потому, что вы любили его стихи. Тяжело и трудно писать об этом, но смерть Есенина и последние его часы перед этим самая удивительная, самая горькая из всех его строф. Ее предсказывали все последние стихи.

Утром в понедельник (28 декабря), как всегда, я был в Госиздате, в редакции «Звезды». <...> Приходит П.Н. Медведев в солдатской шинели прямо со своих военных лекций. Вид у него растерянный.

– Сейчас в редакции «Красной газеты» получено сообщение, что умер Сергей Есенин.

– Где? Когда?

– Здесь в гостинице «Angleterre» вчера ночью.

Мы с Медведевым побежали на Морскую в «Angleterre». Только на Невском, в свежем морозном воздухе, я мог осознать всю трагическую нелепость того, что случилось. <...>

Пришли в гостиницу.

– Где Есенин?

– В пятом номере, первый этаж.

В коридоре пусто. Дверь в номер открыта. За столом посредине милицейские составляют протокол. На полу, прямо против двери, лежит Есенин, уже синеющий, окоченевший. Расстегнутая рубашка обнажает грудь. Волосы, все еще золотистые, разметались... Руки мучительно сведены. Ноги вытянулись прямо и блестят лаком тонких заграничных башмаков-туфель. Это несоответствие цветных носков и лакированной кожи с распахнутым русским воротом и рязанской копной

золотистых кудрей сразу же резануло мне глаза. Впрочем, ведь и всю жизнь было так: цилиндр, Айседора Дункан, Нью-Йорк и... «положите меня в русской рубашке под иконами умирать...».

Я был одним из первых, узнавших о его смерти, и потому мне пришлось присутствовать при составлении милицейского протокола, который выяснил мне все обстоятельства, очень скупо подобранные, при которых и произошел Сережин конец. Он вернулся к себе в номер в воскресенье часов в шесть вечера, и последний его приятель ушел от него около восьми часов вечера. Утром в двенадцатом часу жена Г. Устинова, остановившаяся в той же гостинице, вместе с петербургским имажинистом Вольфом Эрлихом постучалась в есенинскую комнату. Ответа не было. Стучали, стучали и решили наконец вскрыть дверь вторым ключом. Есенин висел под самым потолком у окна на вертикальной трубе парового отопления. Веревка от валявшегося тут же чемодана глубоко врезалась ему в горло. Когда его сняли, он был уже мертв. На руках сильные порезы, на столе нож от бритвы. Вероятно, пытался себе вскрыть жилы... Постель с вечера не тронута. В комнате... «гостиницы для приезжающих» сдвинута мебель, окурки на столе и на полу, развязанный галстук, бритва, еще не распакованные чемоданы (Есенин приехал <...> 24 декабря. «Бежал из чертовой Москвы» — так сказал он друзьям).

Комната понемногу наполняется народом. Пришел Н.Н. Никитин, Илья Садофьев, С.А. Семенов, Б.А. Лавренев, художник Сварог делает набросок, фотограф М. Наппельбаум наставляет аппарат, сбегаются любопытные, их, впрочем, немного.

Кончаются милицейские формальности, труп выносят в коридор, комнату опечатывают, и мы

несем Сережу по темным переходам черной лестницы (хозяин категорически отказался выпустить с парадного) к нанятым «ломовым» саням на дворе. Там его, завернутого в простыню, кладем на дровни без всякой подстилки, так, как кладут мерзлые дрова. Хозяин спрашивает: «Куда?» – «В Обуховскую. В покойницкую».

Лошадь трогает. Прощай, Сережа! Прощай, русская песня...»²⁰

В.А. Рождественский присутствовал при составлении милицейского протокола, но отметил в письме, что обстоятельства «очень скупо подобранные». То есть получается, что никто из тех людей, в обязанность которых входило выяснение причин смерти человека, не потрудились создать как можно более полную картину произошедшего.

П. Медведев, также бывший понятым, в работе «Пути и перепутья Сергея Есенина» написал о своем впечатлении от трагедии в ленинградской гостинице: «Как сейчас вижу это судорожно вытянувшееся тело. Волосы, уже не льняные, не золотистые, а матовые, пепельно-серые, стоят дыбом. На лице нечеловеческая скорбь и ужас. Прожженный лоб делает его каким-то зловещим»²¹.

Л. Наппельбаум, вместе со своим отцом – известным фотографом, — принимавший участие в съемке умершего Есенина, вспомнит о происходившем в есенинском номере: «К правому углу комнаты, где упирается в потолок труба отопления, приставлена деревянная стремянка. На верхней ступеньке стоит милиционер. Из-за его спины виднеется фигура человека в черном. Милиционер старательно развязывает шнур»²².

Хорошо знавший Есенина Иннокентий Оксенов пришел в есенинский номер несколько позже В. Рождественского. Он оставил довольно подроб-

ные воспоминания: «... около часа дня в «Звезде» я услышал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался. Затем я поехал во Дворец Труда; заседание кончилось в 2 1/2 часа, и у ворот я купил «Красную» вечерку. Хорошо, что мне попался экземпляр с известием о смерти, иначе я в этот день до вечера ничего не знал бы. Я помчался снова в Ленгиз, там в вестибюле узнал кое-что от Рашковской, нашел Брауна, и вместе с ним и еще кем-то мы пошли в «Англетер». Номер был раскрыт. Направо от входа, на низкой кушетке, лежал Сергей, в рубашке, подтяжках, серых брюках, черных носках и лакированных «лодочках». Священнодействовал фотограф (Наппельбаум), спокойный мужчина с окладистой бородой. Помощник держал слева от аппарата черное покрывало для лучшего освещения. Правая рука Есенина была согнута в локте, на уровне живота, вдоль лба виднелась багровая полоса (ожог? От накалившейся трубы парового отопления, о которую он ударился головой?), рот полуоткрыт, волосы, развившиеся страшным нимбом вокруг головы. Хлопотала о чем-то Устинова. Пришли Никитин, Лавренев, Семенов, Борисоглебский, Слонимский (он плакал), Рождественский; тут же с видом своего человека сидел Эрлих. Когда нужно было отправить тело в Обуховку, не оказалось пиджака (где же он? Так и неизвестно), Устинова вытащила откуда-то кимоно, и, наконец, Борис Лавреневу пришлось написать расписку от правления Союза писателей на взятую для тела простыню (последнее рассказывал мне вечером Борис). Понесли мы Есенина вниз — несли Рождественский, Браун, Эрлих, Лавренев, Борисоглебский, я — по узкой черной лесенке во двор, положили Сергея Есенина в одной простыне на дровни, ломовые дровни (поехал он в том, что на нем было надето,

только «лодочки», по совету милиционера, сняли – «наследникам пригодится». Хороший был милиционер, юный, старательный). Подошла какая-то дама в хорьковой шубке, настойчиво потребовала: «Покажите мне его», – и милиционер бережно раскрыл перед нею мертвое лицо. Лежал Есенин на дровнях головою вперед, ничего под тело не было подложено. Милиционер весело вспрыгнул на дровни, и извозчик так же весело тронул.

Мы разошлись, и каждый унес в себе злобу против кого-то, погубившего Сергея. <...>

Из разговоров трудно понять, как провел Есенин свой последний день. Слухи такие: будто он был трезв; Эрлих ушел от него в 8 часов, но вечером был у него Берман, видевший Сергея пьяным. Передают, что в этот день он уже пытался повеситься, но ему помешали. В номере найдена разорванная в клочки карточка его сына (от З. Райх), склеенная милицией. Будто бы Сергей с кем-то говорил о сыне, что он не от него»²³.

Даже в воспоминаниях человека, который появился в номере «Англетера», где произошла трагедия, еще в то время, когда там находилось тело Есенина, общавшийся с другими находившимися в номере людьми, ощущается явный недостаток информации. И. Оксенов пишет о слухах! Но в гостиницу он пришел, прочитав газетную информацию о самоубийстве. Надо было отправить информацию в редакцию, сверстать газету и отпечатать тираж. И потом человек, прочитавший этот номер газеты, появляется в гостинице и видит там мертвого Есенина. Информация о самоубийстве, не будучи проверенной, очень быстро попала в ленинградскую газету, разлетелась телеграммами по стране и была растиражирована. А вопрос о ком-то, «погубившем Сергея», каждый унес с собой...

Был в есенинском номере и поэт Николай Леопольдович Браун, не оставивший воспоминаний, но рассказывавший об увиденном в гостинице сыну. Довольно подробно версия событий, основанная на воспоминаниях отца, изложена Н.Н. Брауном в беседе с Владимиром Желтовым («Новости Петербурга», 2006, 14–20 марта, № 10).

«У отца была замечательная память, – рассказывал Н.Н. Браун. – Но он намеренно не писал воспоминаний, не хотел даже слышать об этом. Только в середине 60-х он впервые рассказал мне, уже взрослому, о том, как выносил убитого Есенина из «Англетера». Оказавшись в мордовских политлагерях, я на свидании обратился к отцу с просьбой написать о Есенине. Рассказать все как было. В надежде, что после освобождения опубликую его воспоминания за рубежом. У меня был большой срок – 10 лет (ст. 70 УК РСФСР), который я отбыл до конца. Отец прислушался к моей просьбе, выполнив ее частично. Воспоминания он написал, но заведомо только то, что могло быть опубликовано в советской печати. <...>

В редакцию «Звезды», где в то утро были только Николай Браун и Борис Лавренев, из «Англетера» позвонил <28 декабря 1925 года> Павел Медведев. Он попросил их прийти, сообщив, что Есенин покончил с собой. Писатели должны были увидеть Есенина мертвым и подтвердить версию суицида. О том, как Есенин покончил самоубийством, в гостинице рассказали Медведев, Фроман и Эрлих. Но и они, как оказалось, ничего своими глазами не видели. Им тоже «рассказали». Покойный был уже приготовлен для демонстрации. Однако первоначальные фотоснимки, которыми мы сегодня располагаем, обнаруживают совсем иное. У Есенина были изрезаны, похоже, бритвой, руки. Но не по-

перек, а вдоль. Как при пытке. Левый глаз запал. Две пробоины чуть выше переносицы и одна – над правым глазом. А ведь Николай Леопольдович говорил мне о «глубоко проникающей ране под правой бровью», которая была «смертельной», о «синяке под левым глазом», о «следах побоев». Отец в голодное время, в 1919–20 годах, чтобы выжить, работал санитаром «Скорой помощи». Он неплохо знал анатомию. Трупов он видел много, среди них попадались и висельники. Но у Есенина не было ни посинения лица, ни высунутого языка.

«Есенина нужно было выносить, – рассказывал отец, – я взял его, уже окоченевшего, под плечи. Волосы рассыпались мне на руки. Запрокинутая голова опала. Были сломаны позвонки». В книге Мельгунова «Красный террор в России» упоминаются специальные удавки для ломки позвоночника, имевшиеся в ЧК. Удавка могла быть применена и здесь. Чем и как был пробит лоб Есенина? Такой вопрос возникает при взгляде на одну из посмертных масок, где в проломе над переносьем две дыры. В ЧК имелись для этой цели молотки с острыми концами-клювами. <...> Я спрашивал Николая Леопольдовича, не был ли Есенин застрелен. Ответ был краток: «Он был умучен!» Двойная вмятина над переносьем могла быть от удара его же револьвером, к тому же у нагана на середине рукояти внизу – ушко из стали.

Поэтесса Ида Наппельбаум говорила мне, что ее брат Лев помогал милиционеру, стоявшему на стремянке, снимать повешенного Есенина с отопительной трубы. Теперь уже широко известен тот факт, что шея покойного была обмотана веревкой несколько раз.

При повешении у человека расслабляются все органы. Никакой врач не поверит, что перед ним

самоубийца, если мочевого пузыря не опорожнился. И на полу, и на диване, куда положили тело Есенина, было сухо.

Браун с Лавреневым категорически отказались подписаться под протоколом, где говорилось, что Есенин покончил с собой. Протокол был составлен даже на первый взгляд неумело, примитивно. Но под ним уже стояли подписи сотрудников ОГПУ Вольфа Эрлиха и Павла Медведева, секретаря Союза писателей Михаила Фромана и поэта Всеволода Рождественского. Николай Леопольдович тут же упрекнул последнего: «Сева, как же ты мог под этим подписаться! Ты же не видел, как Есенин петлю на себя надевал!» Он ответил: «Мне сказали – нужна еще одна подпись».

<...> Труп был в пыли, в волосах песок. Браун решил, что Есенина в номер «Англетера» принесли. «Откуда?» – спросил я. «Вероятно, с допроса...» Здесь необходимо напомнить: в этот период Есенин был под следствием (13 спровоцированных тогдашней Лубянкой уголовных дел). <...> Таким образом, по моему мнению, и был исполнен приговор, замаскированный под самоубийство, чтобы снять подозрение с исполнителей.

Художник и поэт Василий Сварог, автор посмертного портрета-рисунка Сергея Есенина, сделанного с натуры, в своих воспоминаниях тоже написал, что труп был весь в пыли: сложилось впечатление, что он был принесен в номер завернутым в ковер. Кстати, воспоминания Сварога – еще одно доказательство того, что Есенин приехал в наш город жить, а не заканчивать жизнь самоубийством. У поэта было огромное желание увидеть первый том своих сочинений, подготовленный к печати, а в ближайших планах – выступить с чтением своих стихов. А поскольку Сварог был

еще виртуозным гитаристом и у них с Есениным был опыт совместных выступлений, они заранее сговорились о вечере мелодекламации, где Сви-рог сопровождал бы чтение стихов.

<...> Были изъяты все бумаги, незаконченное произведение «Пармен Крямин», начало второй части «Страны негодяев», где действие происходит в Америке, и около двух десятков новых стихотворений. Для частичного прикрытия обыска у поэта «Красная газета» 29 декабря 1925 года сообщила: «Есенин читал в кругу друзей до 15 новых лирических стихов, которые, по-видимому, были зафиксированы лишь у него в памяти».

Внешность Есенина трижды «приводилась в порядок». Без «макияжа» его могли видеть только сотрудники ОГПУ и Моисей Наппельбаум с сыном Львом. Первый грим на лицо Сергея Есенина был наложен в «Англетере» незадолго до прихода писателей. Второй – в морге Обуховской больницы, перед прощанием в Союзе писателей на Фонтанке, 50. Многих ран и тем более царапин уже не было видно. Николай Леопольдович Браун дважды выносил тело Есенина: вначале из «Англетера» – под плечи, затем в гробу – из Союза писателей. Он заметил большие изменения во внешности убитого. А в Москве в Доме печати, как вспоминала писательница Галина Серебрякова, уже лежала «нарумяненная кукла». Скульптура! Без каких-либо повреждений. Есенин не был похож не только на убитого, но и на самоубийцу. Вот почему сын покойного Александр Есенин-Вольпин удивлялся: «Как же так, тысячи человек видели отца и ничего не заметили!»

Эмигрантские литераторы 20-х годов поддерживали версию самоубийства только для того, чтобы можно было сказать: советская власть затравила поэта, который с ней заигрывал.

<...> Эксгумация, сколько бы о ней ни говорили, невозможна! Потому что гроба Есенина в могиле нет. Обнаружилось это, когда хоронили мать Есенина Татьяну Федоровну. Вскрыли могилу – там три гроба, но есенинского нет. Сестра Шура помнила гроб брата. <...> Впрочем, нашелся человек, заявивший, что Есенина перезахоронили в дальней части Ваганьковского кладбища. Ваганьковского ли? Это еще вопрос. Поэтому-то потомки и родственники покойного возражают против эксгумации».

Б. Лавренев, как и Н. Браун, не подписавший документ о самоубийстве Есенина, опубликовал в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» статью «Казненный дегенератами». А эпиграфом стали слова М.Ю. Лермонтова, написанные на смерть А.С. Пушкина:

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Вот что писал Борис Лавренев:

«Мерзость запустения казенной ночлежки, отделанной «под Европу», немытые окна, тараканий угол, и в нем на трубах парового отопления вытянувшееся тело – таков конец последнего лирика России – Сережи Есенина.

Есть что-то роковое в том, что чумная зараза города, растлившая душу золотоволосого рязанского парнишки, позаботилась обставить его смерть пакостнейшим своим реквизитом – обстановкой проституированного гостиничного номера.

Трудно говорить перед лицом этой смерти, бесполезно сожалеть.

Но не мешает вспомнить о том, что довело Есенина до такого конца, вернее о тех, кто набросил веревочную петлю на его шею.

Ситцевый деревенский мальчик, простодушный и наивный, приехавший в город наниматься на черные работы в Балтийском порту, он семимильными шагами пришел к такой славе, на какую сам никогда не рассчитывал, и которая вскружила его бесшабашную, неустойчивую голову.

И к этой славе немедленно потянулись со всех сторон грязные лапы стервятников и паразитов.

Растущую славу Есенина прочно захватили ошметки уничтоженной жизни, которым нужно было какое-нибудь большое и чистое имя, прикрываясь которым можно было удержаться лишний год на поверхности, лишний час поцарствовать на литературной сцене ценой скандала, грязи, похабства, ценой даже чужой жизни.

Есенин был захвачен в прочную мертвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извергам, он был объявлен вождem школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его славе, как на спасительном плоту, выплыли литературные шантажисты, которые не брезгали ничем и которые подуськивали наивного рязанца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым в связи с именем Есенина упоминались и их ничтожные имена.

Не щадя своих репутаций, ради лишнего часа, они не пощадили репутации Есенина и не пощадили и его жизни.

С их легкой руки за ними потянулись десятки мелких хищников, и трудно даже установить, какое количество литературных сутенеров жило и пьянствовало за счет имени и кармана Есенина, таская несчастного, обезволенного поэта по всем кабакам, волоча в грязи его имя и казня его самыми гнусными моральными пытками.

Никакая борьба с этими гиенами не могла привести к благотворным результатам. Усилия врачей

и немногих искренне любивших поэта людей разбивались о сплоченность организованной сволочи, дегенератского сброда, продолжавшего многолетнюю казнь поэта.

Теперь Есенина нет. Может быть, в последнюю минуту прояснения ему вспомнилось «рязанское небо», и сознанная невозможность вернуться к нему заставила измученного оборвать «непутевую жизнь».

Я знаю, что перед этой раскрытой могилой будет сказано много сладких слов и будут писаться «дружеские» воспоминания. Я их писать не буду. Мы разошлись с Сергеем в 18-м году – слишком рано легли наши дороги. Но я любил этого казенного дегенератами мальчика искренне и болезненно.

И я имею право сказать: мы не так богаты большими поэтами, чтобы не почувствовать несправедливую боль утраты.

И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни обнаженную правду, и назвать палачей и убийц – палачами и убийцами, черная кровь которых не смоет кровавого пятна на рубашке замученного поэта».

Лавренев совершенно прав в том, что около Есенина было много людей, не только пытавшихся погреться в лучах его известности, но и буквально жить за его счет, есть и пить на его деньги. Лавренев был единственным, кто на следующий день после смерти поэта в печати заявил о «палачах и убийцах», погубивших Есенина. Пишет он и о «замученном поэте», и о «кровавом пятне на рубашке», подтверждая верность воспоминаний Н.Л. Брауна, опубликованных в пересказе уже в наши дни Н.Н. Брауном.

«ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА НА ПЛАХЕ»

Есенина доставили в покойницкую Обуховской больницы, где 29 декабря А.Г. Гиляревским было проведено вскрытие, по результатам которого составлены акт и заключение: «Акт. 1925 г., 29 декабря, в покойницкой Обуховской б-цы было произведено вскрытие трупа гр-на Сергея Александровича Есенина, при чем найдено: Покойному 30 л., труп правильно развит, удовлетворительного питания, – общий фон покровов бледный, глаза закрыты; зрачки равномерно расширены; отверстия носа свободны; рот сжат, кончик языка ущемлен между зубами; живот ровный; половые органы – в норме; заднепроходное отверстие чисто; нижние конечности темно-фиолетового цвета, на голеньях в коже заметны темно-красные точечные кровоизлияния. На середине лба, над переносьем, – вдавленная борозда, длиной около 4 сант. и шириной 1,5 сант., под левым глазом – небольшая поверхностная ссадина; на шее над гортанью – красная борозда, идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди; справа борозда идет немного вверх к затылочной области, там и теряется; ширина борозды с гусиное перо; в нижней трети правого плеча имеется кожная рана с ровными краями длиной в 4

сант.; в нижней трети левого предплечья имеется одна рана идущая в горизонтальном направлении и 3 раны в вертикальном направлении; эти раны длиной около 3 сант. каждая с р... прон<и>кают толщу кожи. Других знаков повр<е>жде<ний> не обнару<жено> целы; под кожным лоскутом ... в лобной области оболочки напряжены; твердая ... мутноват ... мо<зг> 192<0> грам, <...> мозга в норме; в боковых желудочках небольшое количество прозрачной жидкости; вещество мозга на разрезах блестит, на разрезах быстро выступают кровяные точки. Положение брюшных органов правильное, брюшина гладкая <...> Хрящи гортани целы. Кончик языка прикушен; в пищеводе следы пищевой смеси; в гортани и трахее пенистая слизь, слизистая их розоватого цвета. Легкие лежат в грудной клетке свободно. Сердце с кулак покойного, в полостях его жидкая кровь; на наружной оболочке сзади значительное количество точечных кровоподтеков; клапаны и отверстия в норме; на внутренней поверхности аорты – несколько сероватых бляшек; на легочной плевре значительное количество точечных кровоподтеков; легкие пушистые, всюду проходимые для воздуха, с разрезов соскабливается значительное пузырчатой кровяной жидкости, в желудке около 300 кс полужидкой пищевой смеси, издающий не резкий запах вина; слизистая его красноватого цвета. <...>

Заключение. На основании данных вскрытия следует заключить, что смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение. Вдавление на лбу могло произойти от давления при повешении. Темно-фиолетовый цвет нижних конечностей и точечные на них кровоподтеки указывает на то, что покойный в повешенном состоянии на-

ходилась продолжительное время. Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным и, как поверхностные, влияния на смерть не имели»²⁴. Здесь учтены восстановленные в ходе криминалистического исследования, проведенного в апреле 1992 г. во ВНИИ судебных экспертиз, фрагменты поврежденной части акта.

Бросается в глаза значительное количество ран, о которых говорится как в самом акте, так и в составленном на его основе заключении. Вероятно, А.Г. Гиляревский прав в том, что они не могли стать причиной смерти Есенина. Предположение же о том, что они «могли быть нанесены самим покойным», является одной, но отнюдь не единственной версией.

Приведем выдержку из документа, характеризующего качество этого акта, подготовленного представителем Генеральной прокуратуры Российской Федерации Н.Н. Дедовым: «Согласно заключению от 19.02.93 комиссии Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, в результате произведенных исследований фотографий и гипсовых «масок» и экспериментального моделирования установлено, что на трупe С.А. Есенина имелись: странгуляционная борозда, которая образовалась при повешении; вдавление в мягких покровах лобной области, образовавшееся в результате контакта с цилиндрическим предметом, который наиболее вероятно был горячим; круглое темное пятно на верхнем веке правого глаза, возникшее в результате высыхания вершины кожной складки; овальное пятно в области нижнего века левого глаза, которое может быть оценено как небольшая ссадина; деформация спинки носа, которая произошла значительно раньше, при жизни, и не связана со смертью;

поверхностная дугообразная рана на задней поверхности правого предплечья, которая образовалась от касательного воздействия тупого твердого предмета, возможно, посмертно; три продольные линии на наружной поверхности нижней трети левого предплечья, которые можно расценивать, как поверхностные резаные раны или царапины. По заключению экспертов исследование трупа С.А. Есенина проведено в основном в соответствии с «Временным постановлением для медицинских экспертов о порядке производства исследования», утвержденным Народным комиссариатом здравоохранения. При исследовании трупа допущен ряд дефектов: не исследована одежда, не измерена длина тела, не описаны трупные явления, не исследованы мягкие ткани и не указана давность наступления смерти. Однако отмеченные дефекты существенного значения для решения вопроса о причине наступления смерти не имели. Заключение, сформулированное судебно-медицинским экспертом А.Г. Гиляревским, соответствует исследовательской части Акта судебно-медицинского исследования трупа С.А. Есенина»²⁵.

То есть акт А.Г. Гиляревского составлен недостаточно корректно для середины 1920-х годов, так же как и документ участкового надзирателя. Два основополагающих документа, на основе которых десятилетия Есенина считают самоубийцей, оказываются не лишенными весьма заметных изъянов, являются недостаточно полными, со слабой доказательной базой. Но об этом официальный представитель прокуратуры заявил лишь в 1993 году, спустя почти семь десятилетий после гибели замечательного русского поэта...

А тогда, в 1925 году, на следующий день после трагедии, 29 декабря, официальная краткая инфор-

мация о самоубийстве Есенина продолжает распространяться по радио и в печати. Например, ленинградская «Красная газета» помещает материал «Смерть Сергея Есенина»: «Вчера в 10 1/2 ч. утра в гостинице «Англетер» был обнаружен повесившимся на трубе парового отопления поэт Сергей Есенин, несколько дней назад приехавший из Москвы.

Накануне вечером С. Есенин просил администрацию гостиницы не допускать к нему в номер никого, так как он устал и желает отдохнуть.

Сегодня в больнице им. Нечаева состоится вскрытие тела Есенина.

Сегодня получена телеграмма от московских поэтов, которые просят похоронить Есенина в Москве.

Сегодня приезжают из Москвы жена и сестра поэта Есенина. С их приездом будет решен вопрос о времени и месте похорон».

Родным поэта, находившимся в Константинове, о смерти Есенина сначала не сообщили, но срочно вызвали их в Москву. На родину поэта одна за другой поступали телеграммы.

Из воспоминаний сестры поэта Александры Есениной: «29-го утром мама долго будила нас. Мы никак не могли проснуться, словно предчувствуя навалившееся на нас тяжелое горе. На улице все еще бушевала метель.

Часов в одиннадцать нарочный с почты принес нам первую настораживающую телеграмму: «Сергей болен еду Ленинград Наседкин».

Сергей болен. Что могло случиться за пять дней, в течение которых мы не видели его? Стало тревожно, но успокаивало то, что теперь рядом с ним Василий Федорович, свой человек.

Через три часа к нам снова пришел нарочный с почты и на этот раз принес нам еще две телеграм-

мы: одну из Москвы от Анны Абрамовны Берзинь, которая писала: «Случилось несчастье приезжайте ко мне», и вторую от Василия Федоровича из Ленинграда с сообщением о смерти Сергея.

Дом наш наполнился плачем и суматохой. Нужно было немедленно выезжать, хотя поезд уходил с нашей станции поздно вечером, но наступали уже сумерки, а за последние дни на дороги наметало горы снега, через которые нужно было пробираться до станции. Лошадь, везущая нас, по брюхо увязала в сугробах.

На следующее утро мы приехали к Анне Абрамовне втроем: мама, Катя и я. Папе пришлось остаться дома, так как нужно было найти человека, который на время похорон остался бы у нас в доме.

Приехав в Москву и узнав подробности, мы дали ему телеграмму: «Похороны завтра тридцать первого»²⁶.

Газета «Правда» 29 декабря в материале «Самоубийство Сергея Есенина» сообщила: «Всероссийский союз писателей с глубочайшей скорбью извещает о трагической кончине Сергея Есенина, последовавшей в ночь на 28 декабря в Ленинграде. О времени прибытия тела в Москву, о дне и месте похорон будет объявлено особо».

А.Ф. Кони в тот же день отправил письмо вдове Есенина С.А. Толстой-Есениной: «Дорогая и многострадальная София Андреевна – только сейчас, лежа в постели, больной, я прочитал во вчерашней газете известие о горе, обрушившемся на Вас в такой трагической форме. Мое сердце, привыкшее в последнее время к вестям о человеческих страданиях, содрогнулось за Вас, такую еще недавно жизнерадостную и счастливую, и я спешу выразить Вам всю глубину моего участия, скорби и боли за Вас. Не буду говорить Вам слова уте-

шения. «Слова, всегда слова, – говорил подавленный горестью Отелло, – и я не слышал еще, чтобы растерзанное сердце можно было ушивать чрез ухо!» Но я хочу сказать Вам, что более, чем когда-нибудь, грущу, что меня нет в Москве, чтобы прийти к Вам и дать Вам излить свою наболевшую душу. Боюсь, что церемонии и словоизвержения, о которых оповещают газеты, еще более растравят раны Вашего сердца, и молю Бога (столь несовременного и забытого теперь) облегчить Вас и послать Вам душевное умиротворение»²⁷.

В Ленинграде 29 декабря прощались с Есениным. Из воспоминаний Вс. Рождественского: «Через сутки тело Есенина, усыпанное цветами, лежало в маленькой комнатке тогдашнего Союза писателей на Фонтанке. Все кругом было строго, торжественно. Один за другим проходили прощавшиеся, иногда подолгу задерживаясь около гроба. Газеты называли Есенина талантливейшим лириком эпохи, печатали его неизданные стихи, окружали его имя уже ненужной ему теперь славой. Москва готовила торжественные похороны. Я глядел на строгое, вновь помолодевшее лицо Сергея. Теперь он был почти таким, как при жизни, только суровая складка неизгладимо легла между бровями.

Было много цветов. Были речи. Кто-то положил в изголовье несколько тоненьких книжек – стихи его молодости...»²⁸

Вспоминали Есенина и во многих других городах. В.А. Мануйлов написал о том, какой болью отозвалась весть о кончине Есенина в Баку:

«...Известие о смерти Есенина было для всех любивших его неожиданным ударом. 28 декабря 1925 года в редакцию «Бакинского рабочего» пришла телеграмма. В тот же вечер это известие подтвердилось по радио. На другое

утро в бакинских редакциях, в университете, в библиотеках – всюду только и говорили о гибели Есенина. Все уже прочли объявление в траурной рамке:

Редакция и сотрудники
газ. «Бакинский рабочий»
с чувством глубокой скорби
извещают о трагической гибели поэта,
сотрудника газеты
Сергея Александровича
ЕСЕНИНА,
последовавшей 27 декабря
в Ленинграде.
Похороны состоятся в Москве

1 января 1926 года в редакции «Бакинского рабочего» состоялась гражданская панихида...»²⁹

Н.А. Табидзе, жена поэта Т. Табидзе, с которым Есенин был близко знаком, написала в воспоминаниях:

«Был декабрь. Тициан проходил мимо редакции «Зари Востока».

Ему крикнули:

– Тициан! Тициан! Сергей Есенин в Ленинграде повесился!

Тициан вернулся домой ошеломленный, убитый. Мы все очень переживали эту смерть»³⁰.

Тело Есенина в специальном вагоне отправили из Ленинграда в Москву. В.Ф. Наседкин сообщил 29 декабря А.К. Воронскому: «Тридцатого два часа дня встречайте сообщите Союзу писателей»³¹.

Из воспоминаний И. Оксенова:

«Трудно сейчас рассказывать о том, как обряжали его в последний путь, как лежал Есенин, выну-

тый из петли, с развившимися внезапно кудрями, с судорожно согнутой рукой, как искали в номере, во что бы его одеть (вещи были все опечатаны), и как пришлось писать расписку от имени Союза писателей на взятую для тела простыню, как в этой простыне несли мы его тело во двор, чтобы положить его там на мерзлые дровни, и как на следующий день происходило последнее возвращение Сергея Есенина из Ленинграда в Москву, как Ионов и Садофьев говорили над гробом в вагоне о том, что такие поэты рождаются раз в столетие и что с его смертью в каждом из нас умерла какая-то лучшая наша частица.

Только и остается напоследок спасающая человеческая нежность: спокойно и крепко спи, милый, под своими родными снегами. Никуда ты больше не поедешь, останешься с нами навсегда. И, может быть, твоя смерть останется последней такой смертью русского поэта»³².

О прощании с Есениным в Москве и его похоронах написали довольно многие мемуаристы. Слово им – тем людям, для которых Есенин был близок и дорог.

Дочь Есенина Татьяна вспомнит:

«В гробу у отца было снова совершенно другое лицо.

Мать считала, что, если бы Есенин в эти дни не оставался один, трагедии могло не быть. Поэтому горе ее было безудержным и безутешным и «дырка в сердце», как она говорила, с годами не затягивалась...»³³

Более детально об этих днях напишет позже сын Есенина Константин:

«Хорошо помню дни после сообщения о смерти отца. Мать лежала в спальне, почти утратив способность реального восприятия. Мейерхольд

размеренным шагом ходил между спальней и ванной, носил воду в кувшинах, мокрые полотенца. Мать раза два выбегала к нам, порывисто обнимала и говорила, что мы теперь сироты.

Но в детстве смерть близких воспринимают своеобразно. Верят на слово тому, что человека больше не увидят, но как это может быть – еще не осознают. Так и мы с сестрой. Помню, что тоже плакали, но, наверное, из-за того, что плакала мама. Потом был Дом печати (ныне – Центральный дом журналистов), Таня читает стихи... Какие-то тетеньки и дяденьки поочередно подходят и что-то говорят с сочувствием. Еще непонятный мир: Ваганьковское кладбище. Деловитые, краснощекие могильщики. Земля, что заставили кинуть в яму детской рукой. И где-то без логической связи – настольная лампа в маминой спальне. Бутылка вина. Мать как-то спокойнее, тише. Говорит, что завтра – Новый год. Ее младшая сестра – наша тетка Александра Николаевна – куда-то собирается на встречу этого Нового года»³⁴.

Как личную трагедию восприняли сообщение о смерти Есенина люди, близко его знавшие. Актриса Августа Миклашевская, с которой Есенин много общался во второй половине 1923 года – после возвращения из заграничной поездки – и которой посвятил стихотворения цикла «Любовь хулигана», вспомнит:

«О смерти Есенина мне позвонили по телефону.

Всю ночь мне казалось, что он тихо сидит у меня в кресле, как в последний раз сидел.

Помню, как из вагона выносили узкий желтый гроб, как мы шли за гробом.

И вдруг за своей спиной я услышала голос Клычкова:

– Ты видел его после больницы?

– Я встретил его на вокзале, когда он ехал в Питер. Ох, и здорово мы выпили!

Мне хотелось ударить его.

Когда я шла за закрытым гробом, казалось, одно желание было у меня – увидеть его волосы, погладить их. И когда потом я увидела вместо его красивых, пышных, золотых волос прямые, гладко причесанные, потемневшие от глицерина волосы (смазали, снимая маску), мне стало его безгранично жалко.

Есенин был похож на измученного, больного ребенка. Все время, пока гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре, шли гражданские панихиды. Качалов читал стихи. Зинаида Райх обнимала своих детей и кричала: «Ушло наше солнце». Мейерхольд бережно обнимал ее и детей и тихо говорил: «Ты обещала, ты обещала...»

Мать Есенина стояла спокойно, с каким-то удивлением оглядывая всех. В день похорон нашли момент, когда не было чужих, закрыли двери, чтобы мать могла проститься, как ей захочется.

После похорон начались концерты, посвященные Есенину. В Художественном театре пел Собинов, читал стихи Качалов.

Но потом пошла спекуляция на смерти Есенина. Очень уговаривали и меня выступить на этих концертах. Читать стихи, посвященные мне. Я, конечно, отказалась. Но устроители все-таки как-то поместили мою фамилию на афише.

В день концерта Галя Бениславская привела ко мне младшую сестру Есенина – Шуру, почти девочку. Ей тогда, наверно, не было и пятнадцати лет. Галя сказала, что Шура хочет идти на концерт послушать, как я буду читать.

– Я не хочу, чтобы Шура ходила на эти концерты. Вот я и привела ее к вам, чтобы вы почитали ей здесь.

– Галя, я не буду читать на концерте. Я не поеду. Как просияла Галя, как вся засветилась!»³⁵

Из воспоминаний Д. Семёновского:

«В последних числах декабря 1925 года мы с женой собрались в Москву.

Пришел взволнованный Колоколов, сказал:

– Есенин умер, повесился!..

Мы приехали в Москву накануне похорон. Гроб с телом Есенина, перевезенный из Ленинграда, уже поставили в Доме печати.

Везде говорили о трагической смерти Есенина. Все искали его стихов, читали его предсмертные строки:

До свиданья, друг мой, до свиданья!..

Вечером мы пошли в Дом печати.

В стущавшихся сумерках озарялись желтыми огнями окна зданий. В природе творилось что-то необычное. Рождественский мороз неожиданно уступал место оттепели. Дул влажный ветер. Воздух был совсем весенний, снег – сырой.

По фасаду Дома печати протянулась широкая красная лента с надписью: «Здесь находится тело великого национального поэта Сергея Есенина».

Большая, почему-то скудно освещенная комната, где стоял гроб с телом Есенина, была полна народу, и пробраться вперед стоило труда. Голоса были негромки, дальние углы комнаты тонули в полумраке, только гроб был освещен. Все время менялся почетный караул.

В глубине комнаты сбились в траурную группу близкие Есенина. Понуро сидела на диване, уронив на опущенное лицо прядь коротких волос, бывшая

жена поэта Райх. Кто-то утешал С.А. Толстую. Немного поодаль выделялась среди других своим крестьянским обличьем не спускавшая глаз с гроба пожилая женщина – мать Есенина, Татьяна Федоровна.

Я увидел Казина. Он подошел ко мне и сказал:
– Тебе надо постоять в почетном карауле. Сейчас как раз будет смена.

Я занял место у изголовья гроба с левой стороны. Гроб утопал в цветах, венках и лентах.

Мне было хорошо видно лицо Есенина, еще такое молодое, но застывшее, с каким-то красным пятном, похожим на след ожога.

Я не мог отвести глаз от складки, пролегшей между бровями и придававшей лицу покойного выражение затаенного страдания. Поразило меня и то, что волосы Есенина изменились: потемнели и не вились.

Вспомнились строки:

Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

В последний раз вглядываясь в лицо поэта, я мысленно спрашивал себя: «Что заставило его в расцвете сил уйти из этого мира, не пожалев ни своей молодой жизни, ни своего редкого таланта?»

Похороны состоялись на следующий день.

По непредвиденным обстоятельствам мы опоздали к выносу гроба с телом Есенина из Дома печати, и, когда пришли на кладбище, там все было кончено.

Прозвучали последние слова последней речи, и публика стала расходиться.

Мельком мы видели Городецкого, Казина, еще два-три знакомых лица. Кладбище белело от снега. Он был здесь не такой, как в городе, а чистый, обильный.

Мы подошли к свежей могиле, заваленной большими венками. Их темная зелень, с широкими белыми и красными лентами, отчетливо выделялась на кладбищенском снегу. Мы простились с тем, кто лежал под могильной насыпью, и взяли на память о нем с одного венка зеленую миртовую ветку»³⁶.

Из воспоминаний И. Белоусова:

«Его душа жила, страдая.
Страдая, в вечность отошла...

Вот, что я записал в своем дневнике, когда узнал о смерти Сергея Есенина <...>

Тревожно бьются от ветра траурные флаги у Герценовского Дома и у Дома Печати, по ограде которого протянута широкая лента с надписью:

«Тело великого русского национального поэта Сергея Есенина покоится здесь».

Моросит снежок. Оттепель.

А толпа длинной темной лентой тянется далеко по тротуару и терпеливо ждет очереди, чтобы подойти к гробу своего поэта и взглянуть на него в последний раз»³⁷.

Из воспоминаний И.Н. Розанова:

«В понедельник 28 декабря 1926 г. часов в 6 вечера я находился в комнате, где только что поставили радиоприемник. Одним из первых известий, услышанных мною по радио, было «Сегодня в Ленинграде умер поэт Сергей Есенин» и только. Дальше тем же тоном стали сообщать другие известия. Я положил трубку.

Тогда еще я не знал, что это — самоубийство.

Еще раз пришлось мне его увидеть в «Доме Печати», мертвым. В гробу он опять показался мне новым и неузнаваемым. Он как бы помолодел. Слов-

но ему было не 30 лет, а 20. Волосы, не очень длинные, и не такие густые, как раньше, зачесаны были тщательно назад. И я вспомнил, каким видел его десять лет тому назад при его первом публичном выступлении в Москве. Тогда у него были пышные молодецкие кудри, а главное – голубели, сияли, были открыты глаза.

Теперь последнее публичное выступление в Москве. Но перед публикой неприлично выступать без грима. Он был слегка подгримирован и напудрен. И мне почему-то показалось, что на губах его застыло выражение какой-то нескрываемой обиды. Глаза закрыты. Успокоился навсегда, побежденный и навеки победитель.

Над «Домом Печати» в это время развешался плакат:

«Тело великого русского национального поэта СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА покоится здесь»³⁸.

Воспоминания Ю.Н. Либединского о похоронах:

«И вот, когда мне пришлось нести на плечах гроб Есенина, я все вспоминал эту последнюю нашу встречу у него дома, наш горячий спор и милое, полное искреннего и самозабвенного волнения лицо его <...>

Москва с плачем и стенанием хоронила Есенина. В скорби о нем соединилась вся, тогда разделенная на группы и враждебные направления, советская литература. Вряд ли есть поэт-современник, не посвятивший памяти Есенина хотя бы несколько строк. <...>

Перед тем как отнести Есенина на Ваганьковское кладбище, мы обнесли гроб с телом его вокруг памятника Пушкину. Мы знали, что делали, – это был достойный преемник пушкинской славы»³⁹.

Отрывок из воспоминаний Н. Сардановского, друга детства Есенина, красноречиво свидетель-

ствует о любви к Есенину многих людей, о том, что поэт воспринимался ими как свой, родной, как член семьи:

«Последняя картина моих воспоминаний такая.

В Константинове, на усадьбе дедушки, за ригой, на высоком берегу реки Оки, все на той же узенькой скамеечке сидим мы с дедушкой вдвоем. Старик одет в ветхое полукафтаны, на голове потертая бархатная скуфья, как видно, немного уже осталось жить ему на свете. «Вот, Никола, – говорит он мне, – подолгу сижу я здесь. Все вспоминаю, что было. И что будет. Всегда ношу я с собой вот эту книжицу – поминание. Всех своих родных и знакомых усопших записал. Вот записан твой отец, вот мать твоя – моя племянница Вера, братишка твой Володя, твоя сестра Анюта. А в конце, ищи и читай, записан твой приятель». Беру я это потрепанное поминание, перелистываю потемневшие странички, закапанные воском от свечей, и на одной из последних страниц читаю написанное неровным старческим почерком: «Раб божий Сергей. Сын Александра Никитича и Татьяны Федоровны Есениных. Был писателем. Скончался в Петербурге, в гостинице. На Ваганьковском кладбище похоронен». Далее дедушка добавляет: «Не стал я писать, какою смертью-то он умер. Нехорошее это дело, прости ему, господи». Что-то дрогнул голос старика, и прозрачная слезинка тихо покатилась по морщинистой щеке и затерялась в белоснежных волосах бороды»⁴⁰.

«ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Не прошло еще и 40 дней со дня кончины Есенина, а все официальные документы, связанные с его смертью, были помещены как дело № 89 в папку, на которой четким каллиграфическим почерком было выведено: «Пом. губ. прокурора по 1-ому уч. гор. Ленинграда» – «о самоубийстве поэта Сергея Александровича Есенина».

Еще 20 января 1926 года некий Вергей решил прекратить расследование дела о гибели поэта. Вот этот документ:

«1926 года, января 20 дня, я, Завстолом Дознания 2-го ОТД. ЛГМ Вергей, рассмотрев материал дознания по делу о самоубийстве посредством повешения гр. Есенина Сергея Александровича, 30 лет, в гостинице «Интернационал», 28 декабря 1925 года, установил. 28/XII-25 г. согласно телефонного сообщения Управляющего гостиницей гр. Назарова о том, что им обнаружен повесившийся гр. в одном из номеров гостиницы, на место происшествия был командирован из 2-го Отделения ЛГМ учнадзиратель Горбов, которым было обнаружено: на трубе центрального отопления висел мужчина в следующем виде: шея была затянута не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи, лицом гр-н был обращен к

трубе и кистью правой руки захватился за трубу. Труп висел под самым потолком и ноги от пола были на высоте около полутора метров, а на полу валялась опрокинутая тумба, а канделябр стоявший на ней тоже лежал на полу. При снятии трупа из веревки и при осмотре было обнаружено, что на правой руке выше локтя с ладонной стороны был виден порез, а на левой руке на кисти заметны были царапины, под левым глазом синяк, гр-н одет был в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли, личность повесившегося была установлена и оказалось, что покончивший жизнь самоубийством – гр-н Есенин Сергей Александрович, писатель прибывший из Москвы 24 декабря 1925 г. Труп гр-на Есенина был направлен в покойницкую б-цу имени Нечаева, на предмет суд. мед. вскрытия производившим вскрытие трупа суд. медэкспертом Гиляревским установлено, что смерть гр. Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение, вдавление на лбу могло произойти от давления при повешении. Темно-фиолетовый цвет нижних конечностей точечные на них кровоподтеки указывают на то, что таковой в повешенном состоянии находился продолжительное время. Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным и как поверхностные влияние на смерть не имели, На основании изложенного не усматривая в причинах смерти гр. Есенина состав преступления ПОЛАГАЛ БЫ: материал дознания в порядке <...> УПК направить на следователю 2-го Отд. г. Ленинграда на прекращение за отсутствием состава преступления»⁴¹.

По сути, Вергей очень близко к тексту изложил документы, составленные Н. Горбовым и А.Г. Ги-

ляревским. Следовательно, с 29 декабря 1925 по 20 января 1926 года каких-либо действий, которые могли бы прояснить подробности дела, не предпринималось. Очевидно, версия самоубийства устраивала многих. Дело закрыли и в соответствии с заведенным порядком отправили на хранение.

В 1993 году Н.Н. Дедов подтвердил правомочность такого решения, хотя в очередной раз и отметил низкое качество и неполноту документов: «... прихожу к заключению, что дознание по смерти поэта С.А. Есенина проводилось в соответствии с действовавшим уголовно-процессуальным законодательством (УПК РСФСР от 1923 года), а допущенные неполнота и низкое качество документов дознания только лишь сами по себе без подтверждения другими объективными доказательствами, не могут быть основанием для вывода об убийстве поэта и эксгумации его останков для проведения судебно-медицинского исследования. Постановление народного следователя 2-го отделения милиции г. Ленинграда от 23.01.26 о прекращении производства дознания по факту самоубийства С.А. Есенина является законным»⁴².

ПОСМЕРТНЫЙ ВЕНОК ПОЭТУ

Газеты многих городов Советского Союза публиковали материалы, касающиеся смерти Есенина, без объяснения причин его гибели. Так, например, «Тверская правда» в номере от 30 декабря под заголовком «Поэт Есенин покончил самоубийством» информировала читателей: «На днях поэт Есенин приехал в Ленинград и остановился в гостинице «Интернационал». Утром, 28-го декабря Есенин не выходил из номера. Заподозрив неладное, администрация гостиницы взломала дверь. Есенин висел на веревке на трубе парового отопления, на обеих руках у кистей у него были перерезаны вены. Между прочим, в комнате была найдена начатая записка, написанная кровью». Если взором неискuschenного читателя газеты прочитать эту краткую информацию, прежде всего бросается в глаза несоответствие разных частей его текста. Станным кажется, что администрация гостиницы, не увидев рано поутру одного из постояльцев, тут же бросилась к его номеру и взломала дверь. Если человек с перерезанными на обеих руках венами висел под потолком на веревке, то о каком самоубийстве может идти речь? Ведь не может человек, перерезав вены, закрепить веревку на большой высоте, сделать петлю и повеситься. Объяс-

нить такие противоречия можно лишь тем, что публиковалась недавно полученная информация, которую, не вникая в суть, надо было экстренно включить в очередной номер.

В первых числах января 1926 года было высказано немало предложений, связанных с увековечиванием памяти поэта: переименовать Константиново в честь Есенина и построить там народный дом и читальню имени поэта, создать в Москве и Ленинграде приюты для беспризорных имени Есенина, открыть уголок его имени при Доме Герцена, назвать в честь него одну из улиц и библиотеку... Р. Ивнев и О. Леонидов написали пьесу «Есенин». Предлагалось предоставить персональную пенсию его родителям.

Некоторые авторы первых посмертных публикаций о поэте попытались интерпретировать смерть Есенина как логичное завершение его жизни. Если сформулировать это кратко, жизнь поэта оказывается до удивления проста и примитивна, полностью соответствует некоторым тогдашним упрощенным социологическим представлениям: выходец из крестьянской (а не рабочей – передовой, как тогда полагали) среды, Есенин не понял масштабов свершившейся пролетарской революции, происходящих в стране преобразований, в связи с этим окунулся в омут «Москвы кабацкой», но и это не принесло ему удовлетворения, поэтому он и повесился.

Вот, к слову, несколько характерных примеров из статьи Михаила Левидова, опубликованной в «Вечерней Москве» 5 января 1926 года. Показательно и само название материала: «Смерть учит»! Вот как не надо себя вести, чтобы жить! Причем жить именно так, как это предписано идеологическими постулатами, как положено жить человеку

в стране, строящей светлое будущее. В качестве эпитафии взяты строки из последнего есенинского стихотворения: «В этой жизни умереть не ново,
/ Но и жить, конечно, не новей».

Итак, несколько положений из левидовской статьи и краткие, но необходимые комментарии. «Этот печальный, одинокий труп в четырех стенах, печальных и уединенных, эти печальные и одинокие строчки, написанные отравленной кровью, – самое страшное в этом: такая постановка не нова, но такая постановка не имеет право на существование сейчас, в наши дни». Левидов старается представить Есенина как человека, оказавшегося одиноким в новом государстве. Противопоставляя поэта и государство, Левидов даже есенинскую кровь воспринимает как отравленную. «Русизм» последнего есенинского акта, вполне в стиле русизма есенинских коротких странствований, вполне в стиле российской писательской дореволюционной жизни. Тридцатилетний поэт перекликнулся своими печальными, отравленными строками с призраками и тенями этих тридцатилетних и сорокалетних самоубийц русской литературы: с теми, кто бросился в пролеты лестниц, кто погиб от петли, от яда, от алкоголя, от белой горячки, от черной тоски, с самоубийцами вольными и невольными, с теми, кто длительное отсутствие воли к жизни заменяли острым припадком воли к смерти. И Есенин – последний в печальном ряду – был едва ли не самым убежденным из самоубийц русской литературы». Левидов не называет здесь фамилий, ему и не нужны фамилии. Главное для него – поставить Есенина в сконструированный в его воображении ряд самоубийц, снизить притягательную силу есенинского творчества, нивелировать значимость и ценность

его жизни. Неужели можно поверить в то, что для Есенина было характерно «длительное отсутствие воли к жизни»? Конечно, этого не было. Левидов не заявляет об этом прямо, но создает соответствующий контекст, в котором к Есенину искусственно притягиваются некие безымянные люди, лишенные «воли к жизни» и наделенные лишь волей к смерти.

Из десяти лет писательской жизни Есенина, заявляет Левидов, пять последних лет «были годами медленного и упорного самоубийства, прожитыми в бреду отравленного тоской алкоголя, и одиночества мрачных скитаний, в удушливом тумане зарождавшейся душевной болезни, безжалостной угрозе развивавшейся горловой чахотки, в мрачном удовлетворении очередным всплеском хаотического буйства...» Вот таков, по мысли Левидова, путь Есенина. Вот так пишет спустя пять дней после похорон поэта человек, который в одной из статей 1922 года называл себя другом поэта. За пять лет, которые Левидов трактует как медленное самоубийство, Есениным написаны его лучшие произведения, вошедшие в сокровищницу русской поэзии. За этот период им подготовлено и издано два десятка авторских книг, а тридцать изданий было задумано, но по различным причинам так и не вышло из печати. Есенин побывал во многих странах Европы, в Америке, совершил поездки в Туркестан, на Кавказ, побывал во многих городах родной страны. И везде – поэтические вечера, выступления в переполненных залах, общение с читателями...

И все же Левидов пошел на заведомую ложь. Какова же его цель? Оказывается, столь неуклюже он борется уже не с самим Есениным, уже мертвым, а со строками Есенина, за считанные часы ставшими

известными по всей стране, с его посмертной славой. «Мы твердо знаем, – заявляет Левидов, – что последние печальные строки Есенина звучат тягостной клеветой на нашу эпоху. Неправда, жить сейчас – ново, жить сейчас в СССР – это значит жить так, как никто никогда не жил. А умереть – кто живет ново, тот не думает, что «умирать не новей».

<...> В отношении человека это новое: осознание ценности человека.

Наша социальная революция, строящая социализм, утверждает ценность человека. <...> Самоубийство каждого человека в нашу эпоху – это вызов радостному смыслу нашей эпохи, вызов со стороны сил хаоса и разрушения.

Наша эпоха – отнимает, должна отнять у человека право на самоубийство».

Теперь понятно, почему Левидов пытается опорочить жизнь и творчество Есенина. Смерть великого поэта не вписывается в создаваемую им картину радостной жизни в стране. Все должны быть удовлетворены, причем не самой жизнью, которая была в те годы трудна и непроста, а «радостным смыслом» эпохи. А Есенин, его жизнь, его творчество и его смерть не соответствуют этому «радостному смыслу». Потому столь усердно и доказывает Левидов, что Есенин был одинок, не поняв «радостного смысла» эпохи.

Через день после левидовской статьи в той же «Вечерней Москве» появились ответы на вопросы анкеты о самоубийстве, на которую откликнулись Нарком здравоохранения Н. Семашко и профессор, главный врач психиатрической лечебницы В. Гиляровский. Понятно, что они упомянули и о смерти Есенина. Нарком выказал себя знатоком

есенинского творчества, заявив, что «все последние произведения его свидетельствуют о том, что он потерял нить жизни». Неужели об этом свидетельствуют вышедшие в середине 1925 года авторские книги Есенина «Персидские мотивы» и «Избранные стихи»? Или опубликованные в октябре 1925 года в журнале «Красная нива» стихотворения с посвящением «Сестре Шуре» и напечатанные в ноябре в журнале «Красная новь» – «Голубая кофта, синие глаза...», «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...», «Сочинитель бедный, это ты ли...»?

Невозможно не процитировать хотя бы некоторые из этих есенинских строк!

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим – что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

Или стихотворение, дважды опубликованное в декабре 1925 года:

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец крестьянин,
Ну а я крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.

Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой

Ножку рад поцеловать...

Позволим себе не согласиться с Народным комиссаром здравоохранения, отметив, что в этих и во множестве других стихотворений Есенина, созданных в последние месяцы его жизни, ощущается неумная жизненная энергия, они свидетельствуют о творческом расцвете поэта.

В. Гиляровский по существу вторит М. Левинову, отмечая: «Самоубийство Есенина не может считаться характерным для нашей эпохи; для понимания этого случая нужно прежде всего иметь в виду, что работа писателя, как художника слова, ведет к очень большому физическому и мозговому переутомлению». Таким образом, и профессор-психиатр отводит вину за смерть Есенина от эпохи и характерных для нее противоречий. Опасная, дескать, эта сфера деятельности – писать стихи, и вот как результат – самоубийство.

Откликнулись на смерть Есенина и многие эмигрантские издания. Уже 29 декабря 1925 года, на следующий день после гибели поэта, рижская газета «Сегодня вечером» сообщала: «Вчера по Петрограду разнесся слух, что известный поэт Сергей Есенин покончил с собой». 30 декабря нью-йоркская газета «Новое русское слово» опубликовала подборку материалов «Поэт оставил записку, написанную собственной кровью». Парижская газета «Дни» в тот же день информировала читателей: «О причинах самоубийства Есенина, о котором мы знаем лишь по сухой телеграфной

строчке, сейчас можно только догадываться». В этой краткой заметке совершенно справедливо отмечено, что информационные агентства распространяли лишь очень краткую информацию, не давая каких-либо комментариев, не углубляясь в детали и причины произошедшего.

Так как не было официального объяснения причин трагедии органами, которые должны были заниматься расследованием причин смерти поэта, газетчики стали просить назвать причины самоубийства тех людей, которые хорошо знали Есенина. 3 января 1926 года нью-йоркский «Русский голос» приводит высказывание Айседоры Дункан: «Есенин отчаялся жить в мире, где так мало людей, действительно любящих искусство. По всей вероятности, он покончил с собой в минутном припадке безумия. Мое утешение заключается в мысли, что его поэмы переживут его трагическую смерть». Дункан, с которой Есенин объездил в 1922–1923 годах многие страны мира, которая его прекрасно знала, полагает, что Есенин мог совершить самоубийство лишь «в минутном припадке безумия». Отметим, что это мнение противоречит уже созданной к тому времени версии о самоубийстве, авторы которой стремились показать, что поэт сознательно готовился покончить с собой: велел никого не пускать в свой номер, перерезал вены на руках, повесился⁴³.

1 января 1926 года А. Дункан телеграфировала директору Камерного театра А.Я. Таирову: «Прошу вас передать родителям, друзьям Есенина мою глубокую скорбь и сочувствие»⁴⁴.

Уже в начале 1926 года вечера памяти Есенина прошли в Москве и Ленинграде, Ростове-на-Дону и Ярославле, многих других городах. Участвовали в этих вечерах и поэты, однако правления союза

поэтов и союза писателей 8 января 1925 года приняли специальное постановление, ограничивающее подобные выступления. Никто из членов союзов не имел права участвовать в вечерах памяти Есенина без соответствующего разрешения правления. Такая странная мера объяснялась тем, что есть якобы некие лица, устраивающие вечера памяти Есенина со спекулятивными целями. Однако истинной причиной попытки сделать менее притягательными вечера памяти поэта, скорее всего, были не некие «спекулятивные цели», а реакция зала — тех людей, которые приходили в залы разных городов, чтобы почтить память поэта.

Напомним, что один из первых есенинских вечеров прошел в Московском камерном театре, его вел директор театра А.Я. Таиров. Выступали поэты С.М. Городецкий, В.Г. Шершеневич, стихотворения памяти Есенина прочитали П.В. Орешин, С.А. Клычков, А.Б. Мариенгоф. Центральные советские издания дали информацию об этом вечере, но не упомянули о поведении людей, собравшихся в зале. Об этом сообщил корреспондент парижской газеты «Дни» (материал был напечатан 15 января): «На вечере памяти Есенина, устроенном в Камерном театре 4 января, большинство публики на заявление представителя Наркомпроса, что Есенина нельзя считать поэтом революции, *ответило свистом* и весьма нелестными замечаниями по адресу большевицких сановников, а *некоторые лица из публики требовали изгнания из зала убийц Гумилева и Есенина*». Эту информацию перепечатала без ссылки на первую публикацию нью-йоркская газета «Новое русское слово» 30 января. Это сообщение может иметь двоякое толкование: Есенин был убит или затравлен преследованием и доведен до самоубийства. Отметим, что сходную версию

высказал много десятилетий спустя председатель Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта Ю.Л. Прокушев: «... для меня становится все более очевидной та истина, что Есенин был убит дважды. Да! Дважды! Поэта довели до петли, до самоубийства или действительно убили – если это будет в конце концов установлено документально и неопровержимо – преднамеренно. <...>

Второй раз Сергея Есенина убили уже после смерти – убили на десятилетия его поэзию, пытаясь кощунственно оторвать поэта от народа»⁴⁵. Так что переключки возникают в разное время и у разных людей, объединенных одним – любовью к великому поэту России.

Основываясь на статье В. Елагина, опубликованной 7 февраля 1926 года в нью-йоркской газете «Русский голос», можно раскрыть еще одну версию смерти Есенина, возникшую в эмигрантских кругах. Собственный корреспондент рижской газеты «Слово» передал в свою редакцию сообщение об особом отряде ЧК, который отравил Есенина. Самоубийство было инсценировано. Посмертное стихотворение написано поддельным почерком. Следователя, который вел дело в направлении убийства, «убрали».

Запрет писателям участвовать в вечерах, посвященных памяти Есенина, – это как раз характерный пример второго убийства (по терминологии Ю.Л. Прокушева). Отреагировала на этот «приказ поэтам и писателям», именно так и назвав данное решение, парижская газета «Дни». «Постановление это мотивировано ссылкой на попытки разных лиц устраивать указанные вечера с «спекулятивными целями», – пишет газета. – Но, разумеется, «умысел другой тут был»: смерть Есенина напомнила о

гибели Гумилева и многих других, и «есенинские вечера» стали... неудобны». В заметке смерть Есенина вписывается в ряд организованного, да и реализованного властью, уничтожения безвинных людей.

Однако все меры, принимаемые властью предержащими, оказывались явно недостаточными для того, чтобы снизить значимость есенинского творчества и его смерти среди множества людей – поклонников его поэзии. И тогда на арену борьбы выходит Л.Д. Троцкий. Точнее, на сцену Московского художественного академического театра, в котором проходил вечер памяти Есенина, вышел артист этого театра Л.М. Леонидов. Он-то и исполнил «ярко и образно», как писали газеты, от имени Троцкого его речь памяти Есенина. Это выступление должно было стать ударом двойной силы, направленным на нивелирование заслуг Есенина: политик такого масштаба, как Троцкий, и мхатовский артист! Прозвучавшая 18 января 1926 года речь была опубликована в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» 20 января, а затем неоднократно перепечатывалась. К сожалению, процитировать можно только печатную версию речи Льва Давидовича и попытаться представить, как звучали со сцены слова: «Мы потеряли Есенина – такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом, – может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки. Он ушел из жизни без крикливой обиды, без позы протеста, – не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. В этом жесте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом.

<...> Прикрываясь маской озорства – и отдавая этой маске внутреннюю, значит не случайную, дань, – Есенин всегда, видимо, чувствовал себя – не от мира сего. Это не в похвалу, ибо по причине именно этой неотмирности мы лишились Есенина. Но и не в укор, – мыслимо ли бросать укор вдогонку лиричному поэту, которого мы не сумели сохранить для себя!

<...> Автор «Пугачева» и «Баллады о двадцати шести» был интимнейшим лириком. Эпоха же наша – не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин».

Постепенно от мыслей, близких присутствующим в зале, Троцкий переходит к той теме, которую обозначили уже и до него, например тот же М. Левилов: «Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его.

К смерти Есенин тянулся почти с первых годов творчества, сознавая внутреннюю свою незащищенность».

И далее: «Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего. Пружина, заложенная в нашу эпоху, неизмеримо могущественнее личной пружины, заложенной в каждого из нас. Спираль истории развернется до конца. Не противиться ей должно, а помогать сознательными усилиями мысли и воли. Будем готовить будущее. Будем завоевывать для каждого и каждой право на хлеб и право на песню».

Это выступление Троцкого не могло изменить повсеместного почитания Есенина, которое охватило все уголки Советского Союза. Прав О. Леонидов, писавший в «Вечерней Москве» (21 января 1926 года): «Последние недели в Москве поис-

тине могут быть названы «неделями о Есенине». Погибшего поэта вспоминают почти ежедневно на открытых и закрытых вечерах, артисты читают его стихи, поэты – стихи, посвященные ему; знавшие Есенина рассказывают о том, как он жил и работал. Из всех этих стихов и воспоминаний проступает образ живого Есенина, каким его знала и любила писательская Москва». Добавим, что любила и ценила не только Москва, и не только писательская. Олег Леонидов упоминает о стихах памяти Есенина. И об этих стихах, точнее, об этом явлении – посвящении памяти Есенина стихов – надо сказать особо. Настолько взволновала гибель поэта людей, способных писать стихи, что они создавались сотнями! Не все они опубликованы, многие безвозвратно утрачены. Но и то, что сохранилось на страницах периодических изданий, в сборниках, посвященных памяти Есенина, в архивах, – свидетельство подлинной народной любви к поэту. Эти стихи говорят о том, что Есенин оказал значительное влияние на всю последующую русскую поэзию. А его смерть была воспринята как невосполнимая утрата, как глубоко ощущаемая личная боль и трагедия.

В Ростов-на-Дону Есенин приезжал лишь на короткое время, выступая на поэтических вечерах и общаясь с местными литераторами. Но в этом городе была издана посвященная его памяти книга – сборник статей, воспоминаний и стихотворений «Литературный Ростов – памяти Сергея Есенина». Стихи составили раздел «Венок на могилу».

Открывает подборку стихотворение Нины Грацианской, воспоминания которой также опубликованы в этом сборнике. «Нечаянной Радостью, – пишет поэтесса, – прозвал Есенина один

из близких его друзей. И доподлинно нечаянной радостью возник Есенин в Ростове.

<...> И когда с газетной страницы глянуло на меня имя – Сергей Есенин – в черной рамке, было тяжело, не верилось, что Нечаянной Радости больше нет».

Боль Нины Грацианской отразилась в ее стихотворении памяти поэта:

Не родной и даже не любимый.
Отчего ж так душно и темно?
Отчего же так неизгладимо
Это смерти черное пятно?
Не за то ведь, что любовью нежил,
Много их, приученных ласкать,
И таких, кто синеглаз и нежен,
Я еще сумею отыскать.

Не за то, что, удалю богатый,
На дороге, накрененной вниз,
Отзвонил он бешеным набатом
Золотом пронизанную жизнь.

Только песен буйство и смятенье,
Русских песен звонкую печаль,
Тех, что пел лазоревый Есенин,
Нам уже отныне не встречать...

Оттого так горько и пустынно,
Оттого надломлена и я:
Песнями сгорающего сына
Потеряла родина моя.

Всех утрат огромней и тяжелей,
Всех обид ушедших солоней...
Русь моя, ужель на самом деле
Смолк навек рязанский соловей?..

Трагически звучат и строки другого ростовского автора – Григория Каца. Стихотворение, как и у Грацианской, построено на противопоставлении понимания Есенина как далекого, «чужого» поэта

и личной глубокой трагедии, которую вызвала его внезапная смерть:

Знаю вот, что ты чужой и нежный,
А для сердца больно и темно,
Будто в мир огромный и мятежный
Затворилось тихое окно.

Жаль тебя, как детство жаль бывает,
Как людей, которым ничего не жаль.
Ненароком оттого всплывает
Озорная, нежная печаль.

А поэт Павел Кофанов представляет «Сон», в котором возникает живой Есенин:

Бывают сны,
В которые живешь
Полней, чем в днях седой неволи.
Один такой,
Как золотая дрожь,
Вчера пронзил меня до боли.
Приснилось мне,
Что вновь живет поэт
Сергей Есенин – рыцарь песни.
Он проходил
В весеннее одет
Меж нами юношей чудесным.
Давайте петь –
Бросал он нам в кольцо,
Всем окружившим радость мига.
А нежное и чистое
Лицо
Заулыбалось тихо-тихо.
Давайте петь
Про счастье, про любовь,
Ведь я не бросил землю дорогую...

Но все же стихотворение Кофанова завершается трагической нотой:

И тут успел я с дрожью
Рассмотреть
На белой шее роковую рану.
Прошел он дальше,

Всем махнув рукой.
А мы следили жадно-жадно,
Как таял в дали голубой
Он тенью белой, невозвратной.
Проснулся я,
А шею давит стон.
А на подушке капли огневые.
И нити грусти тихие такие
Протянуты к стене, где в черной рамке –
Он.

Александр Гербстман, процитировав последние есенинские строки («В этой жизни умирать не ново, / Но и жить, конечно, не новей»), пишет о том, что есенинская поэзия будет жить в веках:

Да, мы много мертвых отмечали
На своем пути – нам не впервой,
Что такой, любимый, от печали
Свесился кудрявой головой, –

Много их, бедней и неизвестней...
Но зато, какой могучей песней
Он пронзил мятежные года.
Пусть гниет далекое кладбище –
Эта песня всюду нас отыщет,
Не умрет, не смолкнет никогда.

Цитирует есенинские строки и В. Жак. Он и себя считает виновником произошедшей в Ленинграде трагедии:

Если дрогнул голос у поэта
И растерянно опущен взгляд,
Помните, что мы виновны в этом,
Если смерть ударит невпопад.
Нам бы надо тихими глазами
Сторожить любимое лицо.
Ну, а мы жестокими руками
Сами стягивали кольцо.
Смерть ударила.
Отныне неизменно
Буйным песням больше не звенеть.

«Будь же ты во век благословенно,
Что пришло процвести и умереть».

Немало поэтических откликов (почти полсотни стихотворений!) вошло и в изданный в Москве Всероссийским союзом поэтов сборник «Памяти Есенина». Некоторые из этих произведений позднее не раз перепечатывались, в том числе в авторских книгах поэтов. Другие же авторы неизвестны теперь не только широкому читателю, но и специалистам, занимающимся изучением отечественной словесности. Поэтов, представленных в сборнике, объединило одно: на смерть великого поэта – своего современника – они не смогли не откликнуться стихами. Чуткая ранимая душа поэта сопереживает, наполнена горечью утраты – и потому стихи искренни и трагически печальны. Это дань памяти и выражение признательности Есенину. Николай Клюев и Иван Приблудный, Михаил Герасимов и Иван Грузинов, Василий Князев и Петр Орешин, Матвей Ройзман и Евгений Сокол...

От них и от многих других – венок памяти Есенину...

Вот строки Василия Александровского – представителя группы пролетарских поэтов «Кузница», идеологически противостоявшей тому направлению, к которому причисляли в то время Есенина. Но и Александровский скорбит о Есенине.

Эту боль, тупую, как дерево,
Нынче мыслями не разрубить.
Умер в городе сумрака серого,
Кто любил среди ландышей жить.

Жизнь принял любовно и ласково,
Но мачехою она была,
И над снежной и каменной маскою
Среди песен сгорел ты дотла.

Но не бойся ты вечера синего,
Все пройдет. И под шорох ветвей
Будет песня звенеть соловьиная
Над твоею могилой, Сергей.

Кажется даже, что Александровский больше сочувствует Есенину, а не каменному городу, певцом которого он считал себя. Это, впрочем, неудивительно. Групповые интересы – это одно, а детские годы, проведенные Василием Александровским, как и Есениным, в деревне (правда, не в Рязанской, а в Смоленской губернии), – это то, что дает человеку стержень на всю жизнь. И от этой деревенской, сельской первоосновы не так-то просто отказаться, особенно в стихах, созданных в память о своем талантливом современнике.

Николай Алексеевский скорбит о Есенине, ощущая невозполнимую утрату от его смерти. Пронзительная печаль в его строках:

Не был я с тобою в дружбе тесной,
Но не может сердце не скорбеть!
Много их живут, поющих песни,
Только им по-твоему не петь.

Им не петь о милой, уходящей,
Васильковой да ржаной Руси...
Только ты нам в город гомонящий
Запах ржи и поля приносил.

Ты пришел пропеть о жеребенке,
Что, закидывая ноги к голове,
Мчался с поездом наперегонки
По широкой, по степной тропе...

Как и он, не зная сил и меры,
Как и он, ты не хотел понять,
Что такого не было примера,
Чтоб коня железного догнать.

Задыхаясь, оба вы упали:
Ты и он – твой розовый скакун.
Оттого по вас родные дали
Разметали синюю тоску.

Ты ушел от нас в страну заката.
Все равно: рукав иль бечева,
Номер иль бревенчатая хата,
Где в петле пропала голова...

В стихотворении Галины Владычиной звучат печаль и тоска. Воочию представляется картина встречи в Москве траурного поезда, в котором доставлено из Ленинграда в Москву тело Есенина:

Позабыть бы и год, и число,
Этот липкий нахмуренный снег,
Увидать в этот день зло
Мог воочию человек.
И слова разбегаются вдруг,
Голос мой бездыханным стал,
Когда вспомню грохочущий стук
Паровозных колес и вокзал.

Заметавшихся лиц волна
С перепуганной дрожью губ.
Гроб твой встретила вся страна
Похоронной удалю труб.

Мертвой жгучей петлей по сердцам
Ты хлестнул, как ярым бичом.
Этот тайный, жестокий шрам
Всюду мы с собой понесем.

А вот строки из другого стихотворения Владычиной, в котором – ощущение личной вины в смерти Есенина:

Мы виновны в твоей печали,
Что за горло схватило петлей.
Мы не выпытали, не угадали,
Как бороться с самим тобой.

Оттого не нашлось у нас силы,
Не нашлось и такого плеча,
Чтоб тебя отстоять от могилы
У тебя – твоего палача.

Эта сопричастность горю роднила в те печальные дни самых разных по взглядам и по творческой манере поэтов. Вот строки Михаила Герасимова, в содружестве с которым (и с Сергеем Клычковым) Есенин написал в 1918 году «Кантату»:

Есенин – нежное имя,
Соловьиный звон.
Кудрями золотыми
Звенел веселый клен.

Из солнечного ливня,
Весеннее лицо,
Овеял ветер нивный
Цветочною пылью.
Образ чист и ясен,
Весь в кликах журавлей.
Ты – осиянный яшень
Над синевой полей.

Цвел пшеничный колос
С васильками глаз.
Соловьиный голос
Брызгал счастьем в нас.

Вдруг город громыханьем –
Грозой в твое чело.
Полярное дыханье
До смерти обожгло.

Разбился милый голос,
Осыпались цветы,
И как осенний колос
Сломался хрупко ты.

За песни, за страданье
В родимых краях,
Звени в веках рыданье
Подстреленного соловья.

Приведем и строки Нины Грацианской, представившей для сборника «Памяти Есенина» два своих стихотворения. В одном из них – неизбывная печаль:

Две недели, а свыкнуться жутко,
Ты живешь еще, радостный мой,
Чья-то выдумка, жгучая шутка
Это имя за черной каймой.

Но вестей однозвучные строки,
Но лицо твоё в темном гробу...
Будь же светел в веках, мой далекий,
Незабвенным, мой ласковый, будь.

Дальним внукам в года золотые,
В синем свете немеркнущих глаз
Сбережет твои песни Россия,
А тебя уберечь не смогла.

А в другом – жгучий надрыв:

Того, кто дорог, нет на свете,
Его обратно не вернешь...
Свисти и пой, декабрьский ветер, –
Ты по-кладбищенски поешь. <...>

Туман над северной столицей, –
Над низким домом тополя...
Мне больно, мне, как плаха, снится
Тугая, терпкая петля.

Не разрубить ее, не скинуть,
Плечам холодным не помочь.
Ах, лучше б мне висеть и стынть,
Чем задохнуться в эту ночь.

Многие стихи, вошедшие в сборник, были ранее опубликованы в периодике. Например, в январском номере журнала «Красная новь» за 1926 год были напечатаны стихотворения Василия Казина и Петра Орешина. С Казиным Есенин немало общался в последние годы жизни, в том числе по

издательским делам. Орешин же на протяжении многих лет был близким Есенину человеком. И потому в «Красной нови», неизменным автором которой был Есенин, вслед за стихами Есенина печатаются и произведения, посвященные его памяти. Вот полные тоски строки Василия Казина:

Эх, Сергей, ты сам решил до срока
Завершить земных волнений круг...
Знал ли ты, что станет одинока
Песнь моя, мой приумолкший друг!

И каким родным по духу словом
Пели мы – и песнь была тиха.
Видно, под одним народным кровом
Мы с тобой растили дар стиха.

Даже и простое восклицанье
Часто так и славало без слов,
Что цвело певучее братанье
Наших русских песенных стихов.

И у нас – о, свет воспоминаний! –
Каждый стих был нежностью похож:
Только мой вливался в камень зданий,
Твой – в густую золотую рожь. <...>

Хоть земля твой облик крепко скрыла,
Мнится бледной памяти моей,
Что вот-вот – и свежая могила
Вспыхнет близкой россыпью кудрей
И стихов испытанная сила
Запоем о благодати полей.

Еще более трагичен и безутешен в горе Петр Орешин. В 1924 году Орешин и Есенин вместе ездили в Тверь на вечер памяти другого поэта, которого причисляли к новокрестьянскому направлению, – Александра Ширяевца. Конечно, термины эти – новокрестьянская поэзия, новокрестьянский поэт – очень условны и не отражают всего многообразия тем, идей, образов, которыми наполнено

поэтическое пространство Сергея Есенина, Николая Клюева, Александра Ширяевца, Сергея Клычкова, Павла Васильева. Известный критик, знаток отечественной поэзии XX века Сергей Куняев предложил другой термин – поэзия русского возрождения. Этот термин, надо признать, более удачен и значительно расширен, но требует пояснений при употреблении. В творчестве названных поэтов сплелись воедино глубинные истоки русского поэтического мироощущения, идущие не только от первых письменно зафиксированных текстов на русском языке, но и от фольклора, сокровищницу которого эти поэты впитали естественно и полнокровно, воплотив в своем поэтическом творчестве на самых разных уровнях – и в образах, и в восприятии мира, и в синтаксических конструкциях. Прекрасно знали названные авторы и традиции отечественной литературы, они не были оторваны от современного им литературного развития, ими был воспринят и освоен в творчестве образно-поэтический строй поэзии конца XIX – начала XX века. Но при этом были чрезвычайно важны и сохранившиеся в глубинах народной жизни, в тайниках русского народного мировосприятия элементы древних обрядов и верований, перевоенные на основе православной обрядности. И конечно, претворялись в творчестве этих авторов и старообрядческие, поддонные идеи и образы. Поэты были близки друг другу образом мысли, восприятием мира, внутренней духовной силой и самобытностью, неразрывной связью с глубинным русским народным миропониманием. Именно поэтому смерть Александра Ширяевца, смерть трагическая, внезапная, стала для Сергея Есенина глубоким личным горем, трагической невосполнимой утратой.

В те первые дни после смерти Ширяевца его памяти посвятил стихи Сергей Есенин. Эти строки, посвященные памяти друга и очень близкого по миропониманию человека, стали одними из самых проникновенных в есенинском творчестве. В одном из вариантов это стихотворение называется «Ровесникам». Однако Есенин, родившийся в 1895 году, был моложе Ширяевца (Абрамова) и Орешина, родившихся в 1887 году. В есенинском стихотворении памяти друга звучит и мысль о своей возможной близкой кончине:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть,
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле утрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, злотающихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

30 марта 1925 года был расстрелян по ложному обвинению в фашизме Алексей Ганин, а в конце того же года не стало Сергея Есенина. Три трагических смерти новокрестьянских поэтов, поэтов русского возрождения, за неполных два года! Боль и тоска Орешина отразилась в его стихах. Первое из напечатанных в «Красной ниве» произведений – «На караул». После смерти близких ему по духу поэтов Орешин принимает у них эстафету:

Сладкопевец мудрый
Утонул в снегу.
Золотые кудри
Песней сберегу.

А ржаное знамя
По снегам равнин
Вольными руками
Понесу один.

Свистом молодецким,
Перезвоном крыл –
Стороне советской
Подогрею пыл!

Хорошо ли, худо ль,
В славе наша рать.
Мне ли надо удаль
Где-то занимать?

Сон хороший снился
Во сыром бору.
Соколом родился,
Соловьем умру!

Край берез и воли!
Позабыв разгул,

Я сегодня в поле
Стал на караул.

Это не измена
И не дикий пляс,
Это только смена
На короткий час!

Следующее стихотворение – «Ответ». Это ответ Есенину, покинувшему землю, в результате этого печального события осиротели его друзья и соратники:

Милый, ты назначил встречу,
Только где ж твой дом?
Как тебе туда отвечу
И каким письмом?

Все я сделаю, что надо,
И не поленюсь,
Чтобы красным листопадом
Прозвенела Русь.
По снегам и по морозам
Без дорог пойду,
На ушко твоим березам
Расскажу беду.

Сяду вокруг осин пригожих,
На клочок травы... –
Синеглазого Сережу
Не видали вы?

Да не он ли на опушке
Нам, под Новый год,
Развеселые частушки
Соловьем поет?

Желтый лист несут метели
Через перевал...
Не Сережа ли с похмелья
Кудри растерял?

В поле холодно немножко,
Белый ветер лих.
Хорошо звенит гармошка
В пальцах ледяных.

Растрепать бы не пора ли
Нам земную сонь?
Три березки заплясали
Под его гармонь.

Клены топчутся неловко
На кресте дорог.
Ах, рассветная обновка,
Синий поясок!

Это он судьбу ворожит,
Это он поет.
— Русь, не ты ль вокруг Сережи
Водишь хоровод?

Светлый, радостный, кудрявый,
Он стоит один,
Озарен всемирной славой,
Средь степных равнин.

Милый, ты назначил встречу
Кровяным письмом... —
Соловей мой, я отвечу,
Я найду твой дом!

Петр Орешин был арестован в конце октября 1937 года и 15 марта 1938-го расстрелян. Так пророчески сбылись слова из стихотворения «Ответ»: «Я найду твой дом!»

Поскольку мы обратились к журналу «Красная новь», нельзя не упомянуть его главного редактора — человека, постоянно печатавшего Есенина в этом издании, что неоднократно вызывало недовольство оппонентов, — Александра Константиновича Воронского. Его статья памяти Есенина — «Об отошедшем» — публикуется вслед за стихотворениями Казина и Орешина. Воронскому Есенин посвятил поэму «Анна Снегина». А Александр Константинович охарактеризовал творчество Есенина в своих статьях. Познакомившись вскоре после возвращения Есенина из заграничной поездки, они часто встречались, в основном в редакции «Красной

нови». Именно поэтому статья Воронского, хорошо знавшего Есенина и много с ним общавшегося, важна и показательна не только как отклик на смерть Есенина, но и содержащейся в ней оценкой жизненного и творческого пути поэта.

Воронский начинает статью с описания встречи на вокзале в Москве есенинского гроба и переходит к описанию похоронного обряда: «Краткая весть во всей своей жуткой нелепости и неотвратимости, вокзальный перрон, властный лязг и уверенное, бездушное громохание, дымовый дым паровоза, запах машинного масла и нефти, небольшой вагон в конце поездного состава, почти детский коричневый под дуб гроб, качающийся на руках поверх густых, плотных и нестройных рядов, мимо застывшей в немом спокойствии «стальной конницы» – вот победитель и вот побежденный, – повитый траурным зал, свинцовое с прозеленью лицо, церковное и скорбное, у переносья и под глазом ожоги от трубы парового отопления – последнее целование, – когда-то непокорные цвета спелой ржи волосы, потерявшие свой мягкий и нежный блеск, постно и гладко зачесанные назад и вместо сини глаз ушедшие в глубь слепые впадины, погребальное шествие по рассолодевшим от оттепели грязным улицам, сырая и рыхлая земля, плач, поспешная, привычная работа лопатами, – все непреложно и замкнуто, и мы говорим – он был.

На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог».

Рассматривая творчество Есенина, в том числе последнего периода, Воронский анализирует его с учетом уже свершившегося, согласно официальной версии, самоубийства. Такой подход

очень показателен, поскольку и позже многие исследователи есенинской поэзии будут учитывать этот финал и в соответствии с ним трактовать не только последний, но и более ранние этапы жизни и творчества поэта. Итак, цитируем Воронского: «Путь его был победен, удача не покидала его, ему все давалось легко. Неудивительно, что он так легко, безрассудно, как мот, отнесся к своему удивительному таланту. На наших глазах преобразалось это прекрасное лицо отрока и пастушка: мокли чудесные синие очи, краснели и припухали веки, серело золото волос, дрябла кожа, тоньше становилась шея, хриплым делался голос, и первой смертной тенью ложилась на щеках немудрая городская косметика, такая ненужная и незаконная на этом лице. И вот уже последний цикл стихов и развязка. Теперь после самоубийства поэта стихи последнего периода звучат по-особому. Насильственная смерть подвела им новую черту, влила в них новый, роковой смысл. Раньше в них можно было усматривать следы сюжетного приема, художественную условность опытного мастера, всегда законную. Сейчас они потрясают как подлинный документ, строки налились и сочатся кровью, напоены смертной тоской и томлением, крестной мукой, одиночеством и предчувствием гибели. <...> И как-то странно отвечать на досужные вопросы, почему повесился Сергей Есенин. В стихах последнего времени поэт всенародно, с крайней прямоотой, с обнаженностью и искренностью отвечает на это «почему» и предупреждает о своем конце. Из этой предсмертной исповеди видно, как поэт заживо оказался замурованным в глухом склепе: «полюбил я носить в легком теле тихий свет и покой мертвеца». Вокруг поэта нет ни друзей, ни любимых, он — чужестранец даже

в родном краю, милая отцвела черемухой и никогда не встретится. Он думает только о себе, индивидуализм дошел до крайности. Поэт болен, он у могилы. В известной своей части стихи этого времени являются уже материалом для психиатра и клиники: такова в особенности его поэма о «Черном человеке». Не всегда поэзия – лишь прекрасная художественная условность; слишком часто сквозь черную стройность букв проступает кровь, видны расширенные от ужаса глаза, и в ритме стиха слышится предсмертный крик».

Рассматривая это высказывание Воронского, нельзя не отметить, что, не зная он о самоубийстве Есенина, он оценивал бы творчество поэта именно как «художественную условность», а не как «предсмертный крик». К тому же благодаря работам последних лет, проведенным прежде всего Н.И. Шубниковой-Гусевой, показано, что поэма «Черный человек» создавалась на протяжении длительного времени, и текст ее, записанный в ноябре 1925 года, является лишь последним вариантом этого произведения, над которым поэт активно работал еще во время заграничной поездки 1922–1923 годов. Конечно, было неправомерно ждать от Воронского, написавшего статью в течение нескольких дней после гибели Есенина, каких-то иных акцентов. Эта статья опытного критика написана «на злобу дня», поэтому как любое подобное произведение полемически заострена. Надо войти в новую ситуацию и, исходя из нее, ее учитывая, а то и ставя во главу угла, дать новое толкование творческого пути Есенина. К тому же теперь – после смерти поэта – жизненный путь завершен, получил финальную точку, и потому можно рассматривать его во всей совокупности. Этим и занимается Воронский-критик.

И как опытный участник литературных битв 1920-х годов (которые, отметим, были не так безобидны, как может показаться из нашего, начала XXI века, далёка), приходит к обобщениям и общим рекомендациям. И к тому же старается защитить и Есенина от возможных и уже в первые же дни начавшихся нападков критиков-оппонентов, и себя как редактора журнала, печатающего произведения «попутчиков» (то есть писателей, не являющихся строгими приверженцами линии на пролетарское верховенство в литературе), и дорогую ему советскую власть от обвинений ее в крайне жестком отношении к писателям. «Особое внимание, – пишет Воронский, – следует обратить на современную литературную среду. Тяжко и трудно жил поэт за последние годы. Еще более ужасна его смерть. Но хуже то, что в литературной среде у нас есть прямые кандидаты на есенинский конец. Называют даже имена. Смерть Есенина – новое и мрачное предупреждение. Наши болезненные явления среди писателей пора изживать последовательно, твердо и решительно. Представителям Советской власти и нашей партии, влияющим на литературную действительность, следует учесть и понять особенности этой среды, отличительные черты художественного слова, трудности, стоящие на пути, – но прежде всего за оздоровительную работу надо приняться самим братьям-писателям. Иначе веревка и бритва, браунинг и яд, кабак и притон станут нормальным бытовым явлением.

Одно недоразумение требуется рассеять незамедлительно. Раздаются голоса, что в смерти поэта повинны не то коммунисты, не то Советская власть, сузившие его творческий порыв. Со всей решительностью мы отмечаем подобные утверж-

дения. Что и говорить, у нас есть люди, и вправду склонные требовать от художника переложения злободневных передовиц на вирши, не считаясь ни с характером таланта, ни с внутренним содержанием писателя, ни с задачами, которые он ставит себе. Такие есть. Но руководящая линия в области художества со стороны коммунистической партии далека от такой вульгарщины и примитивности. Тем более неправильны упреки в отношении к Есенину. Мы утверждаем, что в литературном наследстве поэта, пока не дошедшем до читателя, нет вещей, отвергнутых и залежавшихся по обстоятельствам политического характера. Есенин пользовался исключительным вниманием, любовью и почитанием. <...> За Есениным ухаживали и к нему относились более бережливо, чем он сам к себе. Повинна эпоха, дух времени, но кто осмелится бросить камень в эту сторону?»

И как знаток русской литературы Воронский дает краткую, но емкую характеристику значимости Есенина в отечественной поэзии: «... мы осиротели, мы потеряли поэта великой мощи и таланта. Он многое нам дал, но мы вправе были ждать новых поэтических откровений, новых слов и новых песен».

Оценку жизни и творчества Есенина дали в первые дни после его смерти многие современники поэта. Вот лишь несколько характерных цитат. «В его лице потерял один из крупнейших талантов современности»⁴⁶, – констатировал И. Садофьев. «В литературе он станет рядом с Блоком, – заявил С.М. Городецкий, один из первых поэтов, с которым Есенин не только познакомился, но и сблизился во время первого приезда в Петербург весной 1915 года. – Незабываемый по чистоте звука лиризм его стихов, впоенный

деревней, а не дворянством, даже шире захватил читателя, чем блоковский голос»⁴⁷. «Есенин! Умер один из прекраснейших поэтов!»⁴⁸ – читаем в некрологе П.С. Когана «Сергей Есенин».

Мы привели много различных материалов – статей, некрологов, стихотворений, вызванных трагической смертью Есенина. Были и те, что написали «на злобу дня», люди, не переживавшие смерть поэта как невосполнимую утрату. Про них вспоминает В.А. Мануйлов – в то время начинающий поэт, а в будущем – известнейший исследователь жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. «В еще большее уныние повергла меня вся эта панихидная болтовня, – писал В.А. Мануйлов в январе 1926 года. – Я выслушал все траурные заседания терпеливо. Скулили профессора о том, что, мол, «не уберегли паренька в лапоточках, поэта голубой Руси». Перевирая каждую цитату, тот самый «литературный деятель», который вчера еще ругался в редакции, теперь распространялся о трагедии поэта, выражавшего определенную идеологию определенного шатающегося слоя. Все эти самодовольные лицемеры, отворачивавшиеся от Сергея при его жизни здесь, среди нас, в Баку, теперь говорили о потере величайшего русского поэта, бывшего чуть ли не другом всех этих ораторов, льющих крокодиловы¹ слезы.

Конечно, ни на одном заседании я не выступал ни с речами, ни с воспоминаниями – слишком было тяжело, даже не от самой потери, но от всей этой гадости неудержимого словоблудия»⁴⁹.

И все-таки искренности и печали было больше, чем слов, вызванных конъюнктурой и желанием показать себя...

КЛЮЕВСКИЙ ПЛАЧ О ЕСЕНИНЕ

Для поэта, не без основания считавшего себя учителем Сергея Есенина – Николая Клюева, – есенинская смерть стала крайне тяжелой утратой. Клюев посвятил памяти поэта «Плач о Сергее Есенине». Эту поэму автор неоднократно исполнял. Об одном из таких выступлений рассказала в романе «Сумасшедший корабль» Ольга Форш: «Он вышел с правом, властно, как поцелуйный брат, пестун и учитель. Поклонился публике земно – так дьяк в опере кланяется Годунову. Выпрямился и слегка вперед выдвинул лицо с зашуренными на миг глазами. Лицо уже было овеяно собранной песенной силой. Вдруг Микула распахнул веки и без ошибки, как разящую стрелу, пустил голос.

Он разделил помин души на две части. В первой — его встреча юноши-поэта, во второй — измена этого юноши пестуну и старшему брату и себе самому.

Голосом, уветливым до сладости, матерью, вышедшей за околицу встретить долгожданного сына, сказал он свое известное о том, как

С Рязанских полей коловратовых
Вдруг забрезжил коноплевый свет.
Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,

Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус.

Еще под обаянием этой песенной нежности были люди, как вдруг он шагнул ближе к рампе, подобрался, как тигр для прыжка, и зашипел язвительно, с таким древним, накопленным ядом, что сделалось жутко.

Уже не было любящей, покрывающей слабости матери, отец-колдун пытал жестоко, как тот, в «Страшной мести», Катеринину душу за то, что не послушала его слов. Не послушала, и вот –

...На том ли дворе, на большом рундуке,
Под залятою черной матицей,
Молодой детинушка себя сразил...

Никто не уловил перехода, когда он, сделав еще один мелкий шажок вперед, стал говорить уже не свои, а стихи того поэта, ушедшего. <...> Микула опять ударил земно поклон, рукой тронув паркет эстрады, и вышел торжественно в лекторскую. Его спросили:

– Как могли вы...

И вдруг по глазам, поголубевшим, как у врубелевского Пана, увиделось, что он человеческого языка и чувств не знает вовсе и не поймет произведенного впечатления. Он действовал в каком-то одному ему внятном, собственном праве.

– По-мя-нуть захотелось, – сказал он по-бабьи, с растяжкой. – Я ведь плачу о нем. Почто не слушал меня? Жил бы! И ведь знал я, что так-то он кончит. В последний раз виделись, знал – это прощальный час. Смотрю, чернота уж всего облепила...

– Зачем же вы оставили его одного? Тут-то вам и не отходить.

– Много раньше увещал, – неохотно пояснил он. – Да разве он слушался? Ругался. А уж если весь

черный, так мудрому отойти. Не то на меня самого чернота его перекинуться может! Когда суд над человеком свершается, в него мешаться нельзя. Я домой пошел. Не спал ведь – плакал».

«Поминально-ритуальная поэма «Плач о Сергее Есенине» – крупнейшее ключевское произведение о «песенном брате», – точно отметил исследователь творчества Ключева Д.А. Савельев. – За общепонятным поминальным («плакальным») началом поэмы (что составляет ее поверхностный смысл) скрывается глубинный замысел, ее основная художественно-философская доминанта, – путем теснейшего переплетения и взаимопроникновения ключевской и есенинской поэзии осуществить встречу «близнецных» душ двух поэтов в пространстве Слова, которые затем, после «воспарения» из земных пределов, должны будут «раствориться» во вневременном Бытии».

Понять глубинный смысл поминального произведения Ключева поможет обращение к работам Людмилы Александровны Киселевой – известного исследователя творчества Есенина и Ключева, живущего в Киеве. Киселева доказывает, что «Плач о Сергее Есенине» – «ритуально-мифологический текст». В поэме происходит тесное взаимодействие и взаимопроникновение есенинских и ключевских песен, происходит движение от «мы» в эпиграфе к единому собирательному слову «поэт» в финале поэмы.

Ключев начинает свой «Плач...» с обращения к черту:

Помяни, чёртушко, Есенина
Кутьей из углей да из омылок банных!

Далее заявляет:

А у меня изба новая –
Полати с подзором, божница неугасимая...

Противопоставляя себя, у которого «божница неугасимая», Есенину, которого должен помянуть после смерти черт, Клюев продолжает давний диалог поэтов, который, то замирая, то возобновляясь, продолжался в течение многих лет. Но то был внутренний спор русских писателей, являющихся приверженцами одного направления. Впрочем, Л.А. Киселева не без основания полагает, что «чёртушку» можно толковать и «как собирательный образ современников, «поминавших» поэта углями «злых замесок» и «черных тайн» да «банными омылками» воспоминаний»⁵⁰.

Клюев, родившийся в 1884 году, был значительно старше Есенина, начал печататься намного раньше, помог его вхождению в литературную среду, поэтому считал себя его поэтическим учителем, полагал, что Есенин должен следовать его, клюевскому, поэтическому восприятию мира. Но тот, как крупный поэт, пошел своим путем, не всегда согласным с миропониманием Клюева. Именно поэтому и развился диалог двух поэтов – и благодаря ему возникли и остались в поэтической сокровищнице русской поэзии замечательные строки и Есенина, и Клюева.

В сборник «Памяти Есенина» вошло клюевское стихотворение «В степи чумацкая зола...», написанное в 1921 году – в тот период, когда Есенин входил вместе с Анатолием Мариенгофом, Вадимом Шершеневичем и другими поэтами в группу имажинистов. Клюевым такое содружество Есенина воспринималось как отход от объединявшей их традиции. И потому в его стихотворении, где упоминается произведение

Есенина 1919 года «Кобыльи корабли», звучит грозное предостережение своему младшему песенному собрату:

И груз «Кобыльих кораблей» –
Обломки рифм, хромые стопы.
Не с коловратовых полей
В твоём венке гелиотропы, –

Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных голгоф –
Тропа к иудиным осинам.

Скорбит рязанская земля,
Седея просом и гречихой,
Что, перелесицы трепля,
Парит есенинское лихо.

Но у Клюева звучит надежда на возвращение Есенина от «имажинистских цветов» в русло глубинной русской поэтической традиции. Заметим, что Есенин, восприняв многообразие современных ему поэтических течений и отдав дань некоторым из них, не был строгим приверженцем какого-либо поэтического направления. Его творчество невозможно вмести́ть в рамки, являющиеся отличительными для участников той или иной группы поэтов. И в этом источник того, что поэтическое слово Есенина и много десятилетий спустя после его смерти по-прежнему близко и ценимо читателями, многие, очень многие из которых становятся почитателями его великого таланта. Весь есенинский путь, взятый как целостность и цельность, – это путь к пушкинскому пониманию поэзии. И потому можно с уверенностью говорить о том, что клюевские пожелания, высказанные им в стихотворении «В степи чумацкая зола...», воплотились в творчестве Есенина последнего периода. Итак, слово Николаю Клюеву:

Словесный брат, внемли, внемли,
Стихам – берестяным оленям:
Олонецкие журавли
Христосуются с «Голубенем».
«Трерядница» и «Песнослов» –
Садко с зеленой водяницей!
Не счесть певучих жемчугов
На нашем детище – странице.

Здесь упоминаются книги Есенина «Голубень» и «Трерядница» и клюевский «Песнослов». В финале же стихотворения Клюев обращается к пушкинской традиции, становясь провидцем грядущего:

Супруги мы... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах!

«В этом, на мой взгляд, ощутимая перекличка с великим Пушкиным: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» – отметил поэт Василий Соколов. – Клюев видел идущее навстречу ему племя молодых талантливых поэтов и приветствовал его». Теперь имена Клюева и Есенина все чаще упоминаются и звучат вместе: на поэтических и музыкальных вечерах, на школьных уроках, на научных конференциях, в самых разных книжных изданиях. Могущественное время обозначило их глубинное внутреннее родство в поэзии и в жизни.

Но вернемся к клюевскому «Плачу о Сергее Есенине», созданному после трагической гибели поэта, в тот момент, когда диалог двух писателей будет трагически и навсегда разорван. В этом произведении предстает родословие Есенина. Автор отмечает свою особую значимость в становлении поэта:

Пришел ты из Рязани платочком бухарским,
Нестираным, неполосканым, немыленным,

Звал мою пазуху улусом татарским,
Зубы табунами, а бороду филином!

Лепил я твою душеньку, как гнездо касатка,
Слюной крепил мысли, слова слезинками...

Затем автор, как и в стихотворении «В степи чумацкая зола...», высказывает свое неприятие того периода творчества Есенина, когда он ушел от Клюева «разбойными тропинками». Этим отступлением объясняет Клюев и трагический есенинский финал:

Из-под кобылей головы, загиблыми мхами
Протянулась окаянная пьяная стежка.
Следом за твоими лаковыми башмаками
Увязалась поджарая дохлая кошка, –

Ни крестом от нее, ни пестом, ни мукой,
Женился ли, умер – она у глотки,
Вот и острупел ты веселой скукой
В кабацком буруне топить свои лодки!

А всё за грехи, за измену зыбке,
Запечным богам Медосту да Власу.

Клюев остался без Есенина, и потому трагизмом, неизбывной печалью наполнен его стих:

Рожоное мое дитятко, матюжник милый,
Гробовая доска – всем грехам покрывка,
Прости ты меня, борова, что кабаньей силой
Не вспоил я тебя до золотого излишка! <...>

С тобою бы лечь во честной гроб,
Во желты пески, да не с веревкой на шее!..
Быль иль не быль то, что у русских троп
Вырастают цветы твоих глаз синее?

Только мне горюну – горынь-трава..
Овдовел я без тебя, как печь без помяльца,
Как без Настеньки горенка, где шелки да канва
Караулят пустые, нешитые пята!

Трагедия не только в самой смерти Есенина, но и, по мысли Ключева, в той непростой жизни, которая установилась в стране. Упадок нравственности, духовное оскудение людей – вот причины смерти Есенина, которые отмечает Ключев:

Знать, того ты сробел до смерти,
Что ноне годочки пошли слезовы,
Красны девушки пошли обманны,
Холосты ребята всё бесстыжи!

О самой есенинской смерти сказано в поэме Ключева словами «лебеди умной». Могучий, основанный Петром город предстает как нагромождение крестьянских изб, огромное пространство, преодолеть которое не под силу трудолюбивому помощнику сельских жителей – коню:

На реке Неве грозный двор стоит,
Он изба на избе, весь железом крыт,
Поперек дворище – тыща дымников,
А вдоль бежать – коня загнать.

Как не вспомнить тут бессмертные, памятные каждому строки есенинского «Сорокоуста» – одного из тех произведений поэта, которое наиболее часто цитировали его современники:

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?

Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Нащ разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

Есенинское стихотворение оказалось провидческим: уже после его ухода в мир иной «стальная конница» всюду победила «живых коней». Как осколок прежнего многовекового бытия народа сохранилось лишь измерение мощности автомобиля в лошадиных силах. Да еще порой можно встретить пасущихся коней, но им уже не вступить в соревнование с современными техническими средствами передвижения – слишком высоки скорости нынешнего века.

Клюев же с помощью немногих слов «лебеди умной» (эту птицу исследователи творчества поэта отождествляют с Богородицей), давшей емкую характеристику «грозного двора» на Неве, продолжает:

Как на том ли дворе, на большом рундуке,
Под заклятою черной матицей,
Молодой детинушка себя сразил.
Он кидал себе кровь поджильную,
Проливал ее на дубовый пол.
Как на это ли жито багровое
Налетали птицы нечистые –
Чирея, Грызея, Подкожница,
Напоследки же птица-Удавница.
Возлетала Удавна на матицу,
Распрядала крыло пеньковое,
Опускала перище до земли.
Обернулось перо удавной петлём...

Клюев пишет о том, что «молодой детинушка себя сразил». Но можно ли однозначно толковать

это как самоубийство? Вероятно, нет. Ведь речь идет лишь о крови, пролитой на «дубовый пол», то есть о нанесении самому себе раны. Вспомним, что незадолго до гибели Есенин написал собственной кровью стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». И на кровь поэта («жито багровое»), ставшую в данный момент способом запечатления на бумаге поэтического текста, налетели «птицы нечистые». Эти являющиеся воплощением зла птицы привлечены использованной для написания стихотворения есенинской кровью. Для них врагом является не столько Есенин-человек, сколько Есенин-поэт – создатель поэтических образов, которые оказывали значительное влияние на современников.

Есенинское слово было необычайно значимо в середине 1920-х годов. Именно поэтому в тот период у поэта становилось все больше и больше противников – людей, стремившихся любыми доступными им способами опорочить Есенина, снизив таким образом притягательную силу его поэзии. Именно эти враги, причем довольно многочисленные («налетели птицы нечистые»), и погубили «отрока вербного». Не «молодой детишка» накинул себе на шею смертельно затянувшуюся петлю, а взлетевшая под потолок «птица-Удавница», перо которой обернулось удавной петлей.

Потому лебедь-Богоматерь и принимает «душу убойную». Самоубийство является преступлением против Духа Святого, самоубийц, согласно церковным канонам, не отпевали и даже не хоронили на общих кладбищах вместе с православными. И потому вряд ли можно полагать, что в клюевской поэме Богоматерь принимает душу самоубийцы. Это душа убиенного, не по своей воле окончивше-

го жизнь человека. В «Плаче...» передаются слова лебеди-Богоматери:

Тут слетала я с ясна месяца,
Принимала душу убойную
Что ль под правое тепло крылышко,
Обернулась душа в хризопраз-камень,
А несу я потеряшку на родину
Под окошечко материнское.
Прорастет хризопраз березынькой,
Кучерявой росной, как Сергеюшко.

Так смерть, согласно народнопоэтической традиции, оборачивается новым рождением. Об этом же писал и сам Есенин – и в «Радунице», и в более поздних произведениях (об этом подробнее говорится в одной из глав этой книги).

Какой необычный и насыщенный смыслами образ предлагает Клюев – потеряшка. Есенин потеряшка потому, что его нет теперь на этой земле – из-за смерти он навсегда потерян для здешнего мира. Потеряшка еще и потому, что Клюев считал ошибкой есенинскую «измену зыбке», поэт потерялся в водовороте событий, в круговерти дней, в сломе эпох. Потеряшка – это и личная потеря, личное горе Клюева. И не его одного, а многих и многих людей, для которых великой трагедией стала смерть Есенина. Потеряшка возвращается под крылом белокрылой лебеди на родину, прорастая березынькой. Береза – это не только один из наиболее любимых Есениным образов, но и символ России. Воплотившие зло птицы оказались бессильны перед птицей, являющейся символом добра и чистоты, – перед белой лебедью.

Задушенный Удавницей герой оказывается на родине, где звучит песня матери:

Сядет матушка под оконницу
С долгой прямицей, с веретёнышком,
Со своей ли сиротской работушкой.
Запоет она с ниткой наравне
И тонёхонько и тихохонько:

«<...> Спит березка за окном
Голубым купальским сном –
Баю-бай, баю-бай,
Сватал варезки шугай!
Сон березовый пригож,
На Сереженькин похож!
Баю-бай, баю-бай,
Как проснется невзначай!»

В этом отрывке важно отметить несколько деталей. «Голубой купальский сон» – это не только обращение к празднику Ивана Купалы, но и к известному есенинскому стихотворению «Матушка в Купальницу по лесу ходила...», в котором говорится о рождении лирического героя:

Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

В тексте Клюева говорится о сне, то есть о таком состоянии, которое завершается пробуждением (воскрешением). Заканчивается же «Плач о Сергее Есенине» «Упокоением»:

Падает снег на дорогу –
Белый ромашковый цвет.
Может, дойду понемногу
К окнам, где ласковый свет?
Топчут усталые ноги
Белый ромашковый цвет.

Вижу за окнами прялку,
Песенку мама поет,

С нитью веселой вповалку
Пухлый мурлыкает кот,
Мышку-вдову за мочалку
Замуж сверчок выдает.

Сладко уснуть на лежанке...
Кот – непробудный сосед,
Пусть забубнит впозаранки
Ульем на странника дед,
Сед он, как пень на полянке –
Белый ромашковый цвет.
Только б коснуться покоя,
В сумке огниво и трут,
Яблоней в розовом зное
Щеки мои расцветут,
Там, где вплетает левкои
В мамины косы уют.

Жизнь – океан многозвенный
Путнику плещет вослед.
Волгу ли, берег ли Роны –
Всё принимает поэт...
Тихо ложится на склоны
Белый ромашковый цвет.

Четырежды повторенный образ – «белый ромашковый цвет» – создает ощущение чистоты и благодати. Здесь характерное и для Есенина соединение земного и небесного миров. Снег неспешно опускается на дорогу. Это слово – «дорога» – имеет множество смысловых оттенков: и земной пространственный ориентир, становящийся белым от снега, и жизненный путь человека, устремленный туда, где маячит «ласковый свет», – в жизнь вечную, к небесным ориентирам. Но этот же неземной «ласковый свет» является для Клюева и светящимся в бесконечность окном, за которым оказывается мать, занятая повседневным женским трудом и поющая песенку. Смерть матери, скончавшейся в 1913 году, стала для Клюева очень тяжелой утратой. Ее памяти он посвятил

«Избянные песни», в которых хранителем дома тоже является кот («Лежанка ждет кота, пузан-горшок – хозяйку»). Но после смерти матери разрушается и внутренний мир жилища («Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита шапка, / Чтоб дедовских седин буран не леденил»). В «Плаче о Сергее Есенине» такого слома внутреннего пространства дома не происходит: занимает свое место на лежаке кот, рядом с которым так приятно заснуть, а дед не-приветливо встречает странника. Клюев рисует мир покоя и отдохновения. Строка «Все принимает поэт» опять заставляет вспомнить Есенина: «Приемлю все, / Как есть все принимаю»; «... все приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть, / Я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть...». Да и белый цвет, в том числе и цвет снега, характерен для Есенина. Вспомним и «березку белую», и «Как метель черемуха / Машет рукавом». Клюевский текст особенно близок одному из последних есенинских стихотворений – «Голубая кофта. Синие глаза...»:

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

«ЕСЕНИН БЫЛ УБИТ ДВАЖДЫ...»

Интерес к творчеству Есенина никогда не ослабевал, изучением его судьбы занимались многие исследователи, однако не обо всех обстоятельствах его жизни, в силу известных причин, можно было говорить открыто. Поэтому вопрос об обстоятельствах смерти Есенина и обоснованности версии о его самоубийстве практически не обсуждался.

Обстоятельства изменились. В конце 1980 – начале 1990-х годов периодику наводнили различные публикации, посвященные смерти Есенина – версии выдвигались самые разные. Ю.Л. Прокушев, известный есениновед, так пишет об этом: «...сначала в журнале «Москва», потом в ряде других изданий появились публикации, уже с самого начала носившие налет сенсационности: «Тайна гостиницы «Англетер», «Убийство Есенина» и другие. Вскоре к этому подключилось телевидение, был показан репортаж с кладбища, у могилы Есенина; серию передач подготовили в Ленинграде в программе «Пятое колесо» и т. д. Знакомясь с этими материалами, нетрудно заметить, что здесь нередко эмоционально-публицистическая сторона явно преобладает над документальной, научно аргументированной основой; предположение,

версия, домысел — над точными, неопровержимыми фактами. Отсюда, как правило, и разноречивыми суждениями.

Один доказывает, что Есенина задушили подушкой, а потом уже повесили, другой — что убили, ударив в лоб рукояткой револьвера, закатали в ковер и хотели вынести тело через балкон, но это не вышло, и тогда его повесили. Или: Есенин был убит ударом тяжелого предмета в лоб, был раздроблен череп, и так сильно, что вытекло двадцать граммов мозгового вещества; или: Есенин был застрелен из револьвера, а потом уже повешен и т. д.

При этом, будучи весьма категоричными в своих версиях и довольно жесткими по отношению к своим оппонентам, авторы их сплошь и рядом как бы подстраховывают себя такими весьма расплывчатыми, зыбкими оговорками «можно предположить», «вполне возможно», «вероятно», «можно представить» и т. п.

Происходит все это в силу того, что пока по существу нет доказательств, которые были бы неоспоримы, которые опирались бы на точные, неопровержимые, выверенные документы и факты»⁵¹.

Для того чтобы разобраться во всем многообразии версий, в июне 1989 года была создана специальная комиссия Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина. Председательствовал в ней уже упоминавшийся Юрий Львович Прокушев, многие годы возглавлявший Есенинскую группу ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, а тогда являвшийся председателем Всесоюзного Есенинского комитета, секретарем Союза писателей РСФСР. Кроме него в комиссию входили родственники поэта, известные есениноведы, писатели, эксперты в различных об-

ластях. Этой комиссии предстояло разобраться в круговерти появившихся слухов, статей, выступлений, опираясь на достоверные документы, факты, свидетельства очевидцев и заключения профессионалов. «Материальным» результатом трудов комиссии стал сборник документов «Смерть Сергея Есенина», увидевший свет в 1996 году, а затем переиздававшийся.

Но вернемся к самим версиям. Несмотря на кажущееся разнообразие, объединяло все версии мнение, что Сергей Есенин ушел из жизни не по своей воле. Вот как выглядели эти версии, а также развернувшиеся вокруг них баталии – отклики профессионалов в области судебной медицины, литературоведов, писателей, родственников поэта.

Известный русский писатель Василий Иванович Белов одним из первых высказал в прессе мысль об убийстве поэта. 12 ноября 1988 года в газете «Люберецкая правда» появилось его интервью «Позиция писателя», где заявлялось, что С.А. Есенин был убит, о чем «можно судить даже по тем фотографиям, которые опубликованы»⁵². Об этом В.И. Белов заявлял неоднократно и ранее в устных беседах (например, на встрече с читателями журнала «Наш современник» в г. Жуковском), однако конкретных доказательств не приводил.

Автор нескольких публикаций, посвященных смерти С.А. Есенина, патофизиолог, доктор медицинских наук, профессор Ф.А. Морохов также утверждал, что поэт был убит, опираясь на его посмертные фотографии и акт судебно-медицинской экспертизы А. Гиляревского. Причем убийство это профессор называл политическим актом, послужившим началом последовательного уничтожения так называемых новокрестьян-

ских поэтов, поэтов русского возрождения. Эту мысль Морохов транслировал в нескольких статьях, указывая на то, что «...в последние годы жизни Есенин «находился под непрерывным и нескрываемым наблюдением, а также социально-психологической травлей...» <...> поэта окружали люди, так или иначе связанные с ГПУ: Эрлих «служил в ГПУ в отделе Агранова (Сорендзона) и возглавлял ленинградскую группу имажинистов, а к московской группе Троцкого и ГПУ был прикомандирован Я. Блюмкин». «Англетер» находился в ведении ГПУ и Г. Бениславская также была на службе ГПУ, «занимая на первых порах должность секретаря в отделе Агранова...». Устинов также был «...возможно, и сотрудником ГПУ»⁵³.

Позже автор обратился к более широкому кругу документов: к вышеупомянутым фотографиям и акту Гиляревского добавились акты предварительного дознания и осмотра места происшествия, составленные участковым надзирателем 2-го отделения Ленинградской милиции Н. Горбовым, посмертная маска, история болезни, свидетельство о смерти Есенина, посмертное стихотворение поэта, воспоминания современников о последних днях его жизни, различные публикации. Результаты внимательного изучения этих документов Ф. Морохов изложил в статье «Трагедия поэта-пророка»⁵⁴, где обосновывал свое мнение.

Так, профессор усомнился в том, что для написания посмертного стихотворения могло хватить крови из трех царапин на левом предплечье поэта. Акт Н. Горбова, по его мнению, составлен с нарушением элементарных правил и требований уголовно-процессуального кодекса (например, без общего осмотра номера гостиницы и приглашения понятых), преднамеренно поверхностно и

недобросовестно, даже без описания состояния тела, травм и ранений на нем. Подобную недобросовестность и неполноту Ф. Морохов отметил и в акте А. Гиляревского (нет описаний некоторых особенностей травм и ранений, лабораторных исследований, неверно описаны возможные источники травм). Отсюда однозначный вывод о том, что «...Есенин не только не повесился и даже не повешен, а был привязан к трубе в состоянии либо тяжелого травматического шока с потерей сознания, которое во время удушения на мгновение прояснилось, и он инстинктивно схватил правой рукой трубу отопления, или он был привязан в состоянии начинающегося окоченения тела, которое наступает обычно через 1–2 часа после смерти»⁵⁵.

В последующих статьях Ф. Морохов обратился к выяснению причин «политического террора», уничтожившего Есенина, и собственно к творчеству поэта, поскольку именно оно не устраивало систему и конкретных ее представителей. Таких, как Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, «неистовых ревнителей культа» Л. Авербаха, Л. Соновского и других. По мнению профессора, поэта психологически травили и дискредитировали, создавали провокационные ситуации и конфликты, устраивали скандалы в общественных местах с приводом в милицию и составлением обвинительных протоколов.

Работы Ф. Морохова вызвали активный отклик у его оппонентов (кстати, он с ними столь же активно впоследствии полемизировал). Так, И.В. Демидов, судебно-медицинский эксперт Главного медицинского управления г. Москвы, дал судебно-медицинскую оценку этой версии, усомнившись в выводах профессора: «В центре внимания ав-

торов большинства публикаций – «вдавленная борозда», отмеченная в «Акте» судмедэксперта А. Гиляревского. Наиболее полно пытался исследовать это повреждение Ф. Морохов. Однако ряд его утверждений вызывает сомнение в их корректности в судебно-медицинском аспекте. Прежде всего, когда речь идет о глубине, прижизненности и характере указанного повреждения. Ф. Морохов определяет «борозду» как след от удара твердым предметом живого С. Есенина, утверждая, что повреждение затрагивает лобную кость с «выдавливанием» головного мозга или хрусталика (?) левого глаза. Все эти положения не выдерживают критики по следующим причинам.

Во-первых, повреждение кожи от удара твердым предметом может быть либо ссадиной, либо кровоизлиянием, либо раной – другие виды повреждений при подобной травме (удар) науке неизвестны. И тем более форму «борозды», т. е. углубленного вдавления без нарушения целостности кожного покрова, эти повреждения ни при каких условиях принять не могут. В то же время подобная форма – «борозда» на мертвом теле – характерна именно для длительного сдавления подлежащего участка кожи посторонним предметом или, наоборот, давления кожи на предмет, что по механизму существенных различий не имеет. Причем существенным, если не главным, фактором при образовании «борозды» является посмертная фиксация. В противном случае – при естественном тургоре (эластичности) тканей *живого* человека вдавленная борозда как вид деформации тканей не образуется вообще или не сохраняется после смерти.

Через неповрежденный кожный покров и тем более лобную кость ни мозг, ни хрусталик «выда-

виться» не могут, а у хрусталика для «выдавливания» есть более естественный путь – через глаз. Ф. Морохов в своем исследовании – по фотографии С. Есенина – утверждает, что предмет, которым причинена «борозда», был прямоугольной формы (в поперечном сечении), однако по одной или двум фотографиям судить о форме предмета, причинившего *объемное* повреждение, недопустимо. Для полноценного суждения в таком случае необходимо исследовать несколько *разно-ракурсных негативов*, сделанных при различных углах падения света (освещенности).

Так же – по фотографии – Ф. Морохов диагностирует «синяк, образовавшийся в результате кровоизлияния в ткани левой глазницы». По фотографии нельзя однозначно утверждать, что то или иное темное пятно на позитивном отпечатке является «синяком» или кровоизлиянием. Такой подход противоречит элементарным положениям теории криминалистической идентификации.

Кроме того, важным моментом, исключающим возможность образования «борозды» (почти горизонтальной, как отмечает Ф. Морохов, а на самом деле – косовертикальной) при давлении лица С. Есенина на вертикальную трубу, Ф. Морохов считает несоответствие продольных осей трубы и самой борозды при положении С. Есенина в петле на трубе. Однако это положение вполне объяснимо наклоном головы поэта в петле и плотным прилеганием лица к трубе при этом.

Отсутствие «мертвой» петли на шее С. Есенина «вызывает сомнение» в возможности его самоповешения, а также, по мнению ряда авторов статей – вслед за Ф. Мороховым, – предполагает выскальзывание тела из петли. Для судебного медика эти аргументы весьма неубедительны: во-первых,

незамкнутость петли отмечается в большинстве случаев самоповешения, а полная замкнутость петли – «мертвая» петля – наблюдается лишь при постороннем затягивании удавки. Во-вторых, незамкнутая косовосходящая петля при отсутствии опоры для ног – провисании тела под собственным его весом – хорошо фиксирует тело, не допуская его выскальзывания и падения, даже и в период агонии.

Еще одно – на сей раз юридическое – предположение Ф. Морохова неверно: Гиляревский один произвел экспертизу, хотя проводить «полагается двумя судмедэкспертами». На самом деле не полагается – законом подобные «двойки» не предусмотрены.

Ф. Морохов подвергает сомнению правомочность записи А. Гиляревского о том, что от содержимого желудка С. Есенина исходил «нерезкий запах вина», пытаясь объяснить его «возможностью брожения пищи в желудке» в теплых условиях без приема алкогольных напитков. Действительно, при брожении желудочного содержимого возможно образование алкоголя. Однако количества его недостаточно для ощущения запаха.

Ф. Морохов утверждает, что С. Есенин «получил несколько ударов... также в живот, так как в брюшной полости Гиляревский отметил наличие «около 10 куб. сантиметров кровяной прозрачной жидкости; петли кишок красного цвета». Неспециалисту такие изменения в брюшной полости покажутся патологическими – свидетельствующими об ударе (ударах) в живот. В действительности же такое состояние – следствие скопления крови в нижней части тела, обусловленного вертикальным положением при повешении. Этим объяснимы и «красный цвет кишок», и наличие в

полости 10 куб. см кровяной прозрачной жидкости (а не крови – как известно, непрозрачной). Только наличие крови и каких-либо повреждений внутренних органов может свидетельствовать о травме живота»⁵⁶.

Специалисты по судебной медицине А.П. Громов и А.В. Маслов также отметили принципиальные неточности и возникшие вследствие их «домыслы» в версии Ф. Морохова, предлагая при этом свое разъяснение некоторых «тайн» смерти поэта: «Исследование трупа С.А. Есенина было произведено 29 декабря 1925 г. в покойницкой Обуховской больницы судебно-медицинским экспертом А.Г. Гиляревским. Акт вскрытия выполнен от руки, нижний левый угол его оторван, разорванные обрывки текста хранятся в отдельном конверте. В Акте вскрытия трупа записано: «На шее над гортанью красная борозда, другая тянется слева вверх, теряющаяся около ушной раковины спереди. Справа борозда идет вверх к затылочной области и тоже теряется; ширина борозды с гусиное перо». Таким образом, судя по описанию, на шее поэта имелась косовосходящая снизу вверх, справа налево незамкнутая странгуляционная борозда. Подобная борозда, как отмечалось, характерна для затягивания петли тяжестью тела, т. е. для повешения. Особенностью борозды при повешении является также неравномерность глубины ее в различных частях. Обычно она бывает более глубокой и выраженной в тех местах, где петля оказывает наибольшее давление. Сторонники версии убийства поэта считают, что «если нет «мертвой» петли вокруг шеи, то человек не сможет умереть. Тем более что хрящи гортани у Есенина были целы» [Ф. Морохов]. Судебно-медицинские эксперты в настоящее время избегают понятия

«мертвая» петля. Петли могут быть закрытыми и открытыми, когда узел вообще отсутствует, а повеситься, кстати, можно на любой из них. Далеко не в каждом случае повешения имеются повреждения хрящей гортани, на которые ссылается автор упомянутого интервью патолофизиолог доктор мед. наук проф. Ф. Морохов, тем более что петля на шее располагалась «над гортанью». При подобной локализации петли хрящи гортани, как правило, не повреждаются. При типичном положении петля вдавливалась между гортанью и подъязычной костью, корень языка оттеснялся кверху и назад и прижимается к задней стенке глотки и мягкому небу, большие рожки подъязычной кости прижимаются к позвоночнику. Зажатый между зубами кончик языка, что также отмечено в Акте, часто встречается при повешении именно в тех случаях, когда петля располагается в верхней части шеи над гортанью. Также несостоятельное с судебно-медицинской точки зрения утверждение проф. Ф.Морохова о том, что «повеситься на ремнях крайне трудно, если совсем невозможно». Материал, используемый для приготовления петли, бывает мягким (галстуки, полотенца, шарфы), полужестким (ремни, веревки) и жестким (провода, цепи).

В том же интервью проф. Ф. Морохов пишет: «Есенин сначала был крепко избит, об этом же свидетельствуют «кровоподтеки на легочной плевре». Обратимся к Акту исследования тела поэта: «Сердце... на наружной оболочке сзади – значительное количество точечных кровоподтеков... на легочной плевре значительное количество точечных кровоподтеков». Точечных кровоподтеков! Таким образом, Ф. Морохов трактует как «следы избиения» точечные субплевральные кровоизлияния – пятна

Тардые, которые часто встречаются при смерти от механической асфиксии. Для образования пятен Тардые необходимы несколько условий: выраженное внутрикапиллярное давление, нарушение проницаемости сосудистых стенок и отрицательное давление в плевральных полостях. Эти условия возникают в стадиях инспираторной одышки и терминальных дыхательных движений в процессе развития механической асфиксии, в частности при сдавлении органов шеи петлей.

Какова же, по мнению Ф. Морохова, причина смерти С.А. Есенина? «Он был удушен, скорее всего, подушкой». Читаем акт медицинской экспертизы: «Признаки удушья есть: в гортани обнаружена характерная розовая пена». И далее: «...смерть, судя по патологическим характеристикам трупа, произошла от удушения, но не от повешения...» <...> Таким образом, одна из версий причины смерти поэта – закрытие отверстий рта и носа каким-либо мягким предметом (подушка, пиджак). В подобных случаях можно обнаружить уплощение и некоторую деформацию носа, губ, более бледную окраску прижатых частей лица. На слизистой оболочке губ, на деснах возможны ссадины, кровоподтеки, порой ранки слизистой оболочки от прижатия губ к зубам, иногда переломы зубов. В полости рта, глотки, в дыхательных путях могут быть обнаружены посторонние частички – пушинки от подушки, волокна от ткани пиджака. Однако эти признаки в Акте не отмечены, на основании лишь признаков острой смерти, обнаруженных у С.А. Есенина, никто не может и не имеет права делать даже предположительное заключение о задушении подушкой, пиджаком и пр.»⁵⁷.

На эти же ошибки указывает доктор медицинских наук, профессор Б. Свадковский: «... если нет мертвой петли, – утверждает Ф.А. Морохов, – то человек не может умереть». Здесь сразу две ошибки. Во-первых, из экспертной практики известно, что смерть наступает как при замкнутой («мертвой»), так и при незамкнутой петле. А во-вторых, замкнутая борозда характерна для удушения петлей, в то время как незамкнутая, а она и была обнаружена у Есенина, наблюдается при повешении». На взгляд Б. Свадковского, самопроизвольно трактует Ф.А. Морохов наличие мелкоочечных кровоизлияний под плеврой поэта, называя это свидетельством «крепкого избиения»: «Странная трактовка, ведь для травматических повреждений легких характерны совершенно иные экспертные критерии: крупноочаговые кровоизлияния под плеврой и в ткани легких, надрывы и разрывы ткани и другие признаки, о которых в акте упоминаний нет». Также лишена каких-либо обоснованных экспертных критериев версия черепно-мозговой травмы и удушения поэта подушкой, оценка же фотографий, по которым это устанавливалось, выполнялась с грубыми методическими ошибками, да и сами фотографии выполнены без специальных технических условий судебно-медицинской фотографии (например, прицельная съемка при освещении, перпендикулярном к объекту). Отсюда и ошибки, полагает Б. Свадковский.

Ф. Морохов активно отвечал на критику оппонентов и упрекал их в недостаточном внимании к травмам лица и головы поэта, при которых затруднительно повеситься самостоятельно, особенно под потолком высотой в четыре метра. Также профессора возмущают клеветнические,

по его мнению, обвинения поэта в сумасшествии, поддерживаемые психиатром И.Б. Галантом и злобно критиковавшим С. Есенина А. Крученых. Это обвинение опровергается диагнозом неоднократно обследовавшего поэта другого психиатра — П.Б. Ганнушкина, который установил «астеническое состояние аффективно-неустойчивой личности», что характеризует «конституциональный тип темперамента поэта, а не его болезнь»⁵⁸.

Особый интерес и множество откликов вызвали работы следователя Эдуарда Александровича Хлысталова: «Тайна гостиницы «Англетер» (История одного частного расследования)» (1989), «Как убили Сергея Есенина» (1991), «Тайна убийства Сергея Есенина» (1991). Позиция автора четко обозначена в заглавиях, а тексты этих работ почти идентичны, поэтому охарактеризуем общие для них положения.

Важный момент — это характеристика обстоятельств жизни и творчества поэта последних лет. Э. Хлысталов полагает, что Есенину приходилось творить в жуткое время, когда в литературу и искусство ринулось большое количество проходимцев, когда он подвергался постоянной травле, угрозам, отказам в публикации. ГПУ, недовольное его независимым поведением, либо провоцировало поэта на некрасивые поступки, либо само их организовывало, доказательства этому — материалы намеренно сфабрикованных уголовных дел от 20 января 1924 г., 23 марта 1924 г., 6 сентября 1925 г., а также воспоминания современников, подтверждающих, что за Есениным следили. В Ленинграде же постоянно бдительный поэт (именно это не дало ему окончательно попасться «на крючок»), радостный и возбужденный от появившихся у него литера-

турных планов и возможностей, эту бдительность потерял...

Э. Хлысталов попытался воспроизвести и картину смерти Есенина, обратившись к материалам уголовного дела, заключению судебно-медицинской экспертизы, посмертным фотографиям и маске, воспоминаниям современников, стихотворным откликам на смерть поэта. Автор пришел к выводу, что в ней напрямую замешаны В. Эрлих и В. Назаров, поскольку, судя по их собственным воспоминаниям и воспоминаниям других современников, вели себя странно и нелогично. Кроме того, В. Эрлих утаил от следователя важные обстоятельства: не заявил, что поэт опасался убийства, скрыл автограф стихотворения, написанный кровью, не сообщил, что накануне ночевал у Есенина по его просьбе. Сомневается следователь и в подлинности доверенности на получение денег, которую поэт выдал Эрлиху.

Э. Хлысталов считает, что расследование причин трагедии было проведено из рук вон плохо, со множеством нарушений и недоработок: не опрошены важные свидетели, не составлены некоторые протоколы, не прояснены существенные обстоятельства (например, почему номер поэта находился после его гибели в страшном беспорядке). Вызывает сомнения и акт Гиляревского: следователь предполагает, что он был фальсифицирован, т. е. написан под чьим-то давлением, без тщательного осмотра тела и учета ряда обязательных требований, неполно и с неубедительными выводами. Э. Хлысталов даже утверждает, что было еще одно заключение о смерти Есенина, которое до сих пор не найдено.

В результате своего частного расследования автор выдвигает версию об убийстве поэта с после-

дующей инсценировкой самоубийства, для чего были сфабрикованы ложные документы, фальсифицированы или уничтожены улики, осуществлено давление на экспертов, запугивание окружения поэта, а также запущен слух о пьянстве, дебоширстве и психической болезни Есенина, что якобы и послужило причиной самоубийства.

Как уже упоминалось, работы Хлысталова вызвали особенно активный отклик оппонентов. Судмедэксперт И.В. Демидов отметил: «Э. Хлысталов в статье «Как убили Сергея Есенина» пытается объединить поэтическое впечатление поэта В. Князева, видевшего труп в морге: «...Полоса на шее не видна...» — с виденными им самим странгуляционными бороздами при инсценировке самоубийства. Прием этот не выдерживает критики, так как к сфере документальных доказательств отношения не имеет. В равной степени сомнительны «загадки» Э. Хлысталова, как он сам их называет. Ссылаясь на «Новую вечернюю газету», писавшую: «...Поэт висел в петле с «восковым лицом», Э. Хлысталов утверждает, что у «сотни висельников», виденных им самим, не было бледного лица. То же самое можно сказать о «разрыве шейных позвонков» у С. Есенина, о чем Э. Хлысталову поведали Г. Устинов в своих воспоминаниях и Е. Наумов в своей монографии. Причем ссылка на источник информации у Г. Устинова весьма скромная: «Говорят...» Е. Наумов более категоричен: «Есенин умер не от удушья, а от разрыва шейных позвонков». Отмечая после всего этого, что в «Акте...» Гиляревского нет ни слова о разрыве позвоночника, Э. Хлысталов вообще высказывает сомнение, что акт написан рукой Гиляревского. Оценка подобного, видимо, не относится к компетенции судебного медика»⁵⁹. Вот так осторожно закончил И.В. Демидов.

А.П. Громов и А.В. Маслов в ответ на сомнение Э. Хлысталова в том, что можно написать стихотворение кровью из разрезанной вены, передвигать с такой рукой стол, стул, тумбу пишут: «Ответим, что с поврежденной веной можно в течение длительного времени совершать целенаправленные самостоятельные действия. Кстати, в Акте не отмечены повреждения вен и мышц верхних конечностей. В заключении судебно-медицинский эксперт Гиляревский указывает: «Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным и, как поверхностные, влияния на смерть не имели». Таким образом, судебно-медицинский эксперт допускает возможность причинения повреждений собственной рукой. В заключении отрицается причинная связь между повреждениями конечностей и наступлением смерти»⁶⁰.

Б. Свадковский возмущался: «Эдуард Хлысталов, например, не усмотрев на акте номера, разразился тирадой, что мы имеем дело с фальшивкой. Но ведь есть и по сей день учреждения, где вскрытия делаются не часто – я имею в виду судебно-медицинские акции. Зато Хлысталов увидел номер на регистрационном бланке загса и решил, что это-то и есть место, где собака зарыта. Прокушев говорил мне, что по этому номеру Хлысталов решил найти «настоящий» акт. Такие выводы может делать человек, который не знает порядка оформления медицинских документов, ибо речь идет о валовом номере врачебного свидетельства о смерти, да и только»; «...на лбу Есенина... Хлысталов увидел шишку, сделанную в результате удара. Но в 99 % случаев любой судебный медик вам скажет, что по такой «шишке» нельзя утверждать, произошла она от удара тупым твердым предметом или при ударе о таковой. Я имею в виду пред-

смертные судороги покойного. Мы имеем дело с вдавленной бороздой. Конечно, если бы на месте происшествия осмотр трупа был проведен с участием судебно-медицинского эксперта, это бы подтвердилось... Хлысталов, кстати, уже поднял шум по этому поводу, но статистика свидетельствует: сегодня присутствие экспертов на месте происшествия (по приглашению следователей) происходит только в 20% случаев. Так чего вы хотите от двадцать пятого года!»⁶¹

Однако выпады оппонентов не повлияли на убеждение следователя Э. Хлысталова в том, что Есенин был убит. Материалы своих частных расследований, осуществленных в разные годы, он обобщил в одной большой книге, выпущенной издательством «Яуза – Эксмо» в 2005 году – «Тайна гибели Есенина. Записки следователя из «Англетера». Думается, кроме того, что уже было изложено в отдельных статьях, там есть некоторые аргументы, позволяющие предположить, где была возможна фальсификация или, по мнению автора, допущена недостоверная трактовка.

Автор все так же уверен, что различные мнения появляются тогда, когда отсутствует объективная информация о случившемся. Кроме того, его «профессия научила критически оценивать умудренных ревизоров, сомневаться в заключениях авторитетнейших экспертов, клятвенных показаниях свидетелей и даже потерпевших, не верить на слово никому»⁶². К тому же автор вновь подчеркивает, что после смерти Есенина «его имущество, рукописи, вещи, записные книжки оказались ненужными властям. Не принял решительных мер к сохранению памяти Есенина и Союз писателей. Все его наследство попало в частные и недобросовестные руки, не сумевшие сберечь наше наци-

ональное богатство. Чудом сохранившиеся в архивах документы разбросаны по разным местам, некоторые из них разорваны, не все в них можно прочитать. Много копий, даже копий с копий, никем не заверенных. Большинство документов не исследовано почерковедами, и нет полной уверенности, что они подлинны или написаны именно теми лицами, чьи фамилии на них указаны»⁶³.

Э. Хлысталов, несмотря на сопротивление чиновников, все же смог изучить ряд документов, «в том числе и таких, на папках которых лет пятьдесят назад, а может, и раньше, какое-то неизвестное должностное лицо карандашом написало магическое «Не выдавать». И они не выдавались. Прочитал большое количество документов той эпохи, монографий и диссертаций. <...> В архивах меня предупреждали, что подобное расследование пытались провести и другие лица, но потом отступали. Я решил довести дело до конца»⁶⁴.

Следователь вновь со всей тщательностью описывает бесчисленные провокации против Есенина, в результате которых поэт оказывался то в центре публичного скандала, то в участке, причем люди, якобы случайно оказавшиеся на пути «дебошира», все как один оказывались юридически подкованными, вплоть до знания статей Уголовного кодекса, по которым следовало судить поэта. Некоторые письменные заявления о хулиганстве Есенина не подтверждались другими свидетелями, находившимися в том же месте. Сам поэт полагал, что за ним следили. Были и случаи, похожие на покушение (случай с Я. Блюмкиным в Баку, нападения неизвестных лиц), о некоторых странных совпадениях и предчувствиях он рассказывал друзьям. На судью по одному из дел, заведенных на Есенина,

почему-то не влияли всесильные тогда письма наркома А. Луначарского. Отсюда, видимо, и «госпитализации» поэта в психиатрическую клинику, имевшие целью прежде всего избавиться от судебных преследований.

Все так же вызывает у следователя подозрение ряд важных деталей: как удалось открыть отмычкой врезной замок есенинского номера снаружи, если в него был воткнут ключ изнутри? Был ли там вообще этот ключ? Не было ли использовано самодельное устройство, которым можно открыть и закрыть дверь снаружи и с воткнутым ключом? Почему управляющий гостиницей Назаров не заходит в только что вскрытый номер, предназначенный для состоятельных жильцов, у которых могли быть ценные вещи, и не беспокоится о дальнейшей судьбе испорченной двери? Как уже упоминалось ранее, непрофессионально выполнен осмотр места происшествия. Кроме того, нет достоверных сведений о том, чем занимался в гостинице выезжавший на это происшествие агент уголовного розыска 1-й бригады Ф. Иванов (его бригада тогда занималась расследованием особо тяжких преступлений), а свидетели, подписавшие протокол, Вс. Рождественский, П. Медведев и М. Фроман, ничего толком не видели, поскольку прибыли, когда труп уже был снят. Время смерти установлено неизвестным врачом, а протоколов опросов некоторых важных свидетелей вообще не существует (журналиста Ушакова, портье, человека, сообщившего, что Есенин вечером пил в номере чай). Есть какая-то тайна и в доверенности на получение денег, выписанной Есениным на В. Эрлиха, и т. д.

Многие из этих сомнений были высказаны автором и в предшествующих статьях, и здесь бро-

сается в глаза, что его оппоненты, зацикливаясь на отдельных неверных, по их мнению, трактовках результатов акта вскрытия тела, эти вопросы обходят молчанием.

Не все чисто и с «уголовными» делами Есенина. Вот что пишет Э. Хлысталов, расследовав обстоятельства появления одного из них:

«Современники отмечали, что Есенин никого не боялся, за исключением милиции (еще бы не бояться, одни стихи чего стоят: «Хулиган», «Исповедь хулигана», «Письмо матери» — «...будто кто-то мне в кабацкой пьяной драке саданул под сердце финский нож...»). Действительно, поэта постоянно преследовали лица в форме работников милиции, только арестовывали его не в Таганскую или Матросскую Тишину, где содержались хулиганы, а в чекистскую Лубянку и политическую тюрьму Бутырки.

У властей всегда находилась бумага и типографские возможности, чтобы напечатать «саморазоблачения» Есенина:

Я из Москвы надолго убежал.
С милицией я ладить не в сноровке,
За каждый мой пивной скандал
Они меня держали в тигулевке.

Мне попадается письмо 25-летнего поэта в Петроград, литературному критику и историку литературы Иванову-Разумнику, с которым у него были доверительные отношения и творческие контакты:

«Декабря 4.1920. Дорогой Разумник Васильевич! Простите, ради Бога, за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытку. Так все неожиданно и глупо вышло. Я уже собрался к 25 окт. выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК. Это меня как-то огорошило, оскорбило, и мне долго пришлось выветриваться...»

Мне удалось найти документы по поводу ареста Есенина на квартире его друга Александра Кусикова 18 октября 1920 года. Обоих поэтов сначала заключили в тюрьму на Лубянке, а потом перевели в Бутырки. Арест был незаконный, никакого преступления Есенин не совершил. Как тут быть не оскорбленным и не огорошенным!..

20 ноября 1923 года в Союзе поэтов намечалось проведение торжественного заседания, посвященного 5-летию образования этой общественной организации. В этот день поэты Есенин, Ганин, Клычков и Орешин (трое последних будут расстреляны, но потом реабилитированы) ходили в Госиздат, где вели переговоры об издании своих стихов. Ближе к вечеру поэты зашли в столовую (теперь на этом месте станция метро «Тургеневская») перекусить. Здесь играли баянисты и продавалось пиво. Поэты тихо между собой разговаривали. За соседним столом сидел незнакомец, жадно вслушивающийся в разговор поэтов. А они, возмущенные отказами издательств публиковать их стихи, обсуждали проблему захвата лицами еврейской национальности всех издательств, редакций газет и журналов.

Сидевший недалеко незнакомец слышал только отдельные слова, но тем не менее вышел на улицу и привел двух милиционеров, которые решили арестовать только Есенина. Тогда друзья поэта Клычков, Орешин и Ганин последовали добровольно в отдел милиции.

Поэтов арестовали всех, дело на них передали в следственный отдел ГПУ товарищу Славатинскому... Однако вскоре всех поэтов выпустили. Они немедленно обратились через газету «Правда» с коллективным заявлением и возмущением про-

тив провокации, которую в отношении их провели недобросовестные люди.

Тем временем газеты начали против этих поэтов, и особенно против Есенина, настоящую травлю. Лев Сосновский и Борис Волин, занимавшие в партии большевиков видное положение и прибравшие к своим рукам ряд московских газет и журналов, ежедневно публиковали в них оскорбительные материалы. Вместо столовой в статьях появилась «пивная», якобы поэты «лезли друг на друга», как отъявленные хулиганы. Под шумок газеты прошлись и по великим русским писателям. ... Если Успенский Н.В. валялся под заборами и скандалил по московским притонам... Если Некрасов был далеко не безупречен в своей личной жизни... А вот с легкой руки Куприна у нас пошло «это самое». От имени рабочих газеты требовали самого сурового наказания «антисемитам».

Необходимо отметить, что любая критика против евреев, и особенно вождей-евреев, квалифицировалась как «антисемитизм», и виноватых ждало самое суровое наказание. Кому-то из большевистских вождей пришла идея осудить поэтов (за что?) товарищеским судом писателей.

Трудно сказать, чем бы закончилось дело «четырех поэтов», если бы на защиту Есенина и его друзей не встали литераторы-евреи. 2 декабря 1923 года в Союзе писателей (сейчас Литературный институт) слушалось дело «четырех». Только к утру было вынесено решение: поведение поэтов осудить и на этом поставить точку. Обвинителю поэтов Л. Сосновскому за разжигание межнациональной розни объявить порицание. Товарищеский суд начисто отверг обвинение поэтов в антисемитизме. Но травля продолжалась...

Только что вернувшийся из длительного путешествия по Европе и США Есенин, которого встречали в любой аудитории бурными аплодисментами, а его стихи переписывали миллионы молодых людей, не выдержал травли и лег 17 декабря в профилакторий имени Шумской (Полянка, 52). Родина, без которой поэт себя не мыслил, оказалась страшной мачехой. Власти пытались ему закрыть рот, но его обличения кремлевских вождей неслись по всему миру:

Пустая забава, одни разговоры,
Ну что же, ну что же вы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры
И законом революции всех взяли в плен.

Ни одна страна мира не издевалась с такой иезуитской кровожадностью над своими гениями, как Россия, ни одна страна не уничтожала такого огромного числа своих лучших людей. Сколько страданий пришлось перенести Сергею Есенину, сколько унижений! Сколько нужно было потратить сил и здоровья, чтобы отсидеть в самых страшных тюрьмах мира — на Лубянке и в Бутырках, когда за стенами по ночам чекисты расстреливали ни в чем не повинных людей!

Оказывается, что это не все. Недавно было опубликовано ранее скрываемое от исследователей письмо Сергея Есенина своему отцу.

«Дорогой отец, привет тебе и пожелания. Прости, пожалуйста, за то, что долго не отвечал. Так вышло... За эти дни я успел по недоразумению посидеть в тюрьме, и дела мои были расстроены...»

На самом письме даты нет. Есть конверт с почтовыми штемпелями: отправка письма «24.9.20. Москва» и получение «27.9.20, Кузьминское».

Значит, Есенин «по недоразумению» посидел в тюрьме до 24 сентября 1920 года. Поэт возвращался в Москву после поездки на Кавказ. Не ранее 19 сентября он появился в столице и сразу мог быть арестован. Но за что его посадили в тюрьму и в какую?

Это уже 14-е уголовное дело против великого поэта Сергея Есенина.

Разобраться в такой ситуации просто. Взять книги регистрации арестованных на Лубянке и в Бутырках и отыскать фамилию поэта. Но нет, черберы из «органов» не подпускали к архивам ни в советское, ни в перестроечное время. Кажется, сегодняшние руководители России пылают страшной ненавистью к коммунистам. Им и карты в руки. Покажите всему миру, какие были коварные кремлевские вожди, как измывались над Есениным, над Блоком, над священнослужителем П. Флоренским, над миллионами рабочих и крестьян....

Не выдают архивные документы только потому, что все тогда узнают имена подлинных палачей. Эти палачи являются родственниками сегодняшних перестроечников. А, как известно, яблоко от яблони далеко не падает!

Читаешь сегодня стихи Есенина, и кажется, они написаны вчера.

Ваше равенство – обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов – хорошая приманка,
Подлецам – порядочный улов.

Глупцов и дураков в России всегда хватало. «...Глупцы вокруг «ура» орали, чекисты с русских скальпы драли...» (П. Карпов). А что касается «улова», то вожди большевиков вывезли из России за

границу царский золотой запас, собиравшийся царями тысячу лет, картинные галереи, уникальные библиотеки, фамильные драгоценности. Устроив искусственный голод, ограбили миллионы россиян, обменивая фунт муки на бриллианты.

Сергей Есенин погиб в неравной схватке за свою Родину, за свой народ. Да святится имя его!»⁶⁵

Версию убийства поддерживает и известный литературовед, журналист, писатель С.С. Куняев. Он анализирует акт Н. Горбова и А. Гиляревского, материалы следствия и дознания, протоколы допросов знакомых Есенина, воспоминания современников, и у него, помимо собственно версии убийства, как и у следователя Э. Хлысталова, возникают важные вопросы, на которые до сих пор ответа нет. Почему Есенина разрешили похоронить, когда еще проводилось дознание? Почему дело долго, вплоть до похорон погибшего, не поступало в руки следователя? Почему оно было закрыто и не возникло никаких вопросов о дополнительных проверках изложенных фактов, хотя это напрашивалось? Почему место преступления не осматривал профессионал? Почему не был проведен следственный эксперимент повешения? Как случилось, что панически боявшийся в последние дни одиночества поэт вдруг сам запер дверь на ключ и остался в номере один?

С.С. Куняев нарисовал и предполагаемую картину убийства, каковой она ему представилась на основании изученных материалов: убийцы вошли в номер поэта, когда он остался один, Есенин отчаянно сопротивлялся, о чем свидетельствует беспорядок в комнате, но получил удар в переносицу (вытекло 20 граммов мозгового вещества). Затем он был задушен, скорее всего, пиджаком, который

так и не нашли. Потом было инсценировано самоубийство. Уже упоминавшийся беспорядок в вещах свидетельствует и о том, что в них что-то искали, скорее всего, рукописи, и, видимо, часть их унесли с собой.

Судмедэксперты, привлеченные комиссией по расследованию обстоятельств гибели Есенина, однозначно осудили эту версию. Профессор Б. Свадковский называет ее «безобразной». «...На акте вскрытия есть дефицит треугольной формы, то есть попросту отсутствует часть документа. В виде нескольких кусочков она собрана в отдельном конверте. И цифра, обозначающая вес мозга, — 1920 граммов из-за этого дефекта «разбилась» пополам так, что последние два цифровых знака остались на основном листе, из чего Куняев и сделал свои «выводы». Кстати, поскольку с отцом автора мы знакомы, я счел для себя неэтичным, не ознакомив Станислава Юрьевича с моим мнением, делиться им с другими. Сын присутствовал при разговоре, но после беседы с отцом приехал ко мне. <...> Он молчал и ежился. Сообщил только, что у него в портфеле лежит рукопись новой книги о Есенине. Я вызвался прочесть ее, дабы устранить подобные ошибки. Но он ко мне больше не обращался»⁶⁶. И.В. Демидов упрекает исследователя в непрофессиональных с точки зрения судебной медицины установках и суждениях. А.В. Маслов пишет: «Один из сторонников версии убийства поэта, С. Куняев («Человек и закон», № 8, 1989), поднимает вопрос о необходимости проведения следственного эксперимента. Что же его смущает? «...Рост Сергея Есенина примерно 168 см, значит, подняв руку, он не мог превысить двух метров. Предположим, поэт встал на тумбу, максимальная высота которой 1,5 метра.

Для того чтобы затянуть петлю на трубе парового отопления «под самым потолком», Есенину нужно было совершить с места прыжок на 1,5 метра в высоту и мгновенно обернуть ремень от чемодана вокруг трубы так, чтобы не сорваться. Возможно ли это? Думаю, нет», – рассуждает автор версии. Однако судебные медики хорошо знают, что между общей длиной тела и длиной отдельных костей имеются довольно точные соотношения. Так, длина руки при росте 168 см составляет 60–70, а не 32 см, как предполагает С. Куняев. Таким образом, петля могла быть привязана на высоте около 4 м, т. е. почти «под самым потолком». Кстати, труба парового отопления в номере гостиницы вообще проходила вертикально, а не горизонтально»⁶⁷.

Однако все эти «развенчания» касаются лишь судебно-медицинских подробностей, а ведь было еще много всего, что не нашло никакого объяснения в официальных версиях и о чем молчат оппоненты (каждый из них разбирает свой маленький профессиональный «кусочек», не анализируя целостной картины происшествия).

Помимо статей С.С. Куняева, многие материалы, полученные им в ходе журналистского расследования, нашли отражение в его книге из серии «ЖЗЛ» «Сергей Есенин», написанной в соавторстве с отцом – С.Ю. Куняевым. Здесь тоже много любопытных и наводящих на размышление деталей:

«...в ожидании нападения из-за угла Есенин всегда в последний год носил с собой револьвер, который привез с Кавказа. Судя по тому, как Есенин уезжал в Ленинград, естественно предположить, что оружие он взял с собой: ясно ведь, что ощущение опасности не отступило, а еще более

усилилось. И — обречь себя на мучительную смерть в петле, когда проще простого поднести дуло к виску?

Револьвер не был найден работниками милиции, но это ничего не значит. К моменту их приезда из номера уже кое-что пропало.

«Когда нужно было отправить тело в Обуховку, не оказалось пиджака (где он, так и неизвестно). Устинова вытащила откуда-то кимоно, и, наконец, Борису Лавреневу пришлось написать расписку от правления Союза писателей на взятую для тела простыню (последнее мне рассказывал вчера вечером сам Борис)...» Это дневниковая запись Иннокентия Оксенова, помеченная 29 декабря 1925 года.

Очевидно, что пиджак тщетно пытались разыскать, зная о его существовании, — иначе его отсутствия никто бы не заметил. В этой связи обращает на себя внимание и воспоминание Вольфа Эрлиха о последних минутах, когда он видел Есенина живым.

«Часам к восьми... я поднялся уходить. Простились. С Невского я вернулся вторично: забыл портфель...

Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накинув шубу, и просматривал старые стихи. На столе была развернута папка. Простились вторично». Эрлих едва ли обратил бы внимание на то, что Есенин сидел без пиджака, если бы этой детали костюма в номере не было вообще. Этот злосчастный «пиджак, висящий на спинке стула», появился в мемуарах Всеволода Рождественского через 20 лет после того, как мемуарист утром 28-го числа появился на пороге гостиницы, взбудораженный вестью о происшедшей трагедии.

Летом 1925 года Есенин анонсировал в журнале «Книга о книгах» повесть о беспризорниках под названием «Когда я был мальчишкой...». Об этой повести он говорил, в частности, Елизавете Устиновой в «Англетере», причем, по ее словам, «обещал показать через несколько дней, когда закончит первую часть...».

Никаких следов этой повести обнаружено не было, так же, как и поэмы «Пармен Крямин»... Можно ли все это принять за есенинскую мистификацию? Тогда как быть с исчезнувшим текстом поэмы «Юлай-поле»? И что уж точно не было мистификацией – стихи «зимнего цикла», написанные в больнице у Ганнушкина. Кое-какие строчки запомнили Наседкин и Толстая, причем Толстая утверждала, что стихи эти Есенин забрал с собой в Ленинград.

Стоит, наверное, внимательно прочесть следующий «Акт осмотра переписки», найденной в черном кожаном чемодане, оставшемся после смерти Есенина. Присутствовали при его составлении Зинаида Николаевна Мейерхольд-Райх, секретарь суда М.Е. Константинов, член коллегии защитников А.Н. Мещеряков. Акт был составлен 22 апреля 1926 года.

«Среди переписки, находящейся в чемодане, следующие бумаги, написанные рукой Есенина:

1. Обрывки доверенностей на имя гр-на Эрлиха.

2. 3 обрывка стихов.

3. Рукопись стихов без подписи с 3 по 32 стр. включительно, начиная со стихотворения «Девичник» и кончая оглавлением.

4. Поэма, напечатанная на машинке под заглавием «Анна Снегина», с поправками, написанными рукой Есенина.

5. Договор с издательством Гржебина от 18 мая 1922 года.

6. 4 фотографические карточки».

Что и говорить, солидное количество бумаг было взято с собой писателем и будущим издателем журнала при переезде в другой город на постоянное место жительства! Это при том, что в номере было обнаружено еще несколько чемоданов с обувью и одеждой, принадлежавшими Есенину.

Теперь посмотрим, что пишет Всеволод Рождественский: «Чемодан Есенина, единственная его личная вещь (ошибка Рождественского. — *Ст. и С. К.*), был раскрыт на одном из соседних стульев. Из него клубком глянцевитых, переливающихся змей вылезали модные заграничные галстуки. Я никогда не видел их в таком количестве. В белесоватом свете зимнего дня их ядовитая многоцветность резала глаза неуместной яркостью и пестротой».

Итак, чемодан раскрыт. И, как можно понять по свехосторожному описанию Рождественского, вещи были вывалены на пол. Впрочем, еще более яркую картину обстановки 5-го номера после происшедшей трагедии рисовали авторы газетных заметок: «В комнате стоял полнейший разгром. Вещи были вынуты из чемодана, на полу были разбросаны окурки и клочки разорванных рукописей...»

Еще более конкретизировал увиденное в 5-м номере «Англетера» утром 28 декабря санитар Казимир Маркович Дубровский. Рассказывал он, правда, уже через много лет, пережив несправедливый арест, заключение в лагере и как бы все еще опасаясь проронить лишнее: «Там на полу лежала скатерть, битая посуда. Все было перевернуто. Словом, шла страшная борьба...» В другой раз с его же слов стало известно, что «в номере

С. Есенина были следы борьбы и явного обыска. На теле были следы не только насилия, но и ссадины, следы побоев. Кругом все разбросано, раскидано, битые разбросанные бутылки, окурки...»

Дубровский так и не сообщил, почему его подписи нет ни на одном из документов, составляющих «дело о самоубийстве С. Есенина», что за врач осматривал тело погибшего поэта на месте происшествия, на каком основании был сделан вывод, о котором сообщали газеты: «Смерть наступила за 6–7 часов до обнаружения трупа» (по другим сведениям, за 5–6 часов) – и почему время наступления смерти не зафиксировано в акте судебно-медицинской экспертизы. Известно только, что престарелый, много переживший санитар произнес незадолго до смерти: «Я ни за что сидел, а за что-то тем более не хочу...»⁶⁸

С.С. Куняев еще раз указывает своим оппонентам на существенные нестыковки в деле о «самоубийстве» Есенина: «...вырисовывается довольно странная картина. Синяк под левым глазом, странная петля (не удавная!), предназначенная, похоже, лишь для того, чтобы удержать тело в висячем положении, рука, обхватившая трубу парового отопления, – все это должно было породить определенные сомнения, по крайней мере, натолкнуть участкового надзирателя на мысль о необходимости тщательного расследования происшедшего. Но участковый надзиратель недрогнувшей рукой выводит «Акт о самоубийстве». Не говоря уже о том, что осмотр места происшествия проведен крайне небрежно, точнее, он просто отсутствовал как таковой.

Современные юристы утверждают, что «дознание по факту смерти поэта С. Есенина проводилось в соответствии с действовавшим

уголовно-процессуальным законодательством» и что «допущенные неполнота и низкое качество документов дознания» не противоречат законности «прекращения производству дознания по факту самоубийства С.А. Есенина». Допустим, что с точки зрения юридической дотошности эти утверждения справедливы, тем более что анализировались *только* документы «дела» без привлечения анализа сопутствующих фактов, и каждый из специалистов – будь это почерковеды, врачи-патологоанатомы или работники Генеральной прокуратуры – работал над документом, имеющим прямое отношение только к его профессиональной области. Подобная методика анализа, бесспорно, имеет свои плюсы. Но нельзя не отметить, что минусов у нее никак не меньше.

Имел ли милиционер Горбов вообще какое-либо понятие о той работе, которую по чьему-то приказу исполнял в 5-м номере «Англетера»? Можно лишь отметить то, что не было сделано при составлении первоначального «акта», таковое-то и относится как раз к азбуке следственной работы.

В № 9 журнала ленинградской губмилиции «На посту» за 1925 год указано, что в конце 1922 года отделом управления Ленинградского Совета была утверждена программа предметов и занятий для агентов уголовного розыска, в которую, в частности, входил научный розыск, включавший дактилоскопию, все виды экспертизы, осмотр места происшествия, закрепление следов... Ни дактилоскопии, ни закрепления следов в данном случае мы не имеем. Может быть, бывшего агента уголовного розыска сему не учили? Позволительно в этом усомниться. Но если даже так, то почему на место происшествия не был вызван профессионал в данной области? Может быть, потому, что

он там оказался бы совершенно некстати? И чем же занимался в номере вызванный туда еще один агент УГРО Ф. Иванов?

Еще более «интересно» начинает выглядеть эта ситуация с отсутствием следствия как такового и с «дознанием», ведшимся «безграмотными» милицейскими работниками, если мы обратимся к № 11 все того же журнала «На посту» за 1925 год. В нем опубликован очерк «Паутина», где описывается случай самоповешения, расследуя который следователи с первых же шагов (!) заподозрили замаскированное убийство. И автор очерка подробнейшим образом описывает кропотливую работу следователей, распутывающих этот «узелок», причем в принципе не дает возможности усомниться в их весьма высокой квалификации (даром, что версия убийства в конце концов оказалась ошибочной).

На что в первую очередь обращает внимание профессионал при расследовании дела о самоубийстве через повешение? На орудие самоубийства – веревку, шнур, в нашем случае – ремень от чемодана. Узел, которым затянута петля, его характерные признаки – вот что в первую очередь попадает в поле зрения следователя. Естественно, проводится и дактилоскопия. Здесь же оказалось вполне достаточно замечания учнадзирателя, что «шея затянута была не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи...». Вполне возможно, что профессионал мог бы по этой косноязычной фразе реконструировать положение петли или отсутствие ее как таковой (что мы и предполагаем). Проверить сие, однако, уже не представляется возможным. Последнее упоминание об этом злосчастном ремне от чемодана мы находим в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама.

«В Доме Герцена один филолог с головенкой китайца, некий ходя, хао-хао, шанго-шанго, из тех, что ходят по кровавой советской земле, некто Митька Благой, лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки, сторожит в литературном музее веревку удавленника Сережи Есенина...»

После закрытия «дела» все материалы поступили в «Музей Есенина», для которого собирали материалы Дмитрий Благой и Александр Воронский. А после погромной статьи Николая Бухарина «Злые заметки» этот музей был закрыт. Большая часть его материалов, включая и материалы «дела», в конце концов оказалась в архиве Института мировой литературы. Ремень, обвивший шею поэта в страшную ночь в «Англетере», исчез бесследно. Куда? Где он находится ныне, если, конечно, сохранился? На эти вопросы ответа, увы, нет.

Более чем странное впечатление оставляет история с фотоснимками номера гостиницы и безжизненного тела поэта, отснятыми утром 28 декабря. Делал их не фотограф-криминалист, а специалист по художественной (!) фотографии Моисей Наппельбаум. Неизвестно, кем и с какой стати он был вызван в «Англетер», когда тело погибшего еще не вынули из петли. Непонятно также, откуда возникла версия, что сын Наппельбаума снимал тело с трубы парового отопления. На самом деле выполнил это упомянутый Дубровский, и уже после портретист сделал свои известные снимки.

Кто его на это уполномочил? В неприкосновенном ли виде был снят номер или, как можно предположить, после «уборки»? И как в связи со всем вышесказанным относиться к свидетельству одной из дочерей Наппельбаума Ольги Грудцо-

вой, которая написала в своих мемуарах, что ее отец отказался (!) делать снимки в «Англетере»? И, наконец, был ли сам Наппельбаум работником «органов»? Получим ли мы когда-нибудь удовлетворительные ответы на все эти вопросы?

Помимо всего прочего, трудно представить соответствие «с действовавшим уголовно-процессуальным законодательством» очевидной фальсификации в протоколе Горбова. В качестве понятых расписались Всеволод Рождественский, Павел Медведев и Михаил Фроман, которые перешагнули порог 5-го номера уже после того, как тело поэта было вынута из петли, и которые, соответственно, никак не могли видеть «висевшего на трубе центрального отопления мужчину».

А теперь снова обратимся к дневнику Иннокентия Оксенова:

«Номер был раскрыт. Направо от входа на низкой кушетке лежал Сергей в рубашке, подтяжках, серых брюках, черных носках и лакированных лодочках. Священнодействовал фотограф Наппельбаум – спокойный мужчина с окладистой бородой. Помощник держал слева от аппаратов черное покрывало для лучшего освещения. Правая рука Есенина была согнута в локте на уровне живота, вдоль лба виднелась багровая полоса (ожог от накаленной трубы парового отопления, о которую он ударился головой?), рот полуоткрыт, волосы страшным нимбом вокруг головы, развившиеся.

Хлопотала о чем-то Устинова. Пришли Никитин, Лавренев, Семенов, Борисоглебский, Слонимский (он плакал), Рождественский. Тут же с видом своего человека сидел Эрлих...

Понесли мы Есенина вниз – несли Рождественский, Браун, Эрлих, Лавренев, Борисоглебский и

я, по узкой черной лестнице во двор, оттуда на улицу, положили Сергея в одной простыне на дровни (поехал он в том, что на нем было надето, только лодочки, по совету милиционера, сняли – «наследникам пригодятся». Хороший милиционер, юный, старательный). Подошла какая-то дама в хорьковой шубе, настойчиво потребовала: «Покажите мне его». И милиционер бережно раскрыл перед нею мертвое лицо. Лежал Есенин на дровнях головою вниз, ничего под тело не было подложено. Милиционер весело вспрыгнул на дровни, и извозчик так же весело тронул. Мы разошлись, и каждый унес в себе злобу против кого-то, погубившего Сергея».

Страшная картина, которую Оксенов воссоздает в своем дневнике, все же не повлияла на способность писателя делать определенные выводы. Что-то подозрительное почудилось ему во всем, что он видел. «...Каждый унес в себе злобу против кого-то, погубившего Сергея». Что Оксенов имел в виду? В переносном ли смысле употребил он сию фразу? Это остается загадкой. Но что-то среди увиденного определенно натолкнуло его, и, очевидно, не только его, на мысль: здесь не чисто. Ясно чувствуется подозрение, что здесь не обошлось без чужих рук.

Это первая мысль, которая приходит в голову при чтении оксеновского дневника. Попутный сбор информации позволяет выявить еще некоторые интересные детали.

Из писателей, присутствовавших тогда в «Англетере», по крайней мере, двое (это известно с абсолютной достоверностью) были секретными агентами ОГПУ, а позже НКВД – Павел Медведев и Михаил Борисоглебский. Обращает на себя внимание и тот факт, что никто из действительно

близких Есенину ленинградских писателей (Клюев, Садофьев, Правдухин) не переступил порога гостиницы в то роковое утро. Как об исключении можно сказать о Всеволоде Рождественском, если бы не его пространные мемуары, где реальные факты тонут в пышной беллетристике, и не его репутация махрового лгуна-вспоминателя. Создается впечатление «отобранности» писательской делегации, члены которой должны были удостоверить своими подписями в протоколе то, чего они не видели и не могли видеть собственными глазами.

Эрлих, «сидевший с видом своего человека», в отличие от хлопочущей Устиновой, особенно резко выделялся на фоне убитых горем пришедших. Он уже дал самые пространные показания, все засвидетельствовал, обо всем рассказал и присутствовал чуть ли не в качестве «официального лица». Никакого намека на переживание происшедшего Оксенов на его лице, судя по всему, не заметил»⁶⁹.

Не оставляет С.С. Куняев без внимания и комментарии экспертов по поводу Акта А. Гиляревского и делает важное и красноречивое наблюдение: «Обнаруженные копии других актов вскрытия, составленных Гиляревским, весьма существенно отличаются от акта вскрытия тела поэта даже по форме их составления, не говоря уже о содержании. В них гораздо более подробно описаны характерные медицинские признаки (не в пример интересующему нас «акту»), они снабжены необходимой числовой нумерацией (которая в нашем случае также отсутствует). Возникает логичный вопрос: сам ли Гиляревский составлял названный «акт»? И если сам, то почему открываются такие существенные разночтения в документах, составленных им примерно в одно и то же время?»⁷⁰

С.С. Куняев еще раз настойчиво обращает внимание на одну важную деталь, которая упоминается практически во всех материалах о гибели поэта:

«В январе 1926 года из-под пера Эрлиха вышел первый вариант его воспоминаний о Есенине – описание четырех дней, проведенных поэтом в Ленинграде. В них он и сообщил об этой детали, которую, очевидно, ранее передал в руки журналистов.

Обратим внимание на сообщение в «Известиях»: «Вечером 27 декабря он попросил администрацию гостиницы «Англетер», где он остановился, не допускать к нему в номер никого, так как он устал и желает отдохнуть». Эта информация могла исходить только от Эрлиха. Ни Г. Устинов, ни Е. Устинова ни о чем подобном не вспоминали. В воспоминаниях же Эрлиха этот эпизод еще более конкретизируется: «На другой день портье, давая показания, сообщил, что около десяти Есенин спускался к нему с просьбой: никого в номер не пускать».

Видимо, хотел отдохнуть или, как сочли позднее, – покончить счеты с жизнью. Однако от лица администрации гостиницы показания давал управляющий Вячеслав Михайлович Назаров, вскрывший отмычкой номер Есенина. И вот еще одна странность: в его показаниях нет ни слова о *просьбе Есенина никого к нему не пускать!* В показаниях Назарова выделяется точно очерченный хронологический отрезок – с 10 часов 30 минут утра, когда к нему подошла Устинова, и до момента, когда он сам позвонил во 2-е отделение ЛГМ с сообщением о самоубийстве жильца из пятого номера. То есть речь идет о том, что произошло утром 28 декабря, и ни одним словом Назаров не

упоминает о каких-либо событиях предыдущего дня или вечера.

Что же заставило Эрлиха сознательно лгать газетчикам, а потом и в своих воспоминаниях? А может быть, он не лгал? Может быть, Назаров скрыл в своих показаниях этот факт, а потом приватно сообщил о нем Эрлиху? Но как он мог это сделать, если свидетелей допрашивали тут же одного за другим? Или все же каждого по отдельности? Показания Назарова на редкость скупы, в конце он настаивает на том, что «больше ничего показать не может». Так спускался ли к нему Есенин 27 декабря около 10 часов вечера? И если да, то почему управляющий это скрыл? Но, может быть, не Есенин, а кто-то другой спускался вниз и сообщил Назарову, что поэт просил никого к нему не пускать? Кто был этот человек? С какой целью последовало это предупреждение? И если Назаров в разговоре с Эрлихом уже после дачи показаний сообщил ему о своей последней встрече с Есениным, то зачем он это сделал? С чьей подсказки, если она была?

Ну а если все же был некий «портъе», у которого с Есениным действительно состоялся вышеуказанный разговор, то почему милиционеры, производившие «дознание», не сняли с него показаний? Впрочем, по зрелом размышлении, этот вопрос может только поразить своей наивностью. Не были допрошены ни Клюев, ни Приблудный, ни художники Павел Мансуров и Ушаков, приходившие в номер к Есенину. Создается впечатление, что показания давали только те, кто должен был их дать по изначальному сценарию. 28 января 1926 года Эрлих пишет письмо Валентину Вольпину, текст которого почти слово в слово повторяет протокол допроса первого. Он специаль-

но отмечает в этом же письме: «Мои обязанности кончаются как раз там, где кончаются голые показания и начинается литература». А месяцем ранее, 29 декабря 1925 года, в утреннем выпуске «Красной газеты» появляется некролог Георгия Устинова – «теоретическое» обоснование неизбежности есенинского самоубийства.

Странное впечатление производят исключительно все воспоминания о четырех есенинских днях в «Англетере». Как будто писавшие их следуют стилю и направлению подписанного ими протокола. В мемуарах людей, не сталкивавшихся с поэтом в эти последние четыре дня, реальность и фантазия неразрывно перемешаны, детали происшедшего тонут в общем наплыве воспоминаний, а беллетристика воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Георгий же Устинов, его жена и Эрлих стремятся дотошно выписать каждую деталь, словно пытаются убедить окружающих в абсолютной достоверности ими изложенного. Достаточно взять в руки книгу Эрлиха «Право на песнь», чтобы убедиться в этом. Начало и середина книги – сплошной полет фантазии. Обрывочные зарисовки, запомнившиеся есенинские реплики, описания мимолетных встреч – все излагается прерывисто, в максимальном темпе, пунктиром – никакой заботы о достоверности изображаемого. В конце книги – картина диаметрально противоположная. Вольф словно переписывает в очередной раз протокол своего допроса, стремясь ничего не упустить и все выдержать в тоне, заданном еще во время беседы с милицией в гостинице. Эта дотошность и извлечение из памяти каждой подробности производят вообще странное впечатление, а особенно когда речь идет о Есенине.

О том, до какой степени запутался Эрлих, можно судить по воспоминаниям знакомой Есенина актрисы Эльги Каминской. «Много лет спустя, – записала она, – Вольф Эрлих проездом в Армению был в Москве. Он зашел ко мне, рассказал о том, как они вдвоем с Есениным договаривались покончить с собой. Он должен был прийти к нему в гостиницу «Англетер», но не пришел. Когда же я спросила, как это случилось, что он не пришел, ведь если он раздумал, то мог бы повлиять и на него, Эрлих ничего не ответил, но был очень смущен».

Разговор этот состоялся уже после выхода в свет «Права на песнь». Ни в показаниях Эрлиха, ни в его мемуарах, ни в его письме к Вольпину нет ничего подобного. Откуда возникла эта, с позволения сказать, «информация»? Для чего Эрлих ее распространял спустя несколько лет после трагедии? Что означает его фраза в тексте книги о вине перед Есениным, «о которой он знал, а я знаю» (*так у Эрлиха?*). Что прикрывал Эрлих этим странным разговором? И так ли уж случайно то, что состоялся он примерно в то же время, когда покончил с собой еще один главный свидетель «четырех есенинских дней» в гостинице – Георгий Устинов?»⁷¹

И это касается практически всех свидетелей последних дней поэта – жизнь их оборвалась трагически:

«Георгий Устинов повесился при невыясненных обстоятельствах в 1932 году, оставив записку, написанную кровью, содержание которой неизвестно по сей день. Судьба его жены Елизаветы неизвестна.

Вольф Эрлих был расстрелян в 1937 году. Учен надзиратель Н. Горбов был арестован в начале 30-х

годов и бесследно исчез. Управляющий гостиницей чекист Назаров был арестован в 1929 году и отправлен на Соловки, откуда вернулся через несколько лет морально и физически сломленным, умер в 1942 году. Гиляревский умер в 1931 году в возрасте 76 лет. Жена его была арестована и погибла в одном из лагерей.

Галина Бениславская застрелилась 3 декабря 1926 года на могиле Есенина, оставив предсмертную записку, фактически содержащую обвинение в адрес Льва Сосновского, не успокоившегося и после смерти поэта, продолжавшего публиковать паскудные опусы типа «Развенчайте хулиганство!» Но когда подруга Галины, Яна Козловская, в день самоубийства Бениславской пришла к ней в квартиру, она обнаружила открытый шкаф, вываленные на пол платья и сущий разгром в комнате. Все говорило о том, что здесь недавно проводили обыск.

Особо в этой связи стоит сказать о Зинаиде Николаевне Райх, которая не верила никогда в самоубийство первого мужа. Слышали, в частности, от нее и реплики, свидетельствующие о том, что рано или поздно она все же намерена разобраться в происшедшей трагедии.

Летом 1939 года Зинаида Райх была зверски убита в своей квартире. В то, что это чистая уголовщина, не верилось многим современникам. Предполагали (а ныне предположение все более перерастает в уверенность), что она была убита агентами НКВД, хотя доказательств тому до сих пор нет»⁷².

Выяснились интересные факты и о самой гостинице «Англетер», которые трудно объяснить обычными совпадениями или «недосмотрами»:

«Гостиница находилась под пристальной охраной работников ГПУ, живших в ее номерах. Более

того, в октябре 1925 года в Ленинградский военный округ поступило донесение из ГПУ о предоставлении в ней номера «на льготных условиях» некоему неизвестному. Подготовка к решающему сражению шла по всем правилам.

Появление в декабрьские дни Есенина в гостинице, где ему тем более нечего делать, естественно, вызывает вопросы. В частности, следующий: мог ли поэт не зарегистрироваться, проживая в режимной гостинице? Так вот, в сохранившихся списках жильцов «Англетера» за декабрь 1925 года имени Есенина не значится. Более того, в этом же списке не значится имя Георгия Устинова!

Что все это означает? Одно из двух: либо перед нами чудовищная дезинформация о проживании поэта в «Англетере», созданная коллективными усилиями, либо (что вероятнее всего!) имело место поселение поэта без регистрации по согласованию с администрацией, состоящей из работников ГПУ. И тогда мы вправе говорить о сознательном заманивании поэта в капкан под названием «Англетер».

Обратимся еще раз к дневнику Иннокентия Оксенова. В нем имеется запись, датированная тем же 29 декабря, гласящая, что 27-го числа около 10 часов вечера к Есенину заходил Берман, который якобы видел поэта пьяным. Замечание чрезвычайно интересное: никаких показаний Бермана в «деле» нет. В номер к Есенину он мог зайти только на правах старого знакомого, а это значит, что речь идет о поэте Лазаре Бермане – бывшем секретаре «Голоса жизни», с которым Сергей был знаком еще по Петрограду 1915 года.

Кто же такой Лазарь Берман и каким образом он мог в те дни очутиться в «Англетере»? После 1917 года он становится секретным сотрудником

ВЧК – ОГПУ. В огромной мере на его совести лежит гибель Гумилева – Берман давал показания как «связник» между ним и «организацией» генерала Таганцева. Есть сведения, что в этих же показаниях он назвал имена Есенина и Маяковского как участников заговора. Если же мы вспомним, что «гумилевское» дело вел будущий близкий друг Маяковского Яша Агранов, то картина становится еще интереснее.

Разговоры о «пьяном Есенине» придется отбросить с порога. В те рождественские дни ни в его номере, ни в номере его друзей не было ни одной бутылки вина – все старания что-нибудь раздобыть остались тщетными. Получается, что этот слух, идеально совпадающий с «общеписательским» представлением о Есенине, распространял тот же Берман. В котором часу он появился в есенинском номере? Сколько времени он там пробыл? Почему дверь оказалась заперта – Есенин не мог в эти дни перебороть состояние тревоги и не оставался у себя в комнате один, а тем более не запирался... Почему так странно повел себя управляющий Назаров на следующее утро – открыл дверь отмычкой и тут же ушел, как бы заранее зная о происшедшем? Подобные вопросы сейчас можно задавать до бесконечности.

Если Есенин сам накиннул петлю на шею, то, похоже, он мог это сделать только после ухода Бермана? Или в его присутствии? Что должен был сообщить поэту этот человек, если после его посещения не оставалось другого выхода? Или все же он навестил Есенина не один и именно после этого визита на полу появились сгустки крови, на переносице поэта – шрам, под левым глазом – синяк, на правом предплечье – порезы, а вещи были выброшены из чемоданов на пол?

Что же касается запертой двери со вставленным изнутри в замочную скважину ключом, то среди гостиничных воров в те годы был известен инструмент типа сточенных на конце пассатижей, так называемый «экстрактор», с помощью которого захватывалась головка торчащего в скважине ключа и дверь элементарно отпиралась и затем опять же запиралась на ключ после проделанной операции.

А по рассказу бывшего чекиста Иосифа Ханеса, 28 декабря группа сотрудников ГПУ выехала утром в «Англетер». Что они там делали – осталось загадкой. По крайней мере, никакие бумаги на этот счет до сих пор не найдены.

Показательна в этом отношении история с самим «Англетером». В марте 1987 года он был взорван среди бела дня на глазах у тысяч потрясенных ленинградцев, многие из которых делали все возможное, чтобы отстоять гостиницу. Взрыв этот стал своего рода символом «перестройки» – символом отношения новых властей к русской культуре вообще и к Сергею Есенину в частности. Впрочем, война, объявленная русскому поэту много десятилетий тому назад, не прекращалась, по сути, ни на один день. Нельзя не вспомнить, как горели московские квартиры, в которых жил поэт, едва только заходила речь о возможности создания в столице его музея.

Может быть, и настанет день, когда будут даны исчерпывающие и точные ответы на поставленные вопросы»⁷³.

А вот мнение еще одного судебно-медицинского эксперта и психиатра Е. Черно-свитова: говоря о смерти Есенина, он полагает, что для самоубийства должны были быть очень веские причины, связанные либо с внешними об-

стоятельствами, либо с душевной болезнью. Вторую причину исследователь категорически отвергает – остается первая. «Для того чтобы человек мог покончить с собой, не будучи психически больным, всегда нужен кто-то, кто «поможет» ему в этом. Обстоятельства в конечном итоге – это живые, конкретные люди, желающие смерти того, кого они довели до самоубийства. Но доведение до самоубийства – одна из форм убийства»⁷⁴. Е. Черносвитов анализирует некоторые работы, касающиеся смерти поэта, и высказывает свои соображения в связи с ними: по его мнению, интервью Б.С. Свадковского продиктовано нежеланием этого профессора, чтобы истинные причины трагедии Есенина стали обнародованы, а в статье Э. Хлысталова «Тайна гостиницы «Англетер»» много «маленьких неправд». Однако версию следователя Е. Черносвитов целиком не отвергает – он поворачивает ее иным ракурсом: материал Э. Хлысталова базируется на собственной интерпретации акта Гиляревского, исходя из разных трактовок которого и возникают споры. Черносвитов останавливается на вопросе о том, насколько добросовестно и достоверно выполнен сам акт. Прежде всего, по его мнению, не соответствует описанию состояния других органов описание мозга погибшего – и это очень важно: «...бросающееся в глаза профессионалу несоответствие патологоанатомических данных исследования мозга и других внутренних органов – не небрежность и не показатель невежественности. Это сделано сознательно, преднамеренно», т. е. эксперт, исследовавший труп Есенина, скорее всего, подвергался давлению во время своей работы и таким несоответствием, понятным любому другому судмедэксперту, дал знак потомкам, что здесь дело

нечисто. Поэтому истину может помочь установить лишь эксгумация и проведение повторного судебно-медицинского исследования.

В другой публикации Е. Черносвитова – «Оскорбление легендой» выдвигается версия о том, кто же был тем самым «помощником», способствовавшим доведению поэта до гибели. На его взгляд, человеком, впервые связавшим имя Есенина со словами «самоубийство» и «сумасшествие», была Айседора Дункан, которой было выгодно дать такое объяснение семейным ссорам и скандалам. Именно Дункан объявляет поэта сумасшедшим и сообщает о том, что показывала его психиатру Жюлю Маркузу, который подтвердил диагноз. По мнению Е. Черносвитова, способствовали закреплению за Есениным звания «сумасшедшего» и диагнозы еще трех психиатров: дружившего с Зигмундом Фрейдом бывшего цюрихского профессора психиатрии Ивана Борисовича Галанта, «красного профессора психиатрии» Петра Борисовича Ганнушкина (именно он несколько раз осматривал поэта и поставил разные диагнозы) и молодого смоленского психиатра Виктора Семеновича Гриневича. И.Б. Галант и В.С. Гриневич в разное время выпустили свои работы о смерти Есенина, где закрепляли его связь с вышеупомянутым диагнозом⁷⁵.

На статьи Е. Черносвитова последовали разной степени экспрессивности отклики. А.В. Маслов: «Нельзя согласиться и с мнением Е. Черносвитова («Ветеран», № 4, 1990), что «описание состояния мозга не соответствует описанию состояния других органов». Он считает, что картина состояния мозга, как следует из Акта исследования трупа, составленного А. Гиляревским, «...могла бы соответствовать смерти, например, от острой сердечно-

сосудистой недостаточности (и то не полностью) или от отравления некоторыми быстродействующими ядами». Однако судебным медикам хорошо известно, что не имеется специфических изменений головного мозга, присущих лишь механической асфиксии. Описанное в Акте состояние головного мозга отнюдь не противоречит наступлению смерти от механической асфиксии»⁷⁶. Профессор Б. Свадковский: «...обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых, какие конкретные факты свидетельствуют о том, что А. Гиляревский при исполнении обязанностей судебно-медицинского эксперта оказался под давлением вышестоящих инстанций? Во всяком случае ни одного факта, подтверждающего это, автор в своей публикации не приводит. Во-вторых, излагая версию, он допускает, что, возможно, и в других нефальсифицированных случаях при повешении А. Гиляревский мог описывать полнокровие мозга. Здесь отчетливо просматривается противоречие. Коль такая возможность действительно существует, почему в случае вскрытия тела Есенина полнокровие мозга, описанное в акте, является искажением действительности?

И самое главное: с каких пор отек или полнокровие мозга является непрямым и характерным признаком повешения? Такой закономерности судебно-медицинская наука не знает! Более того, названные процессы не являются антагонистами, ибо, как известно, отеку противостоят набухание мозга, а полнокровию — малокровие. И потому возможно различное сочетание отека и полнокровия при различных вариантах механической асфиксии. Все эти обстоятельства позволяют категорически отвергнуть версию Е. Черносвитова как несостоятельную прежде все-

го с судебно-медицинской точки зрения. Разумеется, в связи с этим рассуждение автора версии об эксгумации также необоснованно»⁷⁷.

К годовщине гибели поэта (1990 год) приурочил свою заметку «Версия» журналист В. Костылев. Он утверждал, что среди литературско-журналистской общественности давно циркулировало мнение о насильственной смерти С. Есенина. Однако упоминавшие об этом Е. Наумов, В. Мануйлов, Н. Браун, А. Бродский и другие не располагали конкретными доказательствами этого. Особенно осведомленным в данном вопросе автору представлялся его хороший знакомый журналист Иосиф Самсонович Хейсин, который в 1927 году имел разговор на эту тему с художником В.С. Сварогом. Тот полагал, что «главным организатором убийства Есенина был В. Эрлих, который 28 декабря подсыпал С.А. Есенину какое-то снотворное, в то время как остальные исполнители задуманного убийства сидели в соседних номерах. Есенина придушили при помощи «удавки» и ударили выше переносицы рукояткой нагана. Затем, закатав в ковер, хотели спустить с балкона, но не смогли, т. к. балконная дверь не открывалась достаточно широко. На эту мысль Сварога навело «...множество мельчайших соринок на брюках и несколько в волосах...», которые он заметил, когда делал зарисовки с уже мертвого поэта. Сварог полагает, что убийство не было достаточно хорошо подготовлено. «Есенина спешили убрать», поэтому осталось так много следов. Потерпев неудачу с балконной дверью, убийцы повесили поэта уже глубокой ночью на вертикальном стояке, а затем Эрлих положил на стол стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», инсценировав таким образом самоубийство»⁷⁸. М. Стахова, опи-

сывая эту версию, указывает на две нестыковки: знакомство В. Костылева с И. Хейсиным состоялось спустя около сорока лет после разговора последнего с В. Сварогом (хотя непонятно, как это может поменять суть сказанного!), вышеупомянутое стихотворение не было обнаружено в номере гостиницы.

Поэтесса Н. Сидорина обращается к анализу поэзии Есенина с целью доказать ее опасность и «несродность» власти. По мнению исследовательницы, понизывающее стихи Есенина последних лет предощущение смерти вызвано не болезнью поэта, а травлей, которой он подвергался. Выдвигает Н. Сидорина и свою версию смерти поэта: это продуманное убийство, с тщательно спланированной программой внедрения общественности мысли о самоубийстве. Поэтесса анализирует посмертные фотографии поэта, воспоминания его родных, описывает мнение привлекавшихся ею судебно-медицинских экспертов (не называя их), которые предположили, что акт Гиляревского не соответствует посмертным фотографиям поэта. Усматривает Н. Сидорина нарушения и в процедурах следствия и экспертизах.

Эту версию официально привлеченные комиссией по расследованию обстоятельств смерти поэта судмедэксперты А.П. Громов и А.В. Маслов критикуют. Профессор Б. Свадковский называет ее самой недоказуемой после куняевской: «Она писала, что рядом с бороздой на лбу у Есенина есть округлое образование, похожее на след пули. Следовательно – стреляли... Это элементарная ошибка людей, не понимающих, что посмертно тоже происходят изменения с кожным покровом в зоне его повреждения, в том числе с выявлением глубже расположенных кровоизлияний. После

явного повреждения поверхностного эпителия (в случае с Есениным – о стояк трубы парового отопления) покров подсыхает, приобретая пигментную плотность. Это очень напоминает ожог. Вот почему во всех этих публикациях так много слов о том, что экспертом Гиляревским не описан «ожог» <которого> не было. В наличии лишь индивидуальное восприятие непрофессионалом посмертного изменения в зоне борозды на лбу. Видимо, у поэтессы родился очередной поэтический образ»⁷⁹.

Однако Н. Сидорина продолжает отстаивать свою версию, обогащая ее новыми материалами. Так, в 2005 году ею была выпущена книга «Златоглавый. Тайна жизни и гибели Сергея Есенина», куда вошли старые и новые материалы: воспоминания И.С. Хейсина о рассказах художника Сварога, описание событий по рассказам В. Эрлиха, И. Садофьева, Б. Лавренева, Вс. Рождественского, М. Фромана, М. Шкапской, письмо П. Лукницкого, очевидца проводов тела Есенина, и многие другие.

Писатель Иван Лысцов свою позицию высказал уже в названии статьи, опубликованной в «Молодой гвардии», – «Убийство Есенина». Он тоже изучил посмертную фотографию и пришел к выводу о насильственной смерти поэта: борозда на лбу охарактеризована как «пробоина треугольной формы», нанесенная тяжелым металлическим предметом. Кроме того, утверждает автор, очевидцы похорон свидетельствовали, что через эту пробойну выступило мозговое вещество. По версии И. Лысцова, потерявшего сознание поэта подвесили на ремне от чемодана, но он очнулся и пытался освободиться. «Для этого он левой рукой сдвинул ременный круг с шеи к под-

бородку, а сзади – к затылочной части головы. Правой рукой он при этом судорожно схватился за трубу, подтянувшись и удерживаясь на весу. Здесь силы оставили поэта, и, истекая кровью, он скончался, так и держась окоченевшей правой рукой за еле теплящуюся или вовсе холодную металлическую вертикаль». В убийстве Есенина писатель безоговорочно видит политические мотивы и даже называет произведение, за которое «поплатился» поэт, и человека, оставшегося особенно недовольным им: «...Лейба Троцкий не мог простить автору «Страны негодяев» такого дерзкого поэтического памфлета о нем». Названы и «подельники»: «...по самому почерку палача-«мокрушника» убийцей Сергея Есенина был Яков Блюмкин со своей бандой, членом которой или наводчиком, по моему личному предположению, мог быть В. Эрлих. Они исполняли волю Лейбы Троцкого...»⁸⁰

Судебно-медицинский эксперт И.В. Демидов опроверг некоторые установки И. Лысцова, но только те, которые касаются его профессиональной сферы, не касаясь вопросов «политических»: «...по И. Лысцову... «у повесившегося хрящи гортани под тяжестью тела сминаются и даже разрываются, подобно пружине. Язык же вываливается изо рта, придавая лицу страшное выражение...». Судебно-медицинская практика свидетельствует о том, что повреждения хрящей гортани у повесившихся встречаются крайне редко. Запись же Гиляревского – «...кончик языка ущемлен между зубами... кончик языка прикушен...». И. Лысцов трансформирует в «прокус языка» и далее предлагает свой механизм одномоментного образования данного «повреждения» и «страшной раны на лбу», хотя и не эксперту ясно, что при этом удар

по голове должен быть нанесен в подбородок снизу вверх, или по темени при фиксированной нижней челюсти»⁸¹.

Уже не раз упоминавшийся доктор медицинских наук Б. Свадковский, оценив все имеющиеся версии и «развенчав» их, резюмировал: «Новые «версии» об убийстве С.А. Есенина явно несостоятельны. Причины их появления очевидны: это и фактическая недостоверность, и отсутствие авторской ответственности. Они не выдерживают никакой критики даже как предположения, не то что как версии, потому что опираются не на факты, а на досужие домыслы и ложные сентенции. И удивительно, что такой опытный литературовед, как С. Кошечкин, назвал свою критическую статью в адрес авторов новой версии «Смерть Есенина: две версии».

Имеется в виду, что одна версия – самоубийство путем повешения, другая – убийство. Но это не так. Самоубийство поэта – не версия, а факт, установленный путем предварительного дознания, в том числе с учетом результатов судебно-медицинского обследования тела Есенина, то есть на основе специальных познаний в судебной медицине. До сих пор нет ни одного достоверного свидетельства, которое бы дискредитировало выводы органов дознания. Иное дело – версия об убийстве поэта. Здесь мы действительно встречаемся и, скажем прямо, не впервые (!) с попыткой опровергнуть результаты предварительного дознания. Здесь действительно речь идет о предположении, говоря с натяжкой, – о версии, которая столь мало убедительна, что ее точнее было бы назвать мифом»⁸².

Судебно-медицинский аспект статьи Б. Свадковского удостоивается похвалы профессионалов (например, И. Демидова), но ведь он говорит не

только об этом... И тут уже возникают вопросы у профессионалов в другой области: ведь возможно, что сам акт вскрытия тела Есенина был фальсифицирован. В ответ на этот вопрос журналиста профессор не отвечает однозначно, а лишь советует искать доказательства на эту тему в архивах ОГПУ, НКВД, КГБ. И здесь он снова не удерживается от проникновения «в другую область» – домыслов, как говорил он об оппонентах. Это касается подтверждений самоубийства, которые можно найти в последнем периоде жизни поэта: «Будучи связанным с архивами, я недавно обнаружил ряд писем, принадлежащих лицам, близким к семье Есенина. Вырисовывается следующая картина: в последнее время своей жизни поэт терял уверенность в себе, ему казалось, что он исписался. Периоды тяжелой депрессии сопровождались, кстати говоря, не очень нравственными поступками – так что вся правда последних месяцев жизни Есенина нам еще не открыта. Два таких письма я передал Прокушеву для публикации»⁸³.

Вот что пишет по этому поводу Т.П. Флор-Есенина, племянница поэта, дочь Александры Александровны: «Один из современников Сергея Александровича Есенина когда-то точно заметил, что поэту как при жизни, так и после смерти «везло» на пошляков. Одни лезли к нему со слюнявыми поцелуями, другие поливали его грязью...

«Брызги на потолке» – под таким заголовком опубликовала «Независимая газета» интервью с судебным медиком Б. Свадковским, проводившим экспертизу акта, составленного его коллегой Гиларевским через день после смерти Есенина.

Профессор Свадковский установил, что заключение сделано в соответствии с требованиями, существовавшими в те годы. Однако многие по-

читатели Есенина, знакомые с содержанием акта и не сомневающиеся в профессиональном его исполнении, не могут смириться с ним, их явно не устраивает тот факт, что по отношению к известному поэту был применен «валовой» принцип обследования и учета. Творчество Есенина, воспоминания о нем дают представление о тяжелом психологическом состоянии, в котором он находился перед смертью и которым могли воспользоваться некие силы. Именно это обстоятельство волнует общественность.

<...> в ИМЛИ было проведено первое рабочее заседание по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина, на котором присутствовали также лица, занимающиеся частными расследованиями. Комиссия заслушала и обобщила как сведения, полученные из компетентных органов, так и мнения других исследователей и пришла к выводу, что работу следует продолжить.

Судя по интервью, профессор Свадковский, узнав о том, что его точка зрения не повлияла на решение комиссии, был не только «обескуражен», но и уязвлен. Из этого же интервью очевидно и то, что Сергей Есенин – не поэт Свадковского. Ничего предосудительного в этом, естественно, не было бы, если бы из эстетических соображений судебный медик признался в своем негативном отношении к поэту и отказался от участия в изучении причин его гибели.

Чужая слава всегда привлекательна тем, что дает возможность, по выражению интервьюируемого, «прорвать блокаду» собственной безвестности. «Независимая газета» сопровождала интервью портретом профессора. Польщенный честью, он сообщил газете о своем намерении передать в прессу и тогда указать источник разысканных

им писем, «принадлежащих лицам, близким к семье Есенина», – как компромат на поэта, к «концу жизни исписавшегося и безнравственного».

Б. Свадковский, по словам корреспондента, «много лет занимается медицинской биографией Льва Толстого», поэтому не трудно определить, что речь он ведет о письмах О.К. Толстой и близких ей лиц, знающих о поэте лишь понаслышке и от его тещи, кстати сказать, из-за боязни потерять жилплощадь настоявшей на регистрации брака своей дочери с «поэтом-пьяницей». В письмах говорится о пьянстве Есенина.

Но такая ли это большая новость для читателей?

Поэт писал: «Я сердцем никогда не лгу» – и откровенно признавался, к примеру, в одном из последних стихотворений «Клен ты мой опавший...»: «...Не дойду до дома с дружеской попойки». Оно у всех на слуху и воспринимается как хрестоматийное и отнюдь не безнравственное. Были и «скандальные истории», за которые Есенин платил дорогой ценой. Суть одной из них содержится в письмах действительно близких людей. 29 августа 1925 года П.И. Чагин сообщал из Баку в Мардакяны С.А. Толстой-Есениной: «Он (Есенин) прежде всего заподозрил... Вас в неверности... со мной... а потом направился к выходу... Во дворе при выходе он походя забрал какую-то собачонку, объявил ее владелице, что пойдет с этой собачонкой гулять, хозяйка подняла визг, сбежалась парাপетная публика, милиция, и Сергей снова в тихом пристанище – в 5-м районе». «Сижу со своим драгоценным, с Божьей помощью, 14 часов в 5 районе милиции города Баку. Он весь, весь побитый и пораненный. Страшно милый и страшно грустный... Сюда приводят пропасть

разбойников и пьяных», — написала в тот же день С.А. Толстая-Есенина об этой «скандальной истории» В.Ф. Наседкину в Москву.

Профессор Свадковский сетует на то, что «вся правда последних месяцев жизни Есенина нам еще не открыта». Мы открыли одну из них. Может быть, и она станет для судебного медика предметом инсинуации и спекуляции чужой бедой? Бог ему судья.

Комиссия по изучению обстоятельств смерти С.А. Есенина ведет кропотливую работу по сбору новых документов. Выявлена еще одна ранее неизвестная, наводящая на грустные размышления посмертная фотография, разыскиваются материалы, необходимые для экспертизы масок, в работу включились прокуратура и другие органы. Из уважения к памяти С.А. Есенина и его почитателям все, кто принимает участие в этом расследовании, меньше всего думают об утрате своего «реноме», о «луже» и «брызгах на потолке», предрекаемых Б. Свадковским. Важна истина, какой бы горькой она ни была»⁸⁴.

Открытое письмо Б. Свадковскому под названием «О «безнравственности» Есенина и о том, как поэт «исчерпал себя» написал и упоминавшийся им не раз «литературовед Прокушев»: «Пока вы, Борис Сергеевич, как врач, в своих публикациях о смерти Сергея Есенина, говоря вашими словами, «оставались исключительно в пределах своей профессиональной компетентности» профессора по кафедре судебной медицины, в ваших суждениях все было в основном профессионально и допустимо. То же можно сказать и о вашем заключении по поводу «Акта» А. Гиляревского, производившего вскрытие тела С.А. Есенина, которое было сделано вами наряду с другими

специалистами-медиками по просьбе комиссии Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти поэта.

Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. И вот на страницах «Независимой газеты» (4 апреля 1992 г.) появляются ваши, рассчитанные на явную «сенсацию», начиная с названия, «Брызги на потолке» — «Комментарии к тому, как создается миф о смерти Сергея Есенина».

Можно было бы оставить в покое ваши красочные «Брызги на потолке». Ведь, с точки зрения медицинской, вы, буквально изничтожая ваших оппонентов, по существу почти слово в слово весьма настойчиво и даже навязчиво повторяете то, что излагали в предыдущих публикациях.

Не новы, Борис Сергеевич, и ваши замечания в адрес Есенинской комиссии и ее председателя. Однако, на сей раз, отступив от вами же публично провозглашенного правила: в суждениях о Есенине строго оставаться в рамках своей медицинской компетентности, — вы, как говорится, решительно пошли дальше и дальше... И, прямо скажем, весьма самоуверенно, а главное — без глубоких профессиональных научных знаний в области литературного наследия Есенина стали рассуждать, простите, по существу любительски-дилетантски о последнем периоде творчества и жизни поэта, включая его нравственность.

Единственный «источник», на который при этом вы «опираетесь», — это несколько писем лиц, которых вы, очевидно, для большей «убедительности» и «достоверности» посчитали прежде всего «близкими к семье Есениных». Но вам-то, Борис Сергеевич, как «занимающемуся медицинской биографией Льва Толстого» (так вас представила своим читателям «Независимая газета»), хорошо

известно, что Дитерихс Иосиф Константинович и его родная сестра Анна Константиновна Черткова (по мужу), чьи письма, «недавно обнаруженные» вами в толстовском архиве, как вы имеете в виду, оба долгие годы были самыми тесными родственными узами связаны прежде всего с семейством Толстых.

Сергей Есенин, в сентябре двадцать пятого года зарегистрировавший свой брак с Софьей Андреевной Толстой – внучкой великого писателя – и ставший тем самым их «родственником», оставался для них, судя по тем же письмам, по сути дела, чужим человеком. Относились они к Есенину, мягко говоря, весьма предвзято и крайне односторонне, считая, как тот же Дитерихс, что с ним «еще раз будет разбита жизнь Сони, пошедшей, что называется, на рожон сама, несмотря на все предупреждения и уговоры». В том же письме Дитерихс, оказавшись в Баку вскоре после отъезда в Москву Есенина и его жены С.А. Толстой, услышав от «знакомых» «историю пьяного дебоша» Есенина в Мардакянах, дает поэту безоговорочно такую, с позволения сказать, «нравственную» характеристику: «природа у него грубого хама и беспринципного субъекта, для которого ничего не стоит собственная честь и доброе имя, а также любовь к нему жены. Бедная вторично несчастная Соня! Представляю ее, такую самолюбивую, избитую любимым человеком на глазах публики!»

Да! Что говорить, богатым оказалось «воображение» у «знакомого», на которого ссылается Дитерихс, да и у самого автора письма. Но, к счастью, сохранилось свидетельство не какого-то мифически-бесфамильного «знакомого», а самой «пострадавшей» – Софьи Андреевны Толстой-Есениной: ее письмо из Баку от 29 августа 1925

года в Москву поэту В.Ф. Наседкину, мужу сестры Есенина – Екатерины Александровны. Его недавно впервые цитировала племянница Есенина – Т. Флор-Есенина <...>.

«Сижу со своим драгоценным с Божьей помощью четырнадцать часов в 5 районе милиции города Баку. Они позволили взять хвост в зубы, удрать из Мардакян и в результате две ночи подряд провели в этом прекрасном месте. Я собрала свои юбки, сделала мрачное лицо и примчалась за ним. Утром пришла его выручать и просидела с ним весь день. Здесь всякие люди загибаются и не хотят его пускать. Он весь, побитый и пораженный, страшно милый и страшно грустный... А впрочем, все это очень забавно. Сюда приводят пропасть разных разбойников и пьяных, – и я наблюдаю – довольно!.. Вы, – замечает далее Софья Андреевна, – ужасно много вещей спрашиваете... Внешне жили так – все время как приехали, жили в Мардакянах у жены Чагина на даче...

Сергей много писал, по-моему, чудесно... (выделено мной. – Ю. П.). Когда хотели вести светский образ жизни, то шли в кинематограф и на вокзал пить пиво. Изредка, даже очень редко, Сергей брал хвост в зубы и скакал в Баку, где денька два ходил на голове, а потом возвращался в Мардакяны зализывать раны... куда поедem отсюда, еще окончательно не решили, но на днях уедem... Я хочу туда, где будет хорошо ему, и мне всюду хорошо с ним. Я все дальше иду по той дороге, на которую ступала на Ваших глазах. Мне очень хорошо и очень серьезно...»

Вот вам и «избитая», по Дитерихсу, «вторично несчастная Соня», которой на самом деле, как она пишет Наседкину, было «всюду хорошо» с ее мужем, и которая, судя по тому же письму, чувствовала

ла себя с Есениным в тех же Мардакянах отнюдь не «униженной» и «оскорбленной».

О том, что Дитерихс, как говорится, слышал звон, да не знает, откуда он, убедительно свидетельствует еще один весьма примечательный документ. Это письмо П.И. Чагина – человека, близкого Есенину и С.А. Толстой. Оно также приводится Т. Флор-Есениной. Чагин направил свое письмо из Баку в Мардакяны Софье Андреевне по просьбе и от имени Есенина, находящегося в милиции. В письме говорилось: «Глубокоуважаемая Софья Андреевна. Только что звонили из 5-го района по просьбе Сергея, очевидно, приходит в себя, просит принести ему переодеться и что-нибудь покушать. Просьба обращена к Вам». Так С.А. Толстая оказалась вместе с Есениным в милиции.

Далее из того же письма П.И. Чагина мы узнаем, что на самом деле произошло с Есениным в те августовские дни и отнюдь не в Мардакянах, а в Баку, и как он оказался в милиции.

«Попутно рапортую последнюю сводку с боевого есенинского фронта. Вчера вечером... я застал его у отца уже тепленьким и порывающимся снова с места, несмотря на все уговоры лечь спать. Я начал его устыжать, на что он прежде всего заподозрил... Вас в неверности... со мной... а потом направился к выходу... Во дворе при выходе он, походя, забрал какую-то собачонку, объявил ее владелице, что пойдет с этой собачонкой гулять, хозяйка подняла визг, сбежалась парапетная публика, милиция, и Сергей снова в тихом пристанище – в 5-м районе».

Согласитесь, Борис Сергеевич, что это совершенно иная картина, чем та, которую с чужих слов пытался столь «выразительно» нарисовать

Дитерихс в своем письме, которое так «вдохновило» вас в «Брызгах на потолке».

Жаль и очень досадно, что Дитерихс, оказавшись в Баку и составляя свое «досье» на мужа «бедной Сонечки», как «грубого хама» и «пьяного дебошира», не увидел, а вернее – не пожелал увидеть другого, **главного в жизни Есенина в Баку**: сколь плодотворно творчески работал Есенин на Кавказе. Если бы тот же Дитерихс хотя бы полистал «Бакинский рабочий», то легко в этом убедился! Только на страницах этой газеты Есенин впервые опубликовал сорок шесть своих новых произведений, включая классическую «Анну Снегину». Подавляющее большинство их написано во время его пребывания на Кавказе, многие из них – в Баку, в Мардакянах. Так, в том же августе двадцать пятого года, когда, если «верить» Дитерихсу, Есенин только и делал, что «скандалил», «пьянствовал», поэт печатает в «Бакинском рабочем» такие новые чудесные стихи: «Я помню, любимая, помню...», «Гори, звезда моя, не падай...», «Море голосов воробыных...», «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Листья падают, листья падают...», «Жизнь – обман с чарующей тоскою...».

Есенин, его поэзия, столь щедро и широко представленная на страницах «Бакинского рабочего», сборник его новых стихов, изданный здесь с напутственным добрым словом редактора газеты П.И. Чагина, – открывали бакинцам душу и сердце Руси Советской. То были, по сути дела, первые дни поэзии России на земле древнего Востока. Свято и благодарно хранят бакинцы память о своем «северном друге и брате». Именно они, бакинцы, еще в семидесятые годы открыли в Мардакянах первый на Востоке мемориальный музей Есенина.

Именно Баку в 1974 году стал центром духовно-озаренного народного праздника – «Дней поэзии Сергея Есенина в Азербайджане». Говорю об этом как один из участников тех прекрасных, незабываемых событий.

Так, прежде всего, время, самый беспристрастный и строгий судья, определило, где истина и правда о Есенине, а где всего лишь полуправда, которая порой хуже лжи.

Примером такой «полуправды» является, к сожалению, и письмо того же Дитерихса.

Может быть, среди всех толстовских «родственников» Есенина одна Софья Андреевна Толстая понимала, а, главное, чувствовала, что ее муж не «беспринципный субъект», «скандалист» и «пьяница», каким он виделся тому же Дитерихсу или Чертковой, а, прежде всего, вопреки всем своим человеческим слабостям, недостаткам и проступкам, – честнейший, одареннейший, неповторимый поэт России.

«Не уберегли! Надо было, несмотря ни на что, ехать с ним или вслед за ним в Ленинград. Нельзя было отпускать его одного» – сколько раз довелось мне за годы знакомства с Софьей Андреевной слышать от нее эти горестные, по-своему покаянные слова: «Не уберегли!»

К сожалению, вы, Борис Сергеевич, не владея достаточно полно фактами, важнейшими документальными источниками, связанными, в частности, с пребыванием Есенина в Баку, в Мардакянах, договариваетесь в «Брызгах на потолке» порой до таких «откровений», которые невольно заставляют вспомнить вульгарно-безнравственные выступления против Есенина того же Сосновского, равно как и печальной памяти «Злые заметки» Бухарина.

Именно это обстоятельство, и только это диктует необходимость публично высказаться по поводу ваших сногшибательных «Брызг на потолке».

Вы помните: ваш собеседник Павел Крючков просит вас как «знатока-любителя» прокомментировать некоторые суждения и взгляды авторов «версий» на последний период жизни поэта и высказать по этому поводу свое мнение.

Чтобы избежать кривотолков, привожу ваш диалог с Крючковым в этой части полностью.

Крючков: «Авторы версий разбирают подробно последние месяцы и годы жизни Есенина, находят там массу подтверждений своим теориям. Вы как любитель изучали биографию поэта, вам есть что сказать о «творческой энергии» последнего периода его жизни?»

Вы: «Будучи связанным с архивами, я недавно обнаружил ряд писем, принадлежащих лицам, близким к семье Есенина. Вырисовывается следующая картина: последнее время своей жизни поэт терял уверенность в себе, ему казалось, что он исписался.

Периоды тяжелой депрессии сопровождались, кстати говоря, *не очень нравственными поступками – так что вся правда последних месяцев жизни Есенина еще не открыта*» (выделено мной. – Ю. П.).

Поздравляю вас, Борис Сергеевич, с «открытием» с помощью Дитерихса и Чертковой, «всей правды» о «творческой энергии» Есенина в последние месяцы его жизни: о том, что поэт «исписался» и «терял уверенность в себе».

Полноте, Борис Сергеевич, загляните хотя бы в собрание сочинений Есенина, не поленитесь, почитайте стихи и поэмы, созданные Сергеем Есениным в двадцать пятом году – последнем в

его жизни, включая месяцы и дни, предшествующие трагической гибели поэта. Их более сорока! Одно – лучше другого. Это же целая книга! А вы – «исписался». Напомню вам, что в начале двадцать пятого года Есенин завершает одну из лучших поэм «Анну Снегину», а в конце – 14 ноября – записывает окончательный вариант гениального «Черного человека», над которым трудился ряд лет. В том же году им созданы «маленькие поэмы» «Мой путь», «Письмо к сестре», а также «Поэма о 36».

Буквально до последних дней в сердце поэта рождаются изумительные стихи: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый!..» (28 ноября), «Какая ночь! Я не могу...» (30 ноября), «Не гляди на меня с упреком...» (5 декабря), «Ты меня не любишь, не жалеешь...» (4 декабря), «Может, поздно, может, слишком рано...» (1 декабря), «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» (декабрь), «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (27 декабря).

О напряженной работе Есенина над своими новыми произведениями, включая последний период жизни, о подготовке к изданию новых сборников стихов, особенно «Собрания сочинений», о литературных замыслах и планах, а также о заботливом отношении к родным и близким, и в первую очередь, живущим вместе с ним сестрам – Кате и Шуре – убедительно и наглядно свидетельствуют письма поэта.

Позвольте напомнить вам, Борис Сергеевич, что любой комментарий – будь он «медицинский» или «литературный» – требует от его автора строгого научного объективного анализа и в то же время исключает бездоказательные дилетантские домыслы и предположения.

Полагаю, Борис Сергеевич, что после того как вы прочитаете и вдумаетесь во все стихи и поэмы,

созданные Есениным, хотя бы в последний год жизни, внимательно ознакомьтесь с его письмами, вы увидите, в действительности, если, конечно, на этот раз сможете быть нравственно честным и справедливым по отношению к поэту, всю абсурдность досужих «любительских» домыслов и утверждений, что он, Есенин, якобы «исписался», «терял уверенность в себе» и был способен совершать порой «не очень нравственные поступки»!

Ради справедливости заметим: как всякий истинный художник, а тем более – гениальный, Есенин не однажды испытал в жизни минуты горестных раздумий, разочарований и сомнений. Связаны они были, в первую очередь, с тем, что происходило на его родине и в мире: «С того и мучаюсь, что не пойму – куда несет нас рок событий», и с неустанным, радостным и мучительным, поиском новых путей в поэзии, поиском языка, которым можно выразить себя в Слове, а значит – и свое время, и с обстоятельствами личного характера, и окружением поэта, и необоснованными обвинениями в национализме, антисемитизме, вспомним хотя бы пресловутое «Дело 4 поэтов», и многими другими непредсказуемыми событиями...

Случалось, что поэту начинало казаться, что его муза, «милая Муза», покидает его, его душу и сердце. Нечто подобное Есенин испытал во время поездки в Европу и Америку. Он почти там не писал. Потом, по возвращении на Родину, был «прорыв» – большие и «маленькие поэмы», стихотворные циклы, множество лирических стихов, пьеса в стихах.

Что же касается «пьянства Есенина», которое вы «открыли» для себя с «помощью» Дитерихса, то позвольте вам заметить, что поэт с потрясаю-

щей открытостью и болью души рассказал об этой своей беде, своем тяжелом недуге в стихах, рассказал так, как на это способен лишь поэт и человек высочайшей нравственности и чести, который всегда сам себе – самый высший и справедливый судья.

Позвольте заметить вам особо, Борис Сергеевич: вся жизнь Есенина – в стихах. Он умел, любил работать, подчас, казалось бы, в самых невыносимых условиях. Это, а не «пьянство», всегда было главным в жизни Есенина. Напомню: двадцатилетний поэт выпускает свою первую книгу «Радуница». За ней следуют другие. Более тридцати есенинских книг увидели свет при жизни поэта. Всего за десять лет!

Теперь о вашей «угрозе», пахивающей откровенным шантажом – о передаче вами «копии писем с указанием архивного хранилища в прессу», если Прокушев «не решится на их публикацию». Передавайте, Борис Сергеевич, это дело вашей совести. Тем более теперь вы знаете мое отношение к письмам Дитерихса и Чертковой, копии которых вы передали мне в свое время не для публикации, а всего лишь для ознакомления. Вы, очевидно, запомнили об этом!

И еще можно предположить: доживи тот же Дитерихс и его сестра А.К. Черткова до времени всенародной любви к великому поэту России, они смогли бы по-иному взглянуть на своего «родственника» и, возможно, не спешили бы с публикацией своих писем о Есенине. Поразмышляйте, Борис Сергеевич, обо всем этом на досуге. Ведь по-своему безнравственно залезать весьма бесцеремонно в чужие души, в частности копаться в чужих бумагах и письмах, даже не попытавшись получить на это согласие родственников и близ-

ких того человека, кому когда-то принадлежали эти документы.

Что же касается ваших сетований, что вы «были обескуражены», когда в «Литературной России» появилось сообщение от Есенинской комиссии, то вы, Борис Сергеевич, очевидно, «запамятовали», что, во-первых, вас официально приглашали принять участие в заседании комиссии и выступить наряду с другими судебно-медицинскими экспертами и авторами «версий». Вы сказали, что из-за болезни вам это трудно будет сделать, но вы не возражаете, чтобы на заседании было оглашено ваше письменное заключение по поводу акта Гиляревского. Это было сделано, в чем нетрудно убедиться, обратившись к стенограмме заседания комиссии.

Наконец вы, Борис Сергеевич, почему-то «запамятовали», что при обсуждении заключения судебно-медицинских экспертов возник целый ряд новых проблем и вопросов, требующих дальнейшего изучения обстоятельств, касающихся смерти Есенина. Причем с обязательным участием в работе комиссии экспертно-криминалистических служб и прокуратуры Российской Федерации. При полном согласии членов комиссии и приглашенных было решено продолжить ее деятельность. Обо всем этом, Борис Сергеевич, если вам не изменяет память, вы, как один из судебно-медицинских экспертов, представивших заключение, были проинформированы вскоре после заседания комиссии.

В настоящее время по просьбе комиссии сотрудниками Всероссийского научно-исследовательского института судебных экспертиз восстановлен текст акта вскрытия тела С.А. Есенина судебно-медицинским экспертом

А. Гиляревским, ранее, как вы знаете, частично поврежденный (семь нижних разорванных строчек на обеих сторонах акта). Теперь мы располагаем его полным текстом. Сотрудниками этого же института проведена почерковедческая экспертиза стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...», подтверждающая, что это стихотворение было написано С.А. Есениным.

Научными специалистами экспертно-криминалистического центра МВД России было проведено исследование подлинного рукописного экземпляра стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и установлено, что оно написано кровью.

Научно-исследовательским институтом судебной медицины продолжают изучение и экспертиза посмертных масок С.А. Есенина, находящихся в музее поэта, в Константинове, в Институте русской литературы («Пушкинском Доме»), а также у родных Есенина и исследователей творчества поэта.

Бюро главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Российской Федерации по просьбе комиссии исследует в настоящее время две подлинные фотографии Есенина, сделанные в день смерти поэта 28 декабря 1925 года в пятом номере гостиницы «Англетер», а также негативы этих снимков, местонахождение которых недавно было установлено комиссией.

Комиссия также обратилась в Прокуратуру Российской Федерации с просьбой ознакомиться со всеми документами и материалами следствия в связи со смертью Есенина и дать свое заключение.

Комиссия продолжает изучение материалов о Есенине и его литературном окружении, находящихся в архивах бывшего КГБ.

Исследователи творчества Есенина, занимающиеся в Институте мировой литературы подготовкой академического собрания сочинений поэта, знакомятся, как специалисты, с новыми публикациями, посвященными Есенину, его жизни и смерти.

Заметим при этом, что деятельность *общественной* комиссии Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти поэта с самого начала *носила открытый характер*. Помимо членов Комиссии, в ее работе принимают участие научные сотрудники Института мировой литературы, Научно-исследовательского института судебной медицины, криминалистических служб, прокуратуры, авторы статей и «версий» о смерти поэта.

Как видите, Борис Сергеевич, в отличие от вас, которому безоговорочно «ясно», что Есенин покончил жизнь самоубийством, и ваших оппонентов в «Брызгах на потолке» В. Белова, Н. Сидориной, Э. Хлысталова, которые столь же безоговорочно, как вы, утверждают обратное (что поэт был убит) и которых вы столь настойчиво «опровергаете» и обвиняете в «мифотворчестве», нам на самом деле пока еще далеко не все ясно, как это кажется вам, с трагедией в гостинице «Англетер».

На сегодня объективно существует ряд немало-важных и весьма существенных проблем и вопросов, связанных со смертью поэта. Они требуют углубленного, научного изучения и исследования, тщательного, вдумчивого осмысления и комментирования тех или иных фактов – исследования, чуждого какого-либо субъективизма, сенсационности, конъюнктуры.

В ближайшее время Комиссия проведет широкое обсуждение и обмен мнениями с привлече-

нием всех заинтересованных сторон и организаций, всех, кто принимал участие в ее работе, по всем материалам и документам в связи со смертью Есенина, которыми она располагает, с последующей их публикацией. При этом преследуется единственная цель: в конце концов максимальное приближение к объективной истине.

В заключение, Борис Сергеевич, хочу искренне посоветовать вам то, что вы так любите советовать другим: оберегайте свое реноме – реноме профессора по кафедре судебной медицины. Не считайте, что лишь вы один владеете истиной в последней инстанции.

Упрекая публикаторов «версий» о смерти Есенина в саморекламе, вы, к сожалению, сами, особенно в «Брызгах на потолке», начиная с помещения своего портрета, оказались «зараженным» этим опасным «вирусом». Будьте более осмотрительны и благоразумны, иначе можете сесть в большую-большую лужу, такую, что брызги от нее разлетятся аж выше потолка.

И еще: не позволительно и «не очень нравственно» в «суете сует» топтаться у могилы великого поэта – могилы, священной для каждого русского, каждого порядочного человека.

Желаю благоденствия на вашей медицинской стезе и поменьше «любительства». Каждый должен делать свое дело добротнo, профессионально. И, конечно, – честно!»⁸⁵

Свое мнение о смерти Есенина высказывали некоторые исследователи-есениноведы.

Литературовед из Баку Г. Шипулина поддерживает версию о самоубийстве поэта, приводя в подтверждение воспоминания и отклики современников, последовавшие непосредственно сразу после смерти поэта (конец 1925 – начало 1926 г.), и анализируя

творчество поэта с точки зрения присутствия в нем темы смерти: «Нами отмечено около 400 случаев упоминания смерти в произведениях С. Есенина, из них более трети приходится на последние два года (соответственно 296 и 101) <так в статье!>, причем в половине этих последних стихов поэт говорит о своей смерти, о самоубийстве»⁸⁶. Кроме того, по мнению исследовательницы, показательна реакция эмигрантских газет, которые не упустили бы случая устроить еще одну антисоветскую кампанию. Однако «русские литераторы, жившие за границей, ни в первые дни после смерти поэта, ни годы и десятилетия спустя не высказали даже намека на возможность его убийства. Напротив, они были уверены, что смерть Есенина – неизбежный и вполне закономерный итог его печальной жизни»⁸⁷. Поддерживает исследовательница мнение и о психическом заболевании поэта, указывая на его алкоголизм и бредовые состояния, зафиксированные психиатром в больнице. Г. Шипулина защищает литераторов, подписавших в качестве понятых акт Н. Горбова, а также считает неправомерными сомнения в качестве и профессионализме составления как этого акта, так и акта А. Гиляревского, что, в свою очередь, делает несостоятельными версии об убийстве поэта: «...все рассуждения наших авторов необходимы им для того, чтобы доказать убийство Сергея Есенина в гостинице «Англетер» в ночь на 28 декабря 1925 года. «Убийство», картину которого рисует нам С. Куняев, задумано было так хитроумно, что подобное невозможно предположить в жизни. Преступники должны были хорошо знать творчество поэта, через которое проходит тема самоубийства; помнить строки стихотворения, написанного в 1916 году:

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь;

им должна быть известна болезнь поэта, одно из проявлений которой – мания преследования и боязнь одиночества, а также то, что такие больные чаще всего кончают самоубийством под утро; и то, что накануне поэт порезал вены и писал кровью стихотворение (Э. Хлысталов, правда, утверждает, что это невозможно, однако это было достаточно широко распространено в прошлом); и запертая изнутри дверь... Весь набор этих обстоятельств, которые должны были знать убийцы, нам думается, практически предусмотреть было невозможно»⁸⁸.

С.П. Кошечкин тоже считает несостоятельными версии об убийстве Есенина, обращаясь и к трактовке уже не раз упоминавшихся актов, и к воспоминаниям современников, и к анализу жизненных реалий России 1920-х годов. Однако заканчивает он свою статью «Смерть Есенина: две версии» следующим образом: «Как сторонникам новой версии, как всем почитателям творчества Есенина, мне всей душой хотелось бы отвести от поэта недоброе слово «самоубийство». Но это возможно только в том случае, если обнаружатся неопровержимые документальные доказательства уголовного преступления в гостинице «Англетер». К сожалению, сегодня таких доказательств нет»⁸⁹.

Все эти версии, а также возникшие вокруг них споры послужили важной отправной точкой, да и собственно причиной появления Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта. Понятно, что ее деятельность могла основываться только на анализе существующих документов,

проверить же все вызывающие вопросы и разногласия обстоятельства комиссия не могла. Поэтому и заявление, принятое по результатам ее работы, говорит преимущественно об экспертизах имеющихся документов и вытекающих из этого выводах. Заявление это было опубликовано в «Независимой газете» и в «Книжном обозрении» в августе 1993 года:

**«От комиссии Есенинского комитета
Союза писателей по выяснению
обстоятельств смерти С.А. Есенина**

На протяжении последних лет в печати и других средствах массовой информации появилось большое количество материалов о Сергее Есенине и особенно о его смерти. При этом во многих публикациях выдвигались различного рода «версии» об убийстве поэта и даже в отдельных случаях назывались, чуть ли не безотговорочно, имена тех, кто якобы непосредственно был причастен к этому «злодеянию». Однако в суждениях авторов «версий» довольно часто эмоционально-публицистическое начало, по сути дела, явно преобладало над объективным научным исследованием, анализом всех ныне известных документов и фактов, касающихся смерти поэта. Зачастую авторам «версий» не хватало главного: отсутствовали познания в области судебной медицины и криминалистики. Не обладали также многие из них достаточно глубокими профессиональными литературоведческими знаниями, прежде всего касающимися творчества Есенина, научной биографии поэта.

К тому же в некоторых выступлениях, к сожалению, чувствовалось стремление к сенсационно-

сти, а то – и саморекламе. Подобные выступления по существу дезинформировали литературную общественность и вводили в заблуждение читателей.

Все это, вместе взятое, побудило Есенинский комитет Союза писателей еще в июле 1989 года создать Комиссию по выяснению обстоятельств смерти поэта. Помимо членов Есенинского комитета – известных поэтов, прозаиков, критиков, исследователей-есениноведов, родных и близких Есенина, научных сотрудников отдела рукописей и есенинской группы ИМЛИ им. Горького, Государственного литературного музея, Института русской литературы РАН в Санкт-Петербурге, а также авторов «версий», – к работе комиссии на разных этапах ее деятельности для проведения различного рода исследований, экспертиз, архивных изысканий, следственных экспериментов с целью выяснения научной состоятельности и достоверности выдвигаемых «версий» были привлечены ведущие специалисты Научно-исследовательского института судебной медицины Минздрава России, Всероссийского научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста России, Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, Экспертно-криминалистического центра МВД России, Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного медуправления Мосгорисполкома, кафедры судебной медицины Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова, Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления здравоохранения Мособлисполкома, Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Управление по надзору за следствием и дознанием). Есенинскому комитету была предоставлена

возможность ознакомиться с рядом документов бывшего КГБ, касающихся Есенина, его родных и близких, литературного окружения поэта. Это и так называемое дело четырех поэтов, и дело братьев Кусиковых и Есенина, и дело сына поэта – Георгия Есенина, сестры Есенина – Екатерины Александровны, ее мужа – поэта Василия Наседкина, поэтов Клюева, Орешина, Ганина, Приблудного, Клычкова, Павла Васильева, Вольфа Эрлиха, Галины Бениславской, а также дело Сосновского, Авербаха, Блюмкина. Помимо этого комиссия обратилась в Министерство безопасности России с просьбой ответить на некоторые конкретные вопросы, касающиеся бывшего ГПУ и КГБ, которые затрагивали в своих публикациях авторы «версий». В настоящее время Комиссия получила из органов госбезопасности содержательную информацию по интересующим ее вопросам.

Деятельность комиссии проходила по трем главным направлениям.

Первое: исследование и экспертиза всех документов и материалов, связанных со смертью Есенина, а также оценка «версий» об убийстве поэта с точки зрения судебной медицины и криминалистики.

Второе: изучение и экспертиза имеющихся документов и материалов дознания по факту самоубийства С.А. Есенина с целью выяснения прежде всего вопроса: имелось ли законное основание для принятия в свое время судебными органами «постановления о прекращении дознания по делу о самоубийстве Есенина от 23.01.1926 года». Учитывая в данном случае то обстоятельство, что авторы «версий» подвергают сомнению правомерность принятия такого решения.

Третье: рассмотрение и оценка с позиций современного есениноведения суждений авторов «версий», касающихся биографических моментов и творчества поэта, литературной обстановки тех лет. Научный анализ в этой связи прежде всего произведений и писем Есенина, а также воспоминаний родных и близких, друзей и знакомых поэта, особенно о встречах с ним в последние месяцы и дни жизни.

Трудно было предположить и представить реально, насколько продолжительной окажется работа комиссии.

В настоящее время сложная, объемная, многоплановая деятельность комиссии практически завершена.

Прежде всего, всесторонне изучены, проанализированы и получили научную объективную оценку, в первую очередь со стороны названных выше государственных официальных научных Центров и институтов в области судебной медицины и криминалистики, все известные ныне документы и материалы, связанные со смертью Есенина, а также все выдвигаемые «версии» об убийстве поэта.

В данный момент комиссия располагает этими документами, а также другими официальными заключениями об экспериментах и исследованиях, проведенных по ее просьбе государственными учреждениями и отдельными специалистами.

Эти официальные документы, а также другие материалы комиссии, работа которой с самого начала носила открытый характер, будут опубликованы в специальном научном сборнике, подготовка его к печати уже началась.

Здесь же приводятся в первую очередь важнейшие положения и выводы, содержащиеся в этих официальных документах.

Как известно, почти все авторы «версий», как правило, далеки от судебной медицины (поэты, журналисты, работники милиции и др.), но прежде всего обращаются к акту вскрытия тела Есенина судебно-медицинским экспертом Гиляревским. При этом они не только критикуют содержание акта, сомневаясь в его достоверности, но весьма настойчиво пытаются утверждать, что описательная часть акта, т. е. его содержание, якобы не соответствует выводу судебно-медицинского эксперта о причине смерти Есенина.

Стало очевидным, что объективную, профессиональную оценку акта Гиляревского могут и должны дать прежде всего специалисты в области судебной медицины. Комиссия еще в начале своей деятельности обратилась в НИИ судебной медицины Минздрава России с просьбой провести анализ и дать оценку акта Гиляревского прежде всего по двум конкретным вопросам: во-первых, соответствует ли этот акт тем нормативам, которые существовали в то время и которые должен был соблюдать всякий судмедэксперт при составлении акта такого рода, и, во-вторых, соответствует ли содержание акта заключению о том, что смерть произошла от механической асфиксии в результате повешения. В ответ комиссией было получено официальное заключение за подписью директора НИИ судебной медицины, члена-корреспондента АМН профессора Громова А.П., в котором указывалось: «Анализ фотокопии акта, подписанного судебно-медицинским экспертом Гиляревским, показал, что исследование трупа Есенина проведено в соответствии с временным постановлением для медицинских экспертов о порядке исследования трупов, утвержденным НКЗ 5 мая 1919 г. Заключение о причине смерти Есе-

нина соответствует данным, полученным при исследовании трупа».

Чтобы избежать односторонней оценки акта Гиляревского, комиссия обратилась помимо НИИ судебной медицины к главному судебно-медицинскому эксперту тогдашнего Министерства обороны СССР доктору медицинских наук профессору В.В. Томилину, доктору медицинских наук профессору Б.С. Свадковскому, доценту Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова судебно-медицинскому эксперту А.В. Маслову. Все они, независимо друг от друга, высказав каждый свои частные замечания по акту, были единодушны в главном: заключение эксперта Гиляревского о том, что «смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение», соответствует описательной части акта и вытекает из нее.

Казалось бы, достаточно авторитетное мнение независимой профессиональной экспертизы. Однако вновь и вновь появляются статьи, авторы которых продолжают подвергать сомнению акт Гиляревского, допуская даже возможность его фальсификации. Указывалось и на то обстоятельство, что акт частично поврежден и полностью текст его прочесть почти невозможно.

Комиссия обратилась во Всероссийский научно-исследовательский институт судебных экспертиз Минюста России с просьбой о восстановлении частично поврежденного текста акта вскрытия тела Есенина. Научным сотрудником этого института доктором юридических наук Н.П. Майлис, специалистом в области судебно-трасологической экспертизы, в результате большой и кропотливой исследовательской работы был восстановлен текст акта Гиляревского в по-

врежденной его части (7 нижних строчек на обеих сторонах акта).

Комиссия теперь располагает полным восстановленным текстом акта Гиляревского. Так, на первой странице акта, из разрозненных его кусочков, которые сохранились в отдельном конверте, экспертом были восстановлены очень важные фразы: «Кости черепа целы» и «мозг весит 1920 граммов». Ранее в основном тексте поврежденного акта оставались только последние слова «20 граммов», часть фразы с цифрой «19» была оторвана. Один из авторов публикаций о Есенине, далекий от судебной медицины, на этом основании попытался даже создать «версию» о раздробленном черепе Есенина. О чем, по его мнению, свидетельствуют, в частности, «20 граммов» вытекшего мозгового вещества. Теперь ясно, что эта «версия» несостоятельна.

Полный текст акта Гиляревского комиссией был вновь направлен на экспертизу в НИИ судебной медицины, другим судебно-медицинским экспертам, включая Главного судебно-медицинского эксперта Минздрава РФ – кандидата медицинских наук доцента Плаксина В.О. Все специалисты в своих заключениях с еще большим основанием подтвердили соответствие описательной и заключительной частей акта вскрытия тела Есенина. Так, в заключении экспертов Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России указывается: «Признаки, отмеченные при исследовании трупа С.А. Есенина судебно-медицинским экспертом А.Г. Гиляревским (Александр Григорьевич Гиляревский, 1870 года рождения, окончил в С.-Петербурге Военно-медицинскую академию), полностью соответствуют картине смерти в результате сдавления органов шеи петлей при

повешении». И далее: «Заключение, сформулированное судебно-медицинским экспертом А.Г. Гиляревским, соответствует исследовательской части акта судебно-медицинского исследования трупа С.А. Есенина».

Экспертом Н.П. Майлис были по возможности восстановлены в поврежденной ранее части и другие документы, связанные со смертью С.А. Есенина: текст акта от 28 декабря 1925 г. об обнаружении тела С.А. Есенина, протоколы опроса 28 декабря 1925 г. Эрлиха В.И., Устинова Г.Ф., Назарова В.М.

НИИ судебных экспертиз по просьбе комиссии была проведена почерковедческая экспертиза стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...», подтверждающая, что это стихотворение было написано С.А. Есениным. Ее осуществила заведующая лабораторией почерковедческой экспертизы, кандидат юридических наук, эксперт-криминалист Погибко Ю.Н. На основании почерковедческого исследования она пришла к следующим выводам:

«1. Рукописный текст стихотворения от имени С. Есенина, начинающийся словами: «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и заканчивающийся словами: «...но и жить, конечно, не новей. С.Е.», – выполнен самим Есениным Сергеем Александровичем.

2. Этот текст исполнен Есениным Сергеем Александровичем под влиянием необычных внутренних и внешних факторов, «сбивающих» привычный процесс письма и носящих временный характер. В числе таких факторов наиболее вероятными являются необычное психофизиологическое состояние С. Есенина (волнение, алкогольное опьянение и др.) и использование им пишущего прибора и красителя, обладающего плохими расписывающими свойствами».

Научными специалистами экспертно-криминалистического центра МВД России было проведено исследование подлинного рукописного экземпляра стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья» С. Есенина, хранящегося в Институте русской литературы в Санкт-Петербурге, и установлено, что оно написано кровью. Подобные экспертизы проводились в силу того, что в одних «версиях» высказывалось сомнение в авторстве Есенина в отношении стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...», а в других – что, возможно, оно написано не кровью, а чернилами! Теперь обе эти «версии» окончательно отпадают.

На запрос комиссии в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, о котором говорилось выше, было получено «Заключение об обоснованности прекращения 23.01.26 г. дознания по факту самоубийства С.А. Есенина». Объемный документ (на 10 страницах) составлен старшим прокурором управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации старшим советником юстиции Н.Н. Дедовым. Им были подробно проанализированы все документы и материалы, связанные со смертью Есенина, все выдвигаемые «версии» об убийстве поэта, а также результаты судебно-медицинских и криминалистических экспертиз, проведенных в ходе работы комиссии. Свое заключение Н.Н. Дедов завершает таким выводом:

«Дознание по факту смерти поэта С.А. Есенина проводилось в соответствии с действовавшим уголовно-процессуальным законодательством (УПК РСФСР от 1923 года), а допущенные неполнота и низкое качество документов дознания только лишь сами по себе, без подтверждения другими

объективными доказательствами, не могут быть основанием для вывода об убийстве поэта или для эксгумации его останков для проведения судебно-медицинского исследования. Постановление народного следователя 2-го отделения милиции г. Ленинграда от 23.01.26 о прекращении производства дознания по факту самоубийства С.А. Есенина является законным». Заключение Н.Н. Дедова утверждено помощником Генерального прокурора Российской Федерации, государственным советником юстиции 3-го класса М.Б. Катышевым и начальником управления по надзору за следствием и дознанием государственным советником юстиции 3-го класса В.А. Титовым.

Об экспертизе и исследовании посмертных масок С.А. Есенина. Еще в конце 1991 года врач, судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории НИИ судебной медицины Э.И. Хомякова исследовала одну из посмертных масок Есенина, установив при этом: «Каких-либо морфологических признаков, характерных для действия острых, рубящих, колюще-режущих и огнестрельных орудий на представленной гипсовой маске не выявлено. Обнаруженное углубление-вдавливание образовалось в результате контакта с твердым предметом цилиндрической формы. Данных о наличии повреждений в области лобной кости не имеется». Это послужило началом проведения всеобъемлющей экспертизы сохранившихся экземпляров посмертных масок Есенина. Судебно-медицинский эксперт Бюро Главного управления здравоохранения Мособлисполкома (ГУЗАМО) Дегтярев А.М. подробно исследовал и провел экспертизу пяти посмертных масок Есенина. Прежде всего, маски поэта, хранящейся в Музее-заповеднике Есенина на его родине в Константи-

нове, а также масок, находящихся у родных поэта и других лиц. Свое официальное аргументированное «Заключение эксперта» А.М. Дегтярев завершает развернутыми выводами, указывая и подчеркивая при этом в самом их конце, что «каких-либо отображающих следов действий колюще-режущих предметов, следов огнестрельных повреждений на посмертных масках не выявлено».

Несколько позднее изучение и экспертиза семи посмертных гипсовых масок С.А. Есенина, включая маску, хранящуюся в Институте русской литературы в Санкт-Петербурге, и гипсовую посмертную копию правой кисти поэта, которая находится в том же институте, всех имеющихся подлинных посмертных негативов и фотографий с изображением С.А. Есенина, фотографий пятого номера гостиницы «Англетер», акта осмотра трупа на месте происшествия и акта Гиляревского были проведены созданной по просьбе Есенинского комитета судебно-медицинской экспертной комиссией Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ в составе председателя Главного судебно-медицинского эксперта Минздрава РФ кандидата мед. наук доцента В.О. Плаксина, членов комиссии заведующего кафедрой судебной медицины Российского медицинского университета доктора мед. наук профессора В.Н. Крюкова, судебно-медицинского эксперта медико-криминалистического отделения Бюро судебно-медицинской экспертизы ГМУМ С.А. Никитина и заведующего отделом внедрения новых технологий БГСМЭ Минздрава Российской Федерации С.С. Абрамова.

Обстоятельный аналитический документ – официальное «Заключение экспертов» Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы МЗ РФ

содержит весьма важные результаты научных экспертиз и исследований.

Так, в результате экспертизы посмертных масок Есенина в заключении со всей определенностью указывается на «вдавление в мягких покровах в лобной области, которое образовалось в результате длительного контакта с цилиндрическим предметом диаметром около 3,7 см, наиболее вероятно, с предметом горячим, о чем свидетельствует тот факт, что данное вдавление зафиксировалось, то есть сохранилось после снятия тела из петли вплоть до похорон; о возможном термическом воздействии свидетельствует также наличие измененных участков кожи в местах наиболее плотного контакта с цилиндрическим предметом (область между надбровными дугами, правый скат носа)».

Важным является заключение тех же экспертов о двух подлинных есенинских негативах и фотографиях, о которых говорилось выше. В частности, «о круглом темном пятне на верхнем веке правого глаза, образование которого может быть объяснено высыханием вершины кожной складки, сформировавшейся от смещения кожи вниз вправо при контакте лица с цилиндрическим предметом». А ведь авторам некоторых «версий» это «темное пятно» представлялось чуть ли не чем иным, как «следом» от пули.

Комиссия отмечает, что материалы с результатами экспертиз и исследований, проведенных по ее просьбе государственными службами и учреждениями, объективно свидетельствуют и наглядно показывают, сколь далеки были чаще всего на самом деле от истины авторы многих «версий», одни из которых пытались «доказывать» в своих публикациях и «убеждать» читателей в том, что Есенина убили в лоб рукояткой револьвера; дру-

гие – что поэт был убит ударом тяжелого предмета в лоб, был раздроблен череп – и так сильно, что вытекло двадцать граммов мозгового вещества; третьи – что Есенин был застрелен из револьвера, а потом уже повешен; четвертые – что Есенина задушили подушкой, а затем инсценировали его самоубийство.

27 мая 1993 года состоялось расширенное заседание комиссии. Были заслушаны сообщения экспертов, охватывающие, по сути дела, весь спектр проблем и вопросов, связанных со смертью С.А. Есенина и «версиями» об убийстве поэта. На заседании с официальными сообщениями выступили эксперты: А.В. Маслов, С.А. Никитин, А.М. Дегтярев, Э.И. Хомякова, В.Н. Крюков, Ю.Н. Погибко, Н.П. Майлис, И.В. Демидов, а также прокурор-криминалист В.Н. Соловьев и старший советник юстиции Н.Н. Дедов. Помимо экспертов, в развернувшейся дискуссии приняли участие поэт Валентин Сорокин, сопредседатель Есенинского комитета, проректор Литературного института; старший научный сотрудник ИМЛИ, член Есенинского комитета и комиссии С.П. Кошечкин, заведующий рукописным отделом ИМЛИ М.А. Айвазян, поэт Юрий Чехонадский, рязанский поэт Анатолий Сенин, авторы «версий» – литературовед С.С. Куняев, поэт Иван Лысцов, бывший следователь милиции Э.А. Хлысталов и другие.

В заседании участвовали члены комиссии и Есенинского комитета, ученого совета, есенинской группы и научные сотрудники Института мировой литературы РАН, работники Государственного литературного музея, секретари Союза писателей России, члены есенинского общества «Радунница», авторы «версий», другие лица – всего более семидесяти человек.

Итоги обсуждения на заседании подвел Юрий Прокушев – председатель Есенинского комитета и комиссии.

Весь ход обсуждения, все официальные документы, материалы, которыми в настоящее время располагает комиссия, с еще большим основанием, чем это было ранее, позволяют прийти к следующим выводам и констатировать, что, во-первых, в настоящее время фактически нет объективных данных, которые позволили бы усомниться, прежде всего с позиции судебной медицины, в точности содержания акта вскрытия тела С.А. Есенина и опровергнуть вывод судебно-медицинского эксперта А. Гиляревского от 29 декабря 1925 года о причине смерти поэта (смерть С.А. Есенина «последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение»); во-вторых, проведенные официальные научные экспертизы и исследования (посмертных масок, фотографий поэта, акта Гиляревского, документов предварительного дознания и др.) не дают каких-либо оснований для подтверждения «версий» об убийстве Есенина С.А.

Одновременно комиссия заявляет, что в случае обнаружения каких-либо новых документальных данных, связанных со смертью С.А. Есенина, они будут незамедлительно рассмотрены и изучены с сообщением об этом в печати.

Будем точными, осмотрительными, корректными и, конечно, совестливыми, граждански ответственными, чтобы без сенсационного шума продолжить заветный путь к истине. Это относится ко всем, кто ныне обращается к светлому имени Сергея Есенина, его судьбе, включая печать и другие средства массовой информации. Комиссия благодарит всех, кто добровольно и бескорыстно

принимал деятельное и плодотворное участие в ее работе, движимый одним чувством – любовью к великому поэту России.

Председатель Есенинского комитета Союза писателей и комиссии по выяснению обстоятельств смерти поэта, руководитель научной есенинской группы ИМЛИ им. Горького Прокушев Ю.Л., директор Научно-исследовательского института судебной медицины Минздрава РФ, член-корреспондент РМА профессор Громов А.П., главный судебно-медицинский эксперт Минздрава РФ, кандидат мед. наук доцент Плаксин В.О., сопредседатель Есенинского комитета, член комиссии, проректор Литературного института им. Горького поэт Сорокин В.В.

Эксперты:

Зав. отделом внедрения новых технологий Бюро Главной судмедэкспертизы Минздрава РФ Абрамов С.С., судебно-медицинский эксперт Бюро Главного управления здравоохранения Мособлисполкома Дегтярев А.М., эксперт 1-й категории Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного мед. управления Мосгорисполкома Демидов И.В., старший прокурор Управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры РФ, ст. советник юстиции Дедов Н.Н., заведующий кафедрой судебной медицины Российского медицинского университета, доктор мед. наук профессор Крюков В.Н., доктор юридических наук, эксперт-криминалист научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста РФ Майлис Н.П., кандидат мед. наук, эксперт высшей категории, доцент кафедры судебной медицины Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова Маслов А.В., судебно-медицинский эксперт высшей категории Бюро

судебно-медицинской экспертизы Главного мед. управления Мосгорисполкома Никитин С.А., зав. лабораторией почерковедческой экспертизы, кандидат юридических наук, эксперт-криминалист Научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста РФ Погибко Ю.Н., прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ Соловьев В.Н., судебно-медицинский эксперт высшей категории Хомякова Э.И.

Исследователи творчества Есенина:

Кандидат филологических наук старший научный сотрудник, член есенинской группы ИМЛИ им. Горького Гусева Н.И., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, член Есенинского комитета и комиссии, член есенинской группы ИМЛИ Кошечкин С.П., научный сотрудник, член есенинской группы ИМЛИ Стахова М.В.»

Показательно, однако, что председатель Комиссии Ю.Л. Прокушев в интервью поэту Юрию Чехонадскому сказал следующее:

«Исследователь обязан знать и учитывать всю сумму обстоятельств, творчество и жизнь поэта, в том числе и быт, и окружение, и литературную обстановку того времени. Вспомните, сколько Есенин написал после возвращения из-за границы, как он работал в 1924–1925 годах! Поэмы «Черный человек», «Анна Снегина», «Песнь о великом походе», «Баллада о 26», «Поэма о 36», пьеса «Страна негодяев», циклы «Москва кабацкая», «Персидские мотивы» и еще шестьдесят стихотворений написаны были им за эти два года! Какое колоссальное творческое напряжение, какая колоссальная отдача эмоциональной и нервной энергии!

И в Ленинград Есенин ехал не умирать. Он хотел как бы начать новый виток жизни, мечтал выпускать свой журнал. Поэтому надо быть точ-

ным, осмотрительным, корректным и, конечно, совестливым, граждански ответственным, чтобы без «суеты» у священной могилы великого поэта России продолжать поиск истины.

Для меня все более очевидно, что Есенин был убит дважды. Его довели до петли или действительно убили: с каждым разом все яростней становились критические выпады против поэта в печати, плотнее сжималось кольцо убийственной клеветы, разорвать которое ему становилось все труднее, а вернее – было почти невозможно... После смерти Есенина это стало особенно очевидно.

Вспомним хотя бы знаменитую статью Бориса Лавренева «Казненный дегенератами»: «Усилия... искренне любящих поэта людей разбивались о сплоченность организованной сволочи, дегенератского сброда, продолжавшего многолетнюю казнь поэта».

Прав был и Всеволод Рождественский, который в день смерти Есенина писал: «Мы затравили его своим чадом и ресторанными скрипками и ничего не могли ему дать взамен его простой правды о свежевспаханном поле, о жеребенке на косогоре у телеграфных столбов».

Второй раз Есенина убили уже после смерти – убили на десятилетия его поэзию, пытаясь кощунственно оторвать поэта от народа. Тон задавал здесь небезызвестный Сосновский. В сентябре 1926 года он печатает в «Комсомольской правде» свою мерзопакостную статью «Развенчайте хулиганство». Какое же это иезуитство – представить Есенина-поэта знаменем, идеологом и выразителем хулиганства, вырывая отдельные строчки из «Москвы кабацкой»! А после этого, в январе 1927 года, появились «Злые заметки» Бухарина, и Есенин, по сути дела, на четверть века был исключен

из духовной жизни народа. Но народ все эти годы хранил стихи поэта в своем сердце»⁹⁰.

После обнародования заявления комиссии в 1993 году последовали многочисленные отклики – репортажи, статьи, заметки, интервью в различных изданиях. Из них следует, что вопрос о смерти Есенина... остается открытым. Примирения позиций не произошло, многое осталось не проясненным.

О том, что вопрос этот открыт до сих пор, свидетельствует появление все новых и новых работ, посвященных этой теме.

Кроме уже упоминавшихся книг Э. Хлысталова, Н. Сидориной и других авторов, содержащих обобщение и развитие уже высказанных ими ранее мнений, есть и новые работы.

«По следам одной версии» пишет книгу «Тайна гибели Есенина» петербургский писатель В. Кузнецов, где он вновь высказывает версию об убийстве поэта. Снова подробно анализируются подозрительные факты: отсутствие Есенина в списках жильцов «Англетера», утрата архивов гостиницы, разнобой в воспоминаниях очевидцев, их судьбы. В. Кузнецов полагает, что приказ об уничтожении Есенина отдал Л.Д. Троцкий, непосредственное отношение к убийству имел Я. Блюмкин – мастер по «мокрым делам», к тому же мастерски подделывающий чужой почерк (автор допускает, что запись последнего стихотворения Есенина – его рук дело).

Другой писатель – подмосковный – А.Д. Панфилов придерживается противоположной точки зрения. Он считает, что произошло самоубийство и что «имеется достаточно много достоверных и не вызывающих никакого сомнения документов, позволяющих со всей определенностью представить, как поэт к трагедии приближался и как она

произошла»⁹¹. Основываясь на воспоминаниях Г. Бениславской, В. Наседкина, Н. Асеева, А. Берзинь, Вс. Рождественского, В. Эрлиха, М. Ройзмана, Георгия и Елизаветы Устиновых, И. Евдокимова, В. Чернявского и других, автор приходит к выводу, что нервная система Есенина в 1925 году была сильно расшатана, поэтому самоубийство поэта является следствием его болезни. Кроме того, автор указывает, что Есенин неоднократно и ранее предпринимал попытки самоубийства, часто говорил о смерти и считал, что поэт не должен жить долго.

Как водораздел между «правыми» и «левыми» авторами мыслит отношение к смерти Есенина известный современный критик и литературовед Ю.М. Павлов: «...как результат всего сказанного, результат непонимания или неприятия многими авторами «русскости» и других особенностей личности и творчества С. Есенина – восприятие в штыки версии об убийстве поэта. Она называется современными «левыми», русскоязычными «новенькой уткой» (Западалов И. «И ни по моей, ни по чьей вине...» // «Нева», 1992, № 9), легендой, противоречащей фактам и здравому смыслу, крайне опасным мифом (Корнилов Вл. Победа над мифом // «Литературное обозрение», 1996, № 1). Какими же доводами оперируют сторонники версии о самоубийстве?

Опираясь на свидетельства некоторых современников С. Есенина, они говорят о его дружбе, связях с видными чекистами и политиками и делают вывод, что оснований для убийства не было. Но, как известно, те люди, на которых традиционно ссылаются, чьи суждения, в частности, приводят К. Азадовский («Звезда», 1995, № 9), И. Западалов («Нева», 1992, № 9) (А. Тарасов-Родионов и А. Мариенгоф, как и другие, традиционно стоящие

в этом ряду), были корыстными и бескорыстными служителями органов и советской системы в целом. И, понятно, что в своих воспоминаниях они являлись проводниками официальной версии.

К тому же есть и свидетельства иной направленности, свидетельства людей независимых, Р. Гуля, например. Он так передает отзыв С. Есенина о Л. Троцком: «Не поеду я в Москву.. Не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн <...>. Он правит Россией, а он не должен ей править...»

Практика, применяемая исследователями разных направлений, практика выдергивания из контекста высказываний, поступков, попытки делать обобщающие выводы из сиюминутных настроений, оценок, дает прямо противоположные результаты. Если мы с учетом многих факторов попытаемся найти доминанту в отношениях С. Есенина и с отдельными лицами: А. Мариенгофом, Я. Блюмкиным, Л. Троцким (называю тех, на кого чаще всего ссылаются в этих случаях), – и с системой, то таковой явится несовместимость с друзьями, покровителями, антирусской властью. Несовместимость, осознаваемая и неосознаваемая поэтом, и вне зависимости от этого обязательно проявляющаяся в жизни и творчестве.

Нелогичная реакция власти на смерть С. Есенина (взятые на свой счет расходы на похороны, беспрецедентная надпись на полотнище: «Тело великого русского поэта Сергея Есенина покоится здесь» и т. д.) видится Ю. Чехонадскому еще одним доказательством причастности власти к гибели поэта, попыткой «заткнуть» рот друзьям и родственникам, «которые знали (или догадывались), что никакого самоубийства не было» («Литературная Россия», 1990, № 9).

Самоубийство было, утверждают нынешние «левые», и видят в нем явление естественно-закономерное: «И знали, знали все: свершится неизбежное: он вынянчит свою гибель» («Нева», 1995, № 10). Гибель, порожденную психическим заболеванием в первую очередь. При этом авторы ссылаются на красно-фрейдистскую профессию 20-х годов как на авторитетный источник, который убедительно ставит под сомнение Е. Черносвитов. Приведу только один его довод: «Гений» — для того, чтобы его нести на своих плечах, — требует идеального психического здоровья. Какой самодисциплиной, внутренней сосредоточенностью и работоспособностью должен обладать человек, создавший за два последних года перед своей смертью такие шедевры, как «Персидские мотивы», «Письмо к женщине», «Письмо к матери», «Письмо к деду», «Метель», «Весна», «Цветы», «Анна Снегина!» («Ветеран», 1990, № 12).

Однако «левые» либо «не замечают» подобных суждений, либо отмахиваются от них, не вступая в споры по существу. Они предпочитают идти по проторенной колее, по-разному осовременивая трактовки 20-х годов. Так, Вл. Корнилов, видимо, для того чтобы укрепить позиции И. Галанта, П. Ганнушкина, В. Кричевич, профессоров, зачисливших поэта в «сумасшедшие», решил поставить последнюю точку в этом вопросе: «И в психиатрических отделениях Есенин лежал не раз... Недаром еще в 1913 году он писал своему другу из Москвы в Спас-Клепики: «Меня считают сумасшедшим и уже хотели везти к психиатру, но я послал всех к сатане и живу, хотя некоторые опасаются моего приближения» (Есенин С. Собр. соч.: В 5 т. — Т.5. — М., 1962).

Конечно, Вл. Корнилов поступил некорректно, ибо любой, познакомившийся с текстом письма к Грише Панфилову от 23 августа 1913 года, поймет, что причина «сумасшествия» — пламенная вера юноши в Христа, отличавшая его от многих окружающих. Конечно же, нужно делать обязательную поправку на то, что перед нами не только молодой человек, но и начинающий писатель со всеми вытекающими последствиями.

В канун 100-летия С. Есенина появилась еще одна свехоригинальная версия К. Азадовского: поэт умер случайно, желая поиграть со смертью. «Можно живо себе представить, как в состоянии обиды или отчаяния, действительно «близком к умопомешательству», Есенин заперся у себя в номере, изрезал в кровь себе руки, обернул вокруг своей шеи два раза веревку... выбил из-под ног тумбочку <...>».

Да, так оно, пожалуй, и было» («Звезда», 1995, № 9).

Было по-другому, было убийство, — утверждают Э. Хлысталов, Ст. и С. Куняевы, Ю. Чехонадский, Е. Черносвитов и другие «правые» авторы. Об этом, в частности, свидетельствуют: поврежденные переносья, вытекший левый и выпуклый правый глаз, отеки век и щеки, «вдавленная борозда». По мнению Ф. Морохова, даже «если предположить невероятное, что Есенин даже с такими травмами сумел залезть под самый потолок, высотой не менее четырех метров и самостоятельно привязать себя веревкой к вертикальной трубе, приняв при этом описанное положение, то при наступающем умирании и общем расслаблении мышц (релаксации) тело его выскользнуло бы из полупетли, держащей его за подбородок, и упало бы на пол.

Есенин был жестоко убит и при наступающем окоченении, начинающемся через 1–2 часа, был привязан к трубе с целью имитации самоповешения» («Литературная Россия», 1994, № 46).

Эти и другие факты, доводы «правых» исследователей до сих пор остаются без ответа «левых». Они ограничиваются иронично-гневными выпадами, где нет ничего по существу спора. Так происходит во многом потому, что «левые» рассматривают смерть поэта в политической плоскости: «Ведь Есенин ни в малейшей мере не был политической фигурой – кому же могло понадобиться убивать поэта, да еще столь замысловатым образом» («Звезда», 1995, № 9).

Действительно, Есенин не был политической фигурой, но с ним произошло то, что рано или поздно должно было произойти. Антинациональная, сатанинская власть убила Есенина потому, что он, как русский человек и поэт, представлял для нее большую опасность»⁹².

Вопрос о смерти Есенина продолжает оставаться открытым и ждет своих новых исследователей, которым нужно помнить о том, о чем писали в своей есенинской книге С.Ю. и С.С. Куняевы: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он мал и мерзок – не так, как вы, – иначе...»

Эта отповедь Пушкина публике, казалось бы, универсальная и окончательная, оказывается вдруг несостоятельной, когда задумываешься о судьбе Есенина... Да, жизнеописание его, вырастающее из стихов, писем, уголовных дел, мемуаров, биографий и автобиографий, конечно же,

легендарно. И конечно же, горы страниц о нем, написанные не только сильными мира сего – политиками, поэтами, актерами, художниками, но и «маленькими людьми» – обывателями, рядовыми журналистами, обычными завистниками и злопыхателями, – чрезвычайно противоречивы. Во многих воспоминаниях поэт предстает алкоголиком, психически нездоровым человеком, самовлюбленным эгоистом, перешагивающим через людские судьбы, хулиганом и хамом. Не приходится сомневаться, что многое из мемуаров подобного рода – житейская правда. Поразительно другое. Поток воспоминаний о Есенине как о «черном человеке» не в силах ни размыть, ни изменить в наших глазах светносную есенинскую легенду. Темная легенда о нем не в силах уничтожить легенду светлую. В сказочном облике поэта, загадочность которого с течением времени не только не исчезает, а, напротив, разрастается до гигантских размеров, приобретая немыслимые масштабы, так или иначе высвечиваются все его лучшие черты: ум, человечность, обаяние, гениальность, мужская стать, искренность...»⁹³

«РАДУНИЦА» ЕСЕНИНА – ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ

«Родился я с песнями в травном одеяле...» – писал Есенин в одном из ранних своих стихотворений. Так уж суждено человеку, что рождение его сопряжено с неминуемой смертью. Таков отпущенный ему жизненный круг. И потому есенинские стихи и размышления о смерти – это понимание жизненного пути человека во всей его полноте, в радости бытия и трагедии смерти. Этот путь родственен пути природному, где расцвет и буйство красок сменяются увяданием и гибелью. Природный временной отрезок – это цикл повторяющийся: расцвет сменяется увяданием, а увядание – новым расцветом. На смену осени и зиме приходят весна и лето. И так повторяется вновь и вновь. В подобном круговороте нет обреченности небытия.

Об этом круговороте в природе – первая есенинская книга «Радунца», вышедшая в начале 1916 года, когда Есенину, приехавшему весной 1915 года в Петроград, где за полгода были опубликованы десятки его стихов, где его принимали в литературных салонах, где проходили его поэтические вечера, было двадцать лет. Тогда град Петра стал для Есенина тем местом, в котором был

открыт его талант, где он получил первое признание. Именно там он стал поэтом!

Итак, «Радуница» – первая книга поэта. Название уникальное и необычное. Радуница – это день поминовения усопших, время, когда вспоминают умерших. Слово «Радуница» возникло как название есенинской книги не спонтанно. Еще живя в Москве и вынашивая замысел первой авторской книги, Есенин намеревался назвать ее «Радуница». Издать же книгу удалось в петроградском издательстве М.В. Аверьянова. Однако название осталось. Сохранил его автор и потом, существенно переработав книгу для второго и третьего изданий, вышедших в 1918 и 1921 годах. Раздел «Радуница» входил в книги Есенина «Собрание стихотворений» (том 1; 1922), «Избранное» (1922) и «Березовый ситец» (1925). Предполагался этот раздел и в неизданной книге «Руссеянь» (1920). Все это свидетельствует о том, что название было выбрано поэтом далеко не случайно и было важно и актуально на протяжении многих лет – практически в течение всей его творческой жизни.

На необычность названия книги обратил внимание уже один из ее первых рецензентов – Г. Деев-Хомяковский. «... непонятно, – писал он, – почему именно г. Есенин назвал сборник «Радуница», что понимается в смысле поминок на Фоминой усопших»⁹⁴.

Есенин, выросший в крестьянской семье и получивший образование в земском училище и второклассной учительской школе, хорошо знал и православные обряды, и зафиксированные в фольклоре народные традиции. Он и сам не только исполнял народные песни и частушки, но и собирал фольклорные материалы. Потому и мы, чтобы глубже и полнее понять есенинский

замысел, символику названия его первой книги, обратимся к русской фольклорной и православной традиции. Итак, Радуница. Этот обряд и связанный с ним термин существовал многие столетия. По мнению М. Никифоровского, высказанному в 1870-х годах, «в христианское время великий пост сильно помешал языческим весенним торжествам и разделил праздник Масленицы на две части, из которых одна перенесена к концу рождественского мясоеда, другая – ко времени Пасхи и после нее»⁹⁵. Такое суждение во многом справедливо, однако нельзя не учитывать и раннехристианского исконного понимания Великого Поста как приготовления оглашенных к обряду крещения, который был не только символически, но и фактически, во времени, сопряжен с Пасхой. Крещение как умирание ветхого человека и воскрешение христианина идентично весеннему пробуждению природы и связанным с ним дохристианским обрядам. Здесь можно говорить о близости и наложении понятий. Не случайно «Радуница» упоминается и в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» как «день поминовения усопших»⁹⁶.

На временную соотнесенность масленицы и радуницы, на их особую значимость в народном календаре указывает приводимая И.М. Снегиревым старинная поговорка: «Выпили пиво на Масленице, а с похмелья ломало после Радуницы», а также фрагмент народной песни:

Зять ли про тещу пивца варил,
Пива наварил да ко Масленице;
Звал ли тещу ко Радунице,
А теща пришла накануне Рождества⁹⁷.

Чем же интересна Радуница и связанные с этим праздником обряды? Обратимся к старым, еще середины XIX века, изданиям. А.В. Терещенко в 1848 году писал: «Радуница происходит от слова «радоваться». <...> Народ, поминая в это время родителей, думает, что они радуются с ними»⁹⁸. И.М. Снегирев, основываясь на этнографических данных, отмечал в 1837 году: «Радуница, или Навий вторник, и Троицкая суббота соединялись в древности с окличками мертвых. <...> В Гжатске и вообще в Смоленской г<убернии> у простолюдинов в родительские собираются родственники на свои кладбища плакать и пировать; а ввечеру сходятся туда молодцы и девки свыкаться, оправдывая делом Русскую пословицу: «Начинают за упокой, а кончат за радость»⁹⁹. Оценивая двойственность, присущую празднику, В.И. Даль производит слово «радуница» и родственные ему от слова «рад», сомневаясь однако: «но где же тут радость! Не от родитель ли? Или от радеть!»¹⁰⁰

А.Н. Афанасьев определяет Радуницу как «праздник обновляющейся весною природы, издревле получивший значение времени, посвященного чествованию усопших; ибо с воскресением природы от зимней смерти соединялась мысль о пробуждении умерших, об освобождении их из мрачных затворов ада»¹⁰¹. И.П. Калинин считал Радуницу «самым важным торжеством в честь усопших»: ... можно полагать, что он (праздник Радуницы. — Е. К., М. С.) был остатком древнего дохристианского поминовения умерших...»¹⁰²

Рассмотрение радуницы, предложенное А.Н. Афанасьевым и И.П. Калинским, позволяет увидеть этот день как звено в цепи весенних обрядовых праздников. Подобные попытки систематизации предпринимались еще в первой

половине XIX века. Встреча весны – Красная горка – Радуница – так выстраивал первые весенние праздники И.М. Снегирев. Первое марта – Встреча весны – Красная горка – Радуница – расширял этот перечень А.В. Терещенко. Таким образом, Радуница – один из весенних праздников, которому придавалось особое значение, что не в последнюю очередь было связано с его закреплённостью в календаре после Пасхи.

А.Н. Афанасьев отмечал: «С наступлением марта у всех славян начинаются обрядовые посещения кладбищ; в первый день этого месяца, перед самым восходом солнца, лужичане, чехи и поляки ходят на кладбища с зажженными факелами, служат там панихиды и оставляют на могилах разные яства; они думают, что вместе с обновляющейся природой мертвецы чувствуют дух жизни и обретают утраченные силы. Лужичане возглашают при этом следующие знаменательные слова: «Смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!»¹⁰³

«Ночью на мертвецкий Велик день покойники встают из гробов, – продолжает А.Н. Афанасьев, говоря о четверге русальной недели, когда по брошенной на Пасху крашеной яичной скорлупе усопшие узнают о Воскресении Христовом, – оставляют деревенское кладбище и, одетые в белые саваны, собираются в приходскую церковь; давно умершие попы облачаются в ризы, освящают церковь и совершают торжественную службу, по окончании которой все предстоящие христосуются»¹⁰⁴.

«...Восток, как страна воскресающего солнца, – отмечал А.Н. Афанасьев, – был признан за блаженное царство весны, именно там арийское племя полагало вечно цветущий рай – обиталище всещедрых богов и блаженных предков»¹⁰⁵. И далее фольклорист продолжал: «Вступая в среду

стихийных духов, тени усопших разделяют и их судьбу <...>. Весною же души пробуждаются (воскресают) для новой жизни, заявляют свою деятельность в шумных грозах и дождевых ливнях и открывают ясное небо, или, выражаясь мифическим языком, обретают источник живой воды и пресветлый рай <...>. В русском народе ходит сказание, что где-то далеко есть царство, в котором люди умирают на зиму и воскресают на вешний Юрьев день...»¹⁰⁶ Близко к этой характеристике и мнение И.М. Снегирева, высказанное за 30 лет до А.Н. Афанасьева по поводу праздника встречи весны: «Как первый весенний праздник изгнания зимы проявляет победу жизни над смертью, так окликание весны и усопших знаменует лад человека с природой, которая возобновлением своим призывает к очищению, напоминая смерть и воскресение»¹⁰⁷.

«Радунца в Великой России, — писал И.М. Снегирев, — посвящена поминовению родителей; ибо, по мнению народному, они радуются, если их поминают и приходят с ними христосоваться»¹⁰⁸. «Многие думают, — дополняет его А.В. Терещенко, — что души умерших встают во время поминовений из темниц (из гробов), радуются и слушают поминальную обедню в церкви за алтарем»¹⁰⁹. Описывая обрядовые посещения кладбищ на Радунцу, С.В. Максимов отмечал: «Когда яства расставлены, поминальщики окликают загробных гостей по именам и просят их попить-поесть на поминальной тризне»¹¹⁰.

Рассматривая Радунцу как день, когда поминальные обряды достигают своего апогея, В.Я. Пропп писал: «Смех на могилах в праздник всеобщего воскресения природы и воскресения божества означает, что мертвые не умерли»¹¹¹. Значение обряда исследователь видит в намере-

нии приобщить умерших предков «к кругообороту жизнь – смерть – жизнь, которым живет природа и который нужен земледельцу»¹¹². Если в обычное время выходят из могил и тревожат живых только заложные, то есть умершие неестественной смертью покойники, то в период весеннего воскресения общаются с ныне живущими родственниками предки – основатели и хранители рода.

Радунца, как поминовение усопших, связана не только с мыслью о воскрешении, но и с культом основателя рода, с почитанием домашнего очага. А.Н. Афанасьев писал: «Наши простолюдины называют покойников святыми родителями»¹¹³. Известно, что в древности покойников хоронили непосредственно в доме или вблизи от него. Таким образом, создавался единый комплекс, в центре которого пылал очаг, оберегаемый чтимыми предками – основателями и хранителями рода.

Весенние обрядовые праздники символизируют победу жизни над смертью. Если более ранняя по календарю Масленица связана с природной стихией и вместе с тем с активным, действенным участием человека в смене мертвящей зимы воскрешающей весной, то Радунца знаменует обращенность к человеку, воскрешение в сознании живущих умерших предков. И в этом проявляется активность человека в определении своей судьбы и судьбы ушедших предков, покровителей рода, которые, в свою очередь, также влияют на живущих. Человек, как отмечает А.К. Байбурин в книге «Ритуал в традиционной культуре», превращает посредством ритуала естественные события в календарном изменении природы и в физическом состоянии человека в факты культуры, т. е. включает себя как активное действующее лицо в

развертывание неподвластных ему в настоящее время процессов¹¹⁴.

Таким образом, слово «радуница» в названии есенинской книги имеет очень большое значение для понимания не только этого есенинского замысла, но и всего творчества поэта. Во-первых, радуница – это соединение в рамках одного дня, одного обряда христианского и дохристианского начал, соединение глубинное, основанное на общности в осмыслении праздника. Во-вторых, радуница символизирует обращенность к культу предков и домашнего очага. Дом как очаг и как символ вселенной и родина как дом, соединение через обращенность к предкам земного и иного миров – эти темы являются важнейшими для Есенина. В-третьих, радуница – это провозглашение возможности и реальности воскресения, вера в победу жизни над смертью, в преображение мира и человека. Подобные мотивы, только намеченные в первой книге, особенно характерны для маленьких поэмов Есенина революционного периода, они явственно звучат и во многих других его произведениях.

И, наконец, радуница – это выражение неотделимости мира природы от мира человека, нерасторжимости смерти природной и смерти человеческой – и воскресения природы и входящего в нее человека. Это также одна из центральных тем, раскрываемых Есениным на протяжении всего его творческого пути.

В книге «Радуница» в соответствии с ее общим замыслом раскрывается тема годового цикла в природе: рождения – умирания – воскресения. Почти все стихотворения книги дают картину достаточно определенного периода, который обычно можно легко выявить на основе фрагментов пейзажа или по другим деталям.

Например, в стихотворении «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...» создается достаточно определенная картина золотой осени:

Вьются паутины с золотой повети.
Где-то мышь скребется в затворенной клетки...
У лесной поляны – в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Порой для характеристики времени года автор использует указание на то, кем становятся крестьяне, выполняя определенную сельскохозяйственную работу:

Слушают сказ старика косари...
(«*Выть*»)

или:

Темным елям снится
Гомон косарей...
(«*Топи да болота*»)

Промежуточное положение занимают описания, в которых характеристики природы и человека неотделимы друг от друга. Сливаясь, эти описания дают единый образ:

Ой, вы, луга и дубравы, –
Я одурманен весной!
(«*Сыплет черемуха снегом...*»)

или:

Сядем в копны свежие под соседний стог
(«*Выткался на озере алый свет зари...*»)

В более редких случаях есть указание на конкретный день, обозначенный по народно-христианскому календарю:

Троицыно утро, утренний канон...
(«Троица»)

или:

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилики.
(«Кручина»)

Иногда в стихотворении отсутствует, какая-либо «земная» характеристика состояния природы, тогда ее заменяет «небесная». «Кроткая синева» неба и «легкокрылые облака» в стихотворении «Не с бурным ветром тучи тают...» соотносятся с весенне-летним периодом.

Вошедшие в есенинскую «Радуницу» стихотворения соотносятся с теплым временем года, точнее, с промежутком от весеннего до осеннего солнцестояния, когда продолжительность дня превосходит продолжительность ночи. Исключение – финал маленькой поэмы «Микола», в котором говорится о зимнем празднике «в честь угодника Миколы», приходящемся на 6 декабря (по старому стилю). В этом произведении дается довольно широкая временная характеристика: «Веток бисерный извив» – «Высоко стоит злотравье» – «Собирайте милость Божью / Спелой рожью в закрома» – «Осень рожи подожгла» – «На снегу звенят колосья / За косницами берез», то есть последовательно проходят весна, лето, осень и наступает зима. Для стихотворений «Радуницы» в соответствии с ее названием центральным становится весеннее обновление, то есть воскресения природы, круговорот годового природного цикла, где за смертью следует новое рождение.

По-иному раскрывается эта тема в произведениях, где речь идет о человеке. В стихотворении

«Не с бурным ветром тучи тают...» евангельская история соотносится с современными поэту событиями. Автор описывает второе пришествие Христа, но это не мрачные апокалиптические картины, а сошествие Христа (которому грозит новое распятие!) на землю, знаменующее собой коренное преобразование всей земной жизни, новое радостное соединение земного и небесного, человеческого и божественного. Этим стихотворением Есенин противостоит характерным для начала XX века идеям о богооставленности человека, предлагая свое прочтение пророчеств Иоанна:

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.
И, может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях крылья херувима,
А под пеньком голодный Спас.

В стихотворении «Край родной! Поля как святцы...» природный мир является не только фоном, но и активным действующим лицом философских размышлений о смысле бытия, о странническом пути человека на земле. Земная жизнь человека представлена как краткий миг:

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Но этот миг становится вечностью, ибо человек соединен с божественным и природным мирами. Чувством этого единства и вечности наполняется «тихая тайна» затаенных «в сердце мыслей»:

С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

В стихотворении не используется слово «смерть», но тема кратковременности пребывания человека на земле явственно присутствует. Именно это стихотворение, переработанное автором, откроет книгу Есенина «Березовый ситец» (1925). В этом издании приведенные нами слова можно будет сопоставить с финалом последнего стихотворения книги – «Не жалею, не зову, не плачу...» (далее идут поэмы «Русь» и «Пантократор»):

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.

Это свидетельствует о том, что мысль о кратковременности пребывания человека в этом земном мире была характерна для разных периодов творчества Есенина, а тема страннического пути человека на земле имела особую значимость.

Есть в «Радунце» и произведение, заканчивающееся смертью героини, – это стихотворение «Ты поила коня из горстей в поводу...», которое Есенин озаглавит позже «Подражанье песне»:

Ты поила коня из горстей в поводу,
Колыхалися бусинки в зыбком пруду.

Я смотрел из окошка на красный платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в кулюканье пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

В стихотворении «Поминки» Есенин обращается к поминальной обрядности. В этом тексте воспроизведены приметы поминок на кладбище:

Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвые жилища.
Словно снег, белеется коливо –
На помин небесным птахам пища.
Тащат галки рис с могилوک постный,
Вяжут нищие над сумками бечевки.
Причитают матери и крёстные,
Голосят невесты и золовки.

По камням, над толстым слоем пыли,
Вьется хмель, запутанный и клейкий.
Длинный поп в худой епитрахили
Подбирает черные копейки.

Под черед за скромным подаянъем
Ищут странницы отпетую могилу.
И поет дьячок за поминанъем:
«Раб усопших, Господи, помилуй».

Здесь, как и в приведенных выше произведениях, Есенин не использует само слово «смерть». Даже у мертвых есть свои «жилища», причем такие, которые посещают живущие на земле люди. Так происходит сближение этого земного и нездешнего миров. Связующим звеном между двумя мирами становятся птицы – «небесные птахи». Они являются и обитателями земли, и небесными странниками. Так Есенин еще теснее связывает земной и небесный миры.

В стихотворении «Кручина» о смерти не говорится, но ее предвещают приметы, которые наводят на девушку печаль:

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилики.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной:

На березке пообъедена кора, —
Выживают мыши девку со двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —
Ой, не любит черны косы домовый.

Смерть предвещает и природа:

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Волнуемая многочисленными предзнаменованиями, девушка проникается мыслью о неизбежности своей быстрой кончины:

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

Если в тех стихотворениях есенинской книги «Радуница», которые посвящены весеннему пробуждению природы и описанию годового цикла, нет трагического ощущения, поскольку смерть является залогом скорого весеннего возрождения, то в произведениях, где говорится о смерти людей, звучат трагизм, грусть, печаль от невозполнимой утраты.

«ЖИЗНЬ ТВОЯ У ГРОБА...»

На важность темы смерти для Есенина исследователи указывали давно. Более полувека назад В. Марков утверждал, что «основным и постоянным подводным течением поэзии Есенина, дающим окраску всему его творчеству, является тема смерти»¹¹⁵. Во многих есенинских текстах слово «смерть» табуировано, то есть автор вводит тему смерти, не используя слово, обозначающее понятие. Это призвано «скрыть» реальное событие смерти за его обрядовым переживанием, сделать смерть ритуально оформленной, преобразованной, «человеческой». Вместе с тем в этих же есенинских текстах настойчиво повторяется слово «жизнь» и производные от него. Например, в стихотворении «Воспоминание» («За окном, у ворот...») старик размышляет о прошедшей жизни:

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.

«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,

Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.
А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях
С грустью вспоминаю.

Погулял на веку,
Говорят, довольно.
Размахнуть старину
Не дают раздолья.

Полно, дескать, старик,
Не дури ты много,
Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.

Ну и что ж, покорюсь, —
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя.

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает.

В этом стихотворении автор вводит важное для мифологического сознания понятие о прожитом веке. Каждому человеку отмерен «свой век». Люди, «умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственною смертью»¹¹⁶, переходят в разряд заложных покойников. Им противопоставлены люди, пережившие свой век: по отношению к ним поминки могли справляться и при жизни. В стихотворении Есенина старик размышляет о своем земном пути. Показательно, что герой связывает свое мнение о завершенности жизни не с собственными ощущениями, а с устоявшимся мнением, то есть опирается именно на мифологическое понятие

«прожитого века» («Погулял на веку, / Говорят, довольно»).

В этом тексте слово «смерть» не употребляется. Примечательно, что даже тогда, когда речь идет о приближении смерти, используется слово «жизнь» («Жизнь твоя у гроба»).

Близко по тематике к этому произведению и стихотворение «Капли», в котором автор также обращается к мифологическому понятию прожитого века. Тема приближения смерти раскрывается и в этом стихотворении без использования табуированного слова. А слово «жизнь» пронизывает весь текст. В первой строфе слово «осень» и весь контекст создают картину увядания и печали, причем особенно значимой оказывается последняя строка. В ней не только используется слово «осень», но и намечается переход от изображения природных процессов к бытовой зарисовке, подразумевающей наличие антропного (человеческого) элемента:

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Первое слово второй строфы – «люди» – полностью переводит стихотворение в антропный план. В этой строке появляется и слово «жизнь»:

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Особенно интересна последняя строка («Нет утешенья вам в мире живых»). Это отрицание подразумевает наличие утешения в ином, нездешнем

мире. То есть перед нами еще один пример табуирования понятия, связанного со смертью, – через подключение слова с противоположным значением. Третья и четвертая строфы близки по построению первой и второй соответственно:

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

В стихотворении «О красном вечере задумалась дорога...» табуировано не только слово «смерть», но и отсутствуют какие-либо отличительные характеристики человека, покинувшего земной мир:

Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.
Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленный лист и золото травы.

Но Есенин не всегда табуирует слово «смерть». Ряд его текстов напрямую соотносится с похоронным обрядом, на что часто указывают уже названия стихотворений: «К покойнику», «У могилы», «Исповедь самоубийцы».

Первое из этих произведений включает описание похоронного обряда. Здесь же звучит и печаль о невозполнимой утрате:

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.

Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем.
Венки те красотою будут,
Могила будет в них сиять.
Друзья тебя не позабудут
И будут часто вспоминать.

Похороны, как отмечает А.К. Байбурин, это «перевод случайного, индивидуального события в разряд закономерного и типичного, т. е. преобразование события природного плана в «культурное»¹¹⁷. Именно такой переход от частного события к общему плану, связанному с восприятием антиномии «жизнь – смерть», характерен и для есенинского текста. Похороны, согласно мифологическому мышлению, делают факт смерти необратимым.

В стихотворении говорится об отсутствии ответа умершего «на зов наш зычный». Это вызывает ассоциации с весенней обрядовой традицией, праздником Радуницы, для которого характерны «оклички» мертвых. Так совмещаются жизненный и календарный циклы. Заканчивается стихотворение размышлениями о скоротечности земной жизни человека. Описываемое событие вызывает мысли о неизбежности смерти:

Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем к тебе.

Заметим, что и в этом стихотворении слово «смерть» ни разу не используется, в то время как употребляются другие слова и словосочетания, соотнесенные с темой смерти: «Чтоб ты не мог навеки встать»; «Где лишь бесчувственные спят».

Печалью наполнена «Исповедь самоубийцы». Герой этого стихотворения, прощаясь с матерью, вспоминает о прожитой жизни:

Простись со мною, мать моя,
Я умираю, гибну я!
Больную скорбь в груди храня,
Ты не оплакивай меня.
Не мог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил и что любил,
Я сам безумно отравил.
Своею гордою душой
Прошел я счастье стороной.
Я видел пролитую кровь
И проклинал веру и любовь.
Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравой полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне.
Я стер с чела печать земли,
Я выше трепетных в пыли.
И пусть живут рабы страстей –
Противна страсть душе моей.
Безумный мир, кошмарный сон.
А жизнь есть песня похорон.
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою.
А ты с тревогою больной
Не плачь напрасно надо мной.

Вероятно, несколько раньше, чем было написано это стихотворение, Есенин и сам предпринял неудавшуюся попытку самоубийства. Об этом он сообщил своей знакомой Марии Бальзамовой (письмо от 14 октября 1912 года). За несколько месяцев до этого семнадцатилетний начинающий поэт приехал в Москву. «Тяжело было, обидно переносить все, что сыпалось по моему адресу, – писал Есенин. – Надо мной смеялись, потом и над тобой. <...>

Я, огорченный всем после всего, на мгновение поддался этому и даже почти сам сознал свое ничтожество. И мне стало обидно на себя. Я не вынес того, что про меня болтали пустые языки, и... теперь от того болит моя грудь. Я выпил, хотя не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена. Я был в сознании, но передо мной немного все застилалось какою-то мутною дымкой. Потом, я сам не знаю, почему, вдруг начал пить молоко, и все прошло, хотя не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять все прошло, и никто ничего-ничего не узнал. Конечно, виноват я и сам, что поддался лживому ничтожеству, и виноваты и они со своею ложью». Не сохранись это письмо в архиве девушки (а Есенин просил ее позже уничтожить все отправленные ей письма), и мы не узнали бы об этом юношеском поступке Есенина.

Размышления о самоубийстве есть и в другом письме Есенина Марии Бальзамовой, написанном несколько позже – в 1913 году. Поэт, размышляя о современной ему жизни, ощущает одиночество и тоску. «Жизнь идет не по тому направлению, и люди, влекомые ее шумным потоком, не в силах сопротивляться ей и исчезают в водовороте ее жуткой и страшной пропасти, – пишет Есенин. – К чему жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души. Я один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой. Будь это мужчина или женщина, я все равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошел бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения.

Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы – жизни, как чистые хрустальные волны моря.

Я не могу придумать, что со мной. Но если так продолжится еще – я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую».

Конечно, нельзя не учитывать, что Есенин отправлял это письмо девушке, которой не раз, в том числе и в сохранившихся письмах, объяснялся в любви. Противопоставляя свою чистую душу окружающим низким и ничтожным людям, Есенин хотел вызвать внимание к себе, возвыситься в глазах возлюбленной. Вот, например, свидетельствующий об этом отрывок из есенинского письма от 1 июня 1913 года: «Милая Маня! Благодарю, благодарю глубоко и сердечно за твое великодушие. Я знаю, ты, конечно, уже все слышала о последнем моем периоде жизни. Маня, я искренне жалею, что не пришлось довершить до конца этих святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды. Кто знает, может быть, это самые высокие идеалы, которых еще пугается человечество, но раз им не пришлось осуществиться, так предоставим их разбирать уже дальнейшему поколению. Воли у меня хватило бы идти на крест, но силы душевной и телесной совершенно был лишен я. Ну... Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему поднимать старые раны!.. Ох, как тяжело, Маня! Да и зачем я буду мучить себя.

Слишком больно!»

Впрочем, Есенин в это время, поселившись в Москве, вел довольно активную политическую деятельность, распространяя среди рабочих социал-демократический журнал «Огни», уча-

ствуя в нелегальных собраниях. За ним было даже установлено на время филерское наблюдение. Так что слова о следовании «самым высоким идеалам» были подкреплены вполне конкретными делами.

Но вернемся к есенинской поэзии. В стихотворении «Русалка под Новый год» безответная любовь девушки вызывает у нее мысль о самоубийстве и вместе с тем веру в обязательность весеннего воскресения в образе русалки:

Ты не любишь меня, милый голубь,
Не со мной ты воркуешь, с другою.
Ах, пойду я к реке под горою,
Кинусь с берега в черную прорубь.

Не отыщет никто мои кости,
Я русалкой вернуся весною.
Приведешь ты коня к водопою,
И коня напою я из горсти.

Запою я тебе втихомолку,
Как живу я царевной, тоскую,
Заману я тебя, заколдую,
Уведу коня в струи за холку!

Ой, как терем стоит под водою —
Там играют русалочки в жмурки, —
Изо льда он, а окна-конурки
В сизых рамах горят под слюдою.

На постель я травы натаскаю,
Положу я тебя с собой рядом.
Буду тешить тебя своим взглядом,
Зацелую тебя, заласкаю!

Хотя безответная любовь вызывает стремление к самоубийству, оно не осуществляется. Возникает желание соединиться с возлюбленным через смерть: девушка, совершив самоубийство, должна обратиться русалкой и заманить дорогого ей человека на брачное ложе.

Интересно стихотворение «Занеслись залетною пташкой...», впервые напечатанное в составе подборки «Русь». Сам текст, а также название подборки свидетельствуют о том, что это произведение обращено к Руси:

Занеслись залетною пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.

Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.

Как контекст стихотворения, так и широкий историко-культурный контекст эпохи позволяет говорить о соотнесенности этих строк с событиями Первой мировой войны. В них утверждается готовность России к гибели и одновременно невозможность, неосуществимость этой гибели; о превращении этой смерти России в ее воскрешение в новом обличье.

В последних строках стихотворения Русь предстает как находящаяся в раю, то есть в ином мире:

А ты из светлого рая,
В ризах белее дня...

То есть в этом раннем есенинском тексте, впервые опубликованном в декабре 1915 года, намечается основная тематика маленьких поэм революционного периода.

Особенности авторского видения мира ярко проявляются в стихотворении «Не напрасно дули ветры...». Если в ряде произведений появляется образ «отчалившей Руси», то здесь мы видим самоопределение лирического героя:

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

«Родительский очаг» — понятие очень важное и для поэзии Есенина, и для русской духовной и культурной традиции. Оно свидетельствует о единстве восприятия почитаемых умерших предков и ныне живущих, объемлет собой земной и небесный, нездешний, миры. Именно единство, целостность, взаимодействие и взаимопроницаемость этих миров и приводит к пониманию вечности. Видение «мира и вечности» у Есенина глубоко оптимистично:

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

Если в большинстве стихотворений, о которых мы сейчас говорили, понятия смерти и воскрешения соотносятся с жизнью и смертью отдельных

людей, то в маленьких поэмах революционного периода процессы смерти и воскрешения приобретают космические масштабы. В этих произведениях автор делает попытку моделирования нового сакрального пространства, нового мира. Здесь новое рождение является следствием смерти. Акцентируя внимание на гибели старого мира, Есенин вспоминает о его крушениях с нескрываемой грустью. Это объясняется тем, что поэт стремится утвердить новое, свое мифопоэтическое пространство, делая акцент на процессе не распада, а собирания значимых для автора как поэта и человека фрагментов, образовавшихся в результате этого распада.

Маленькие поэмы Есенина революционного периода – это попытка создания «великих» текстов, которые, по меткому слову В.Н. Топорова, «есть осуществление права на ту внутреннюю свободу, которая и создает «новое пространство и новое время», т. е. новую сферу бытия, понимаемую как преодоление тварности и смерти, как образ вечной жизни и бессмертия».

Прежде чем обратиться к маленьким поэмам, отметим еще нескольких ранних есенинских стихотворений. В напечатанном впервые в марте 1917 года в газете «Дело народа» (дата: «1915») стихотворении «Наша вера не погасла...» поэт обращается к судьбе родины.

Здесь заметно отталкивание от стихотворений, вошедших в первое издание есенинской книги «Радуница», и некоторых других ранних произведений. Одна из основных тем «Радуницы» – тема страннического, богомольного пути. В стихотворении «Наша вера не погасла...» поэт также говорит о пути, но не о пути странника или святого, а о совершаемом Россией. Причем это движение не имеет четкого пространственного вектора, даже путь к раю, то

есть, казалось бы, в определенном направлении, не может быть представлен одной «тропой». Утверждается множественность дорог и, таким образом, показана сложность и противоречивость мира:

Наша вера не погасла,
Святы песни и псалмы.
Льется солнечное масло
На зеленые холмы.

Верю, родина, я знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведет нас к раю
Богомольная тропа.

Если в первой строфе утверждается мысль о святости «песен и псалмов», святости и божественности природы, то во второй показана «легкость» движения России в будущее. Используемые здесь слова «вера» и «верю» подчеркивают запредельный обыденному пониманию смысл движения России. И одновременно в восприятии лирического героя происходит слияние веры и знания («верю, родина, я знаю»), то есть обретается целостность восприятия мира, характерная для пророчества.

В третьей, центральной, строфе стихотворения множественность путей еще более актуализируется, причем выделятся один — лишенный счастья:

Все пути твои — в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.

Этот путь конкретно не обозначен и не раскрыт. Он лишен счастья (в обыденном понимании этого слова). Но несчастье компенсируется тем, что этот путь проторен теми, кто разгадал

«новый свет». Это один из путей, ведущих «нас к раю».

В следующем четверостишии представлены приметы, характеризующие этот лишенный счастья путь:

Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты – казематы
Да железный звон цепей.

В финальной строфе, обращенной к родине, определяет свой путь и лирический герой, который отвергает богомольную тропу: тропу любви, жизни, счастья, – и принимает путь, ведущий к «новому свету», но соотносимый с казематами, несчастьем, гибелью. Таким образом, в дилемме «жизнь – смерть» он тяготеет к последней, но это определяется не отсутствием жизненной энергии (как было в некоторых из рассмотренных ранее стихотворений Есенина), а связано с осознанным выбором, с желанием приобщиться к «разгадавшим новый свет». Лирическим героем руководит стремление к открытию нового, жажда поиска не изведенного еще им самим, но открытого другими пути:

Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.

Сходная тематика, вновь связанная с обращением лирического героя к родине, развивается и в стихотворении «Не в моего ты Бога верила...», впервые опубликованном в феврале 1916 года в газете «Петроградский вечер». В начале этого текста заметно отталкивание лирического героя от

пути России, нарочито декларируется противостояние:

Не в моего ты Бога верила,
Россия, родина моя!
Ты как колдунья дали мерила,
И был как пасынок твой я.

Однако это столь резкое противоречие не только сглаживается в последующем тексте, но и преображается в обращение к родине с просьбой быть «матерью напутною». Таким образом, считающий себя пасынком, лирический герой просит восстановить свое исконное сыновство. Здесь лирический герой вновь находится в пути, но его путь не тождественен, а скорее противоположен пути России. Этот путь осознан и ясно понят лирическим героем. Обращение к России необходимо ему не для того, чтобы как-то изменить или хотя бы скорректировать свой путь, а для того, чтобы направить на этот путь, избранный лирическим героем, Россию. Причем подчеркивается «охладелость», «сонливость» родины, то есть ее явная неспособность самостоятельно выбрать направление своего движения. Здесь лирический герой выступает в качестве пророка, предлагающего единственно верный путь:

Боец забыл отвагу смелую,
Пророк одрях и стал слепой.
О, дай мне руку охладелую –
Идти единою тропой.

Пойдем, пойдем, царевна сонная,
К веселой вере и одной,
Где светит радость испоконная
Неопалимой купиной.

Не клонь главы на грудь могучую
И не пугайся вещим сном.

О, будь мне матерью напутною
В моем паденье роковом.

Для прояснения образов этого стихотворения важно упоминание Неопалимой купины. Известно что, «горящая, но не сгорающая купина – это Мать Божия, пребывавшая нетленной и по воплощении и рождении от Нее Сына Божия»¹¹⁸. К тому же «такое название носит одна из чудотворных икон Божией Матери, празднование в честь коей совершается 4-го сентября»¹¹⁹. Последнее позволяет соотнести слово «радость» с наименованием другой иконы Богоматери: «Всех Скорбящих Радость». Для стихотворения характерно наложение двух образов: родины-матери и Богоматери. Это приводит в последнем четверостишии к полному неразличению этих образов. Если общий контекст стихотворения соотносится с Россией, то микроконтекст, включающий процитированный фрагмент, в том числе строку «Не клонь главы на грудь могутную» с явной антропоморфной характеристикой, – с Богоматерью. Нельзя не учитывать и того, что иконописная традиция чаще всего соединяет Богоматерь с Сыном, сидящим у Нее на руках, поэтому можно говорить о том, что в этом произведении происходит сближение лирического героя с Христом, Которого Мать отпускает в реальный земной мир, – и тогда это действительно «паденье роковое». Но такой финал стихотворения позволяет по-иному взглянуть и на весь текст, относя его в глубь веков. Характерно, что в этом произведении, построенном на стыке прошлого и будущего, практически отсутствует настоящее время, что переводит изображаемую картину из реального исторического времени, современного ав-

тору, в иной, вневременной план, сопредельный мифологическому.

Интересно сопоставить стихотворения «Не в моего ты Бога верила...» и «Колокольчик сребровонный...», написанные примерно в одно время. В последнем произведении более явно ощущается сближение лирического героя с Христом:

Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.

Во второй, центральной, строфе идет расподобление Младенца Христа и лирического героя, но именно это расподобление красноречиво говорит об их соотнесенности в есенинском произведении:

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Точнее говоря, с помощью частицы «пусть» отмечается только возможность такого расподобления, но не его реальность и обязательность.

Процитированный вариант впервые появился в книге «Голубень» 1920 года, более ранний публиковался во втором выпуске «Скифы», и в книге Есенина «Голубень» 1918 года. Этот ранний вариант характеризуется прямым следованием иконописному образу. Читатель не мог при этом не идентифицировать лирического героя с Младенцем Христом:

Пусть не я тот нежный отрок,
В плеске крыльев голубиных.
Сон мой радостен и кроток
На руках твоих невинных.

В последних двух процитированных строках развивается мотив сна, который намечен уже в начале текста:

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?

В раннем варианте более явственно звучит и этот мотив. Стихотворение начиналось строками:

Песня, луг, реки затоны, –
Эта жизнь мне только снится.

Здесь утверждается нереальность для лирического героя именно земной жизни, которая отождествляется со сном. Актуализация состояния сна в раннем варианте стихотворения – еще одно средство, используемое для сближения лирического героя с Христом. Все это создает картину условности, нереальности происходящего:

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

Тайна, которую стремится высказать в стихотворении автор, невыразима словами, то есть она так и остается нераскрываемой. Если жизнь воспринимается как сон, то желание «никогда не просыпаться» – это стремление не к смерти, а к вечной жизни. Обращение же «научи» воспринимается как призыв к Богу, исходящий как от понимаемого во вневременном плане Христа, так и от лирического героя.

Ближние темы рассматриваются в стихотворении Есенина 1917 года «Проплясал, проплакал

дождь весенний...». Здесь говорится о том, что поэтическое слово не может противостоять смерти, реализовать идею о воскресении умерших, и потому становится невозможным объединение земного и небесного миров:

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, зная, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

Внимательно ознакомившись с ранним есенинским творчеством, мы видим, для некоторых стихотворений важен мотив пророчества, характерно сближение лирического героя с Христом, обращенность к иконописной традиции. Одной из центральных является и тема смерти. Часто эта тема вводится автором без упоминания самого слова «смерть» (как, к примеру, «жизнь моя у гроба»). Поэтому работы некоторых литературоведов, занимающихся исследованием творчества Есенина, порой вызывают недоумение, когда они начинают пересчитывать, сколько раз слово «смерть» использовано Есениным на протяжении того или иного года. И на основе этого подсчета делают свои выводы, которые считают научно обоснованными. Но ведь речь идет не о словарном употреблении слов, а о поэтическом творчестве, о поэтическом восприятии мира, о воплощении в образах есенинского мировосприятия. Невозможно понять Есенина на основе арифметических расчетов, подсчетов, как часто употреблял поэт в те или иные годы определенное слово, какой цве-

товой палитре отдавал предпочтение. Это, конечно, важный материал при попытке раскрытия замыслов поэта. Но это материал вспомогательный, промежуточный, один из этапов исследования. И потому-то выставление подобных работ на всеобщее обозрение вызывает впечатление неряшливости, а то и некоторой научной недобросовестности. В есенинском слове и в контексте его произведений скрыто множество смыслов, в том числе и неизреченных, пробиваться к раскрытию тайны есенинского слова предстоит еще долго. И каждому добросовестному и вдумчивому читателю его стихотворений будет наградой открытие – открытие новых образов, новых смысловых связей, переключек с творчеством современников, выявление того, сколь широко и глубоко проникли в есенинскую словесную ткань традиции его великих предшественников.

ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ – ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Тема смерти особенно ярко проявилась в творчестве Есенина 1917–1918 годов. В маленьких поэмах этого периода эта тема проявляется на самых разных уровнях, ведь речь идет о создании нового вероучения, творении нового мира и нового космоса. Ощущение роли поэта-пророка было характерно для Есенина, начиная с первых стихотворений. В июне 1913 года Есенин сообщил из Москвы другу юности Григорию Панфилову о завершении работы над стихотворением «Пророк»:

«Пророк» мой кончен, слава Богу,
Мне надоело уж писать.

В своем стремлении к пророчеству Сергей Есенин следовал общему направлению русской литературы. Значительным оказалось влияние на творчество Есенина этого периода близких ему по мировосприятию людей, создавших группу «Скифы» и выпустивших одноименные сборники. Из «скифов» Есенину были наиболее близки Андрей Белый и Иванов-Разумник. Для них тема нового мироустройства была чрезвычайно важна, начиная с 1900-х годов, причем особая роль в

выработке этого мировоззрения отводилась творчески активному человеку. «Мы должны забыть настоящее, – писал Андрей Белый в статье «Будущее искусство», впервые опубликованной в 1910 году, – мы должны все снова пересоздать: для этого мы должны создать самих себя.

И единственная круча, по которой мы можем еще карабкаться, это мы сами.

На вершине нас ждет наше «я»¹²⁰.

В группу «Скифы» в большинстве своем объединились люди, относящиеся, говоря словами Андрея Белого, «с ужасом ко всякой партийной распре». Ожидая всемирную духовную революцию, стремились увидеть ее зримое осуществление в происходящем в России и Белый, и Есенин, и Блок, и Иванов-Разумник. Их идеал, как отметил Л.К. Долгополов, говоря об Андрее Белом, «был в большей степени идеал мысли, нежели идеал жизни»¹²¹. «<...> революция начинается в духе, – писал Андрей Белый в книге 1917 года «Революция и культура», – в ней мы видим восстание на материальную плоть»¹²². Как начало грядущей революции духа, идущей вслед за революцией политической и социальной, были восприняты события 1917 года и Есениным. «Не только февральскую, но и октябрьскую революцию 1917 года Николай Клюев вместе с Сергеем Есениным, Александром Блоком и немногими другими встретил восторженно: политическая революция должна была углубиться до социальной»¹²³, – вспоминал Иванов-Разумник в «Писательских судьбах». На смену христианству, которое, как считали «скифы», во многом утратило свою былую силу и чистоту, должно прийти новое вероучение. В статье «Россия и Инония» Иванов-Разумник говорил о новой «вселенской идее», второй «мировой волне», идущей вслед за

христианством. Это «религиозная идея Социализма, новой веры и нового знания»¹²⁴. Еще в годы первой русской революции Андрей Белый выступал за соединение «представителей нового религиозного знания» с социал-демократами: «Оба течения стремятся навстречу. В час социального переворота, которого ждет человечество с ужасом и восторгом, они встретятся лицом к лицу. Социальный переворот откроет дверь в царство свободы, освободит внутреннюю силу человечества, извне связанную доселе, очистит место религиозному строительству. Новое религиозное сознание сокровенный смысл своих символов начертает на образе бытия (низведет небо на землю)»¹²⁵. В той же работе Андрей Белый, говоря о представителях двух направлений общественной мысли, подчеркивал: «Те и другие религиозны. Те и другие революционны»¹²⁶.

Одной из ведущих задач «скифов» было не просто участие в происходящих революционных событиях, а выработка новой религиозной системы, напрямую соотносимой с христианством первых веков его существования, но никоим образом не тождественной современному им православию. Эта обращенность к религиозным поискам позволила игумену Геннадию Эйколовичу говорить о мессианстве «скифства», которое, однако, по мнению священника, «теряет уже свои христианские черты и приобретает черты языческие»¹²⁷. Пафос «скифства» выливался в предчувствие всемирной духовной революции. Как отметила Е.А. Дьякова, «в 1917 г. задача выработки «нового мирозерцания», создания нового содержания для новых форм приобрела для Иванова-Разумника и его соратников по «скифству» особую актуальность»¹²⁸.

Любому строительству, а тем более строительству ритуально знаменательному, в древних обществах предшествовала строительная жертва. В случае духовной революции, идущей, как верили «скифы», из недр России, она и становится такой жертвой. Наверное, наиболее четко эту мысль выразил Андрей Белый в письме к Иванову-Разумнику от 2 мая 1917 года: «Я давно стараюсь всюду вдабливать «великолепнейшим» людям <...> что: 1) мы переживаем начало мирового переворота, 2) Россия впервые, быть может, вступает в свою колею, 3) «двоевластие» есть начало совершенно нового, небывалого строительства <...> 9) что Россия рождает «дитя», 10) нам надо рассыпаться на маленькие единицы (Федеративная Республика – лишь начало этого движения), 11) что рассыпаться страшно, но если мы не обрушимся («не умрем»), то не обрушим «старый мир» Европы, ЧТО МЫ ВОСКРЕСНЕМ: И – ПОЛОЖИМ НАЧАЛО ВОСКРЕСЕНИЯ!» И далее в том же письме: «Поймите: ведь Россию я люблю всей силой души». Эту тему жертвоприношения России для строительства «нового мира», для осуществления «революции Духа», в близость которой Андрей Белый, по его словам, верил до 1919 года, развивает и следующее письмо к тому же адресату: «<...> тезис моей мысли: «Взыгрался младенец во чреве...» России. Может умереть мать: младенец будет жив на удивление всему миру; может умереть он; и – выживет мать. Может быть, будут живы и мать, и младенец. Младенец – «мировой»: новая культура (прорезь «Манаса» в действительности); в случае жизни матери и смерти новорожденного – старая культура (Нео-Китай, Нео-Атлантида); в третьем случае: Россия, как ряд федераций, явит миру новые формы жизни, вплоть до социальной».

Андрею Белому вторит Иванов-Разумник в статье «Россия и Инония»: «Гибнет географическая родина, гибнет великодержавное отечество. И в гибели его только нарождается, только укрепляется отечество внутреннее, родина духовная, через которые только и может пройти в мир во всякой стране вселенская идея наших дней. И гибель той России есть не победа, а поражение старого мира, столь извне победоносного»¹²⁹.

Центральными понятиями, к которым обращаются «скифы», являются «смерть» и «воскрешение» – понятия, фундаментальные для любой религиозной системы и, соответственно, для творимого «скифами» нового вероучения. Тема смерти и воскрешения важна для есенинских маленьких поэм революционного периода. Их мы будем рассматривать в той последовательности, в которой они сгруппированы автором для второго тома ставшего посмертным собрания.

Первой Есенин поместил в том маленькую поэму «Певущий зов», датированную апрелем 1917 года. В словаре В.И. Даля слово «зов» рассматривается как производное от глагола «звать», то есть «взывать, восклицать, кричать о помощи», «кликать, призывать; подзывать, приглашать; именовать, называть, чествовать по имени»¹³⁰. Необычно второе слово в заглавии этого произведения – певущий. В словаре В.И. Даля его нет, слово же «певучий» объясняется исходя из ряда контекстов: «певучий голос – мягкий, приятный, с напевом»; «певучий напев – плавный или зыбкий, приятный и сродный для певчего голоса»; «певучий стих – звучный, плавный, мягкий»¹³¹. Исходя из толкований слов «певучий» и «зов» В.И. Далем и учитывая текст произведения, можно рассматривать смысл названия следующим образом: звуч-

ный призыв, возвешение, поэтическое, напевное провозглашение.

Произведение открывается призывом «Радуйтесь!», напрямую соотносимым со словами Христа после Его воскресения, то есть с Пасхой, «высочайшим, радостнейшим и вместе с тем древнейшим христианским праздником»¹³². Этот призыв сразу же вводит читателя в русло христианской традиции, в которой произведение развивается и в дальнейшем:

Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели,
И змея потеряла
Жало.

Новая купель символизирует новое крещение, сближаемое с православным таинством, так как купель используется именно для православного крестильного обряда. Слово «змея», имеющее символическую соотнесенность с различными понятиями, в данном случае сближается с рядом, имеющим негативные оттенки (смерть и змея). Утрата змеей свойственных ей качеств («змея потеряла жало») усиливает оптимистическое звучание строк.

Следующие строки переносят действие в Россию. Поэт соединяет два разновременных пласта: христианскую историю и реальные события, происходящие в современной ему России. Грань между историческим событием и современностью стирается:

О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья ее,

Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, –
Хвалите Бога!

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет
Перед вами.
Уже славят пастыри
Его утро.
Свет за горами...

Сгинь, ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!

Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Отуманенного взора
На устах твоих покров.

Все упрямей, все напрасней
Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в яслях
Твоему сказать Христу!

В оценке начала революции как чуда Есенин близок многим своим современникам, в том числе и «скифам». Например, А. Белый писал в письме от 2 мая 1917 года Иванову-Разумнику: «Факт бытия нашего от начала Революции – чудо: но действительно «жутко» жить в чуде». «Английское юдо» воспринимается в этом произведении как образ «старого мира», противостоящего стихийности, революционности, «скифству». Об этом же говорится во вступлении к первому сборнику «Скифы», где «скиф» противопоставляется «всесветному», «интернациональному», «вечному» мещанину»¹³³.

Затем в маленькой поэме преобладающей становится новозаветная тематика. Мы вспоминаем об описании в Библии рождения Христа, о котором возвестила «звезда Востока», избиении Иродом 14 тысяч вифлеемских младенцев. Причем Есенин здесь не просто описывает события, а утверждает:

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев...

В есенинском тексте упомянута Саломея. Этого имени нет в канонических библейских текстах, где о ней говорится только как о «дочери Иродиады». О Саломее упоминает Флавий. Есть у Есенина и отсылка к Никифору, где рассказывается о страшной смерти Саломеи. Используя для обращения к Саломее глаголы настоящего времени, лирический герой выступает и как прорицатель будущего, которому известно о предстоящем возмездии:

«Пляши, Саломея, пляши!»
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души, –
Но близок твой час расплаты!

Следующий эпизод связан с усекновением головы Иоанна Предтечи и имеет основой Евангелия от Матфея (глава 14) и от Марка (глава 6):

Уже встал Иоанн,
Изможденный от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят
Его уста,

Снова грозят
Содому:
«Опомнитесь!»

Приводя эту цитату, Н.К. Гудзий отмечал, что поэт, видимо, основывался в своем произведении на «иконописном изображении Иоанна Крестителя, изображающегося держащим свою собственную голову»¹³⁴.

В канонических евангельских текстах нет указаний на воскресение Иоанна Крестителя. Эта мысль звучит лишь в словах Ирода, который, узнав о делах, совершаемых Христом, полагает, что это чудеса, творимые воскресшим Иоанном. Именно эти слова Ирода и вызывают рассказ пророков Матфея и Марка о смерти Иоанна Предтечи. Нет в евангельских текстах и указаний на то, что Иоанн был «изможденным от ран»: Ирод «послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей» (Мф., 14: 10–11). Есенин, основываясь на канонических и неканонических евангельских текстах, ввел в произведение собственную интерпретацию новозаветных событий.

В заключительной части произведения возобновляется прямое обращение лирического героя:

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы – яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы – гроздья винограда
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла, и света!

Сначала, обращаясь к людям, лирический герой начинает говорить от имени этих людей-братьев. Здесь замечен переход к прямой проповеди, обращенной к миру, хотя она и начинается с конкретного адресата – «бесстрашного, кровожадного витязя», в котором виден антипод неназванного «Кого-то»:

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых – сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

Маленькая поэма завершается призывом к любви и вере, то есть идет опора на важнейшие библейские заповеди, а «Кто-то мудрый, несказанный» становится тождественен Богу, Которого лирический герой не только всецело приемлет, но и пророком Которого выступает.

Живущие и мертвые воспринимаются в неразрывном единстве, причем мертвым свойственен «сон во гробе», то есть такое состояние, которое не отрицает пробуждения-воскрешения. Напомним, что обращение к предкам – «спящим глубоко» – содержится и в центральной части маленькой поэмы.

Вторая в есенинском втором томе, но первая по времени написания из маленьких поэм рево-

люционного периода – «Товарищ». Это произведение имеет повествовательный зачин:

Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.

Трагизм нарастает постепенно, что подчеркивает переход от «повествовательности» к открытому обращению-призыву, значимость которого подчеркивает и резкий перелом ритмической структуры. Этот перелом, не единственный в тексте, акцентирует внимание на ключевом моменте произведения – смерти Христа и утверждении о необратимости этой смерти. Здесь, как и во многих других произведениях революционного периода, наблюдается совмещение реального исторического и вневременного планов. Так, Н. Клюев в стихотворении «Двенадцать месяцев в году...», опубликованном во втором сборнике «Скифы», писал:

Он – воскрешенный Иисус
Народ родной страны.

Есенин соотносит реальные исторические события с эпохой первых веков христианства. То же видим и в статье Иванова-Разумника «Россия и Инония». Рассматривая поэму Андрея Белого «Христос воскрес», критик отмечал: «О каких «новозаветных летах» говорит поэт – о тех ли, которые были двадцать веков назад или наступают в наши дни? О тех и о нынешних, ибо одинаково происходит в них новое рождение вселенской идеи»¹³⁵. Это же подчеркивал и Андрей Белый в предисловии к берлинскому тому «Стихотворений»: «Современность – лишь внешний покров поэмы. Ее внутреннее ядро не знает времени»¹³⁶.

В этой же работе автор, опираясь на христианскую догматику, отмечает взаимосвязь смерти и воскресения: «Приятие распятия пресуществляет тему смерти в тему воскресения; в этой теме каждое «Я» или Ich становится I. Ch. – монограммой божественного «Я».

Это стирание граней между реальным и библейским временем, между земным и иным мирами значимо для маленькой поэмы Есенина «Товарищ». Новое сошествие Христа на землю – это начало исполнения апокалиптических пророчеств Иоанна Богослова. Отсюда и трагизм восприятия происходящих событий. Приятие вести о невоскресении по сути означает отказ от христианства, замену его новым мировым вероучением. Отречение от основ христианства неминуемо ведет к замене его новой религиозной системой. Но что несет отказ от христианства миру? Впервые, гибель Мартина, «товарища» Иисуса. Еще в начале маленькой поэмы автор отметил, что «повесть о нем очень короткая». В финале наступает смерть последнего из трех главных героев этого произведения:

Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

В есенинском тексте Мартин предстает как символ будущего, это выражено в словах его отца:

«Вырастешь, – говорил он, – поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»

Гибель Христа и Мартина – предупреждение о трагичности происходящих революционных событий.

Во-вторых, теряется историческая глубина, на первый план выходит торжество конкретных событий. Контрастирует со всем остальным текстом финал маленькой поэмы:

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Пре-эс-пуу-ублика!»

Веру в воскресение, в духовное преображение мира незаметно подменило стремление к решению реальной исторической задачи – установлению республики.

В вихре революции погибают герои, символизирующие и мир христианства, и мир социализма (сравним также со строфой: «Но вот под тесовым / Окном – / Два ветра взмахнули / Крылом»). Однако смерть физическая не является абсолютным концом. В тексте появляется обобщенный образ «кого-то»:

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час...
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он незадаром прожил,
Недаром мям цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Надежды конкретного человека не осуществились, но устремленность к ним души осталась.

Есенин утверждает ценность человеческой личности, индивидуальности. «Кто-то» умерший был, как видно из последних процитированных строк, духовно выше оставшихся в живых. Это противопоставление погибших созерцателям («вам») соотносится с предлагаемым Ивановым-Разумником делением человечества на эллинов и скифов, стоящих в оппозиции к всесветному мещанину.

В звоне «железного слова» нет жизни, нет человеческой мягкости. Эпитет «железное», понимаемый Есениным как отрицательная характеристика, свойственная городскому, анти- и внеприродному миру, противостоит в творчестве поэта исконно русскому, деревенскому, близкому природе. «Железное» – это мертвое, безжизненное, враждебное.

Интересно, что во втором сборнике «Скифы» после «Товарища», открывающего есенинский «Стихослов», помещена маленькая поэма «Ус», датированная 1914 годом. Главный герой этого произведения («О другой он земле гадает, / О других небесах вздыхает») после смерти воплощается в Христа на иконе. «Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом» – верит мать Уса. Человек, устремленный к иному миру, воскресает, приобщаясь к вечности. Значимость этого перехода для мифопоэтической системы Есенина подчеркивается и созвучием имен: Ус – Иисус.

В произведениях, написанных Есениным в разные годы, существует переход между мирами: идущий по дорогам земли Христос – иконописный образ Младенца – человек. В маленьких поэмах Иисус не только символически, но и реально сопричастен происходящим на земле событиям. Он становится не только их наблюдателем, но и участником. Если в «Усе» герой воплощается в

иконописного Христа, то в «Товарище» Христос оставляет икону, причем оставляет ее навсегда. Возникает неполнота иконы, зияние:

И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Иисус на землю
С неколебимых рук

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина. <...>

А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну..

Интересную параллель этому тексту дает стихотворение Н. Клюева «Медный кит». Оно перекликается с есенинскими текстами:

Всепетая Матерь сбежала с иконы,
Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать...

Здесь также возникает значимое зияние на иконе, но покидает ее Богоматерь. Клюевский текст – это полемика с «Товарищем».

Если смерть Уса не разрушает целостности мира, то смерть главных героев «Товарища» знаменует уничтожение христианского мировосприятия в ходе революционных событий, не только несущих гибель, но и отрицающих саму возможность грядущего воскресения. В маленькой поэме «Ус» мечты главного героя о другой земле и других небесах осуществились, в «Товарище» мечтам Христа и Мартина «про вечный, вольный рок» не дано реализоваться ни на земле, ни после смерти.

Гибель Христа и сына рабочего – крушение этой мечты. Христос и Мартин, будучи мечтателями, поверили в «февральский ветерок», который «нежил вежды», но оказался обманчивым, как и тепло февраля. Реальность оказалась суровее и трагичнее мечтаний о будущем.

После смерти Христа и Мартина ночь сомкнулась, освещают ее иногда лишь огни выстрелов, несущих смерть:

Но вдруг огни сверкнули...
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

В июне 1917 года в Константинове Есенин написал третью из маленьких поэм революционного периода – «Отчарь». Ее название можно соотнести со словом «отец». Вряд ли есть основания согласиться с В.П. Гарниным, производящим слово «отчарь» от «отчарованный», «т. е. отчаянный, разбойный, пошедший на крайний шаг во имя свободы, скинувший бремя неволи российский крестьянин»¹³⁷. В есенинском произведении подчеркивается, что «отчарь» «несказанен и мудр», что он является чудотворцем, который, правда, весной «взыграл как поток». Л.А. Киселева соотносит «отчарь» с «овчарь» от «овча», тогда название маленькой поэмы можно понимать как «мудрый пастырь».

Если в «Товарище» поэт говорил о революции в городе, то тема его нового произведения – обновление деревенской жизни. Происходит возвращение лирического героя на родину, в свое отечество, к отчарю-мужику:

Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужик!

Отчарь – это сеятель и хранитель земли, ее хозяин, представитель Отца Небесного на земле. Не случайно обращение к нему как к чудотворцу, «Приявшему в корузные руки / Младенца нежного». Младенец Иисус, приходящий на землю, становится участником реальных исторических событий. Но это и дитя, рожденное в революцию. Такое понимание созвучно мыслям Андрея Белого из его письма Иванову-Разумнику от мая 1917 года («Взыгрался младенец во чреве <...> России»). Так вновь в есенинском произведении соединяются христианские и революционные мотивы.

Уже в первой главке маленькой поэмы возникает сопоставление, пока скрытое, этого и иного миров:

Гибельной свободы
В этом мире нет.

Для земной жизни свобода, несущая гибель, не является подлинной. Человек должен стать активнейшим действующим лицом истории, не зрителем, а преобразователем. Звучит призыв к отчарю:

. Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Не сорвется с неба
Звездная дуга!

Воплощающаяся жажда преобразований не может ограничиться не только российскими, но и земными масштабами и выходит на космический уровень. Полностью должна измениться вся жизнь. Источником, движущей силой этих преобразований в маленькой поэме Есенина стано-

вится мужик – отчарь – чудотворец. Именно он объединяет в себе силы земли и неба. Во втором сборнике «Скифы» Есенин писал:

Под облачным древом
Привык ты к громам;
Синеют напевы
По звездным горам.

Отчарь устремлен к небу, но живет на земле, звуки неба близки и привычны для него. Позже Есенин переработал эти строки:

Под облачным древом
Верхом на луне
Февральской метелью
Ревешь ты во мне.

Создав более сложный образ, автор в позднем варианте подчеркивает хаотичность революции и акцентирует внимание на родственности лирического героя и отчаря. Используются образы, показывающие древность корней отчаря, связывающих его с родной землей. Это и «седой огневик», который учил вере отчаря, и Аника, герой народных легенд, драм и поговорок, и «двуперстный крест» старообрядчества.

Интересно, что лирический герой выводит свою родословную из родословной отчаря-чудотворца:

Я сын твой,
Выросший как ветла
При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр.

По седидам твоим
Узнаю, что был снег

На полях
И поёмах.
По глазам голубым
Слаблю
Красное
Лето.

Чудотворец – это не только хранитель языческой и старообрядческой культуры, но и сын природы. Отчарь-мужик становится преобразователем мира:

И горит на плечах
Необъемлемый шар!..

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там звездного хлеба
Златятся снопы.

В конце произведения автор переходит к описанию нездешнего, иного мира. Его отличие от мира земного подчеркнуто с помощью неоднократного повторения слова «там». Причем в ином мире происходит то же соединение библейского и исторического времени, что и на земле. Точнее, в нездешнем мире вообще стирается грань между прошедшим и настоящим, нет различия между живущими и умершими:

Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам.

Главная тема «Отчаря» – тема воскресения «мира крестьянской жизни» в вихре революции. Отчарю доступно многое, он объединяет в себе все составляющие единого мира, ему принадлежит будущее.

Маленькую поэму «Октоих» Есенин написал в августе 1917 года. Название этого произведения в переводе с греческого означает «осьмигласник», то есть «книгу, содержащую в себе недельные службы осьми гласов», причем «каждый глас для каждого дня недели имеет свои собственные стихиры, каноны и проч.»¹³⁸. Как видим, церковный «Октоих» – собрание текстов, предназначенных для церковной службы. Из «Октоиха» взят Есениным и эпиграф: «Гласом моим пожру Тя, Господи». Эти слова – перефразировка начала шестого ирмоса «Пожру Ти со гласом хваления, Господи».

Есенинский «Октоих» состоит из четырех главок, в каждой из которых звучит свой глас. Первая главка – это обращение лирического героя к родине. В есенинской рукописи это произведение начиналось словами:

О Русь! Склонись главою
Пред стопой Христа.
Великою рекою
Текут твои уста.

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях
Несем коровьим чаном
Мы солнце на руках.

В этом варианте лирический герой еще четко не обозначен и не выделен из коллективного «мы». Обращение к Руси содержит призыв принять Христа. Здесь проявляется мотив, характерный для многих есенинских текстов этого периода: сошедшему на землю Христу грозит новое распятие. Если же Русь, а через нее и весь мир, примет Христа, примет новую идею, жизнь коренным образом обновится. И над обновленной

Русью, объемлющей и людей, и природу с ее туманами, полями и овцами, будет сиять новое солнце, принесенное, дарованное людьми.

По-иному построен другой вариант первых строк маленькой поэмы:

О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

Здесь самостоятельно выступает лирический герой. Именно он несет на руках солнце обновленной земле. В этом варианте нет образа Христа, показательно, что Его место заняли «коровьи глаза» родины.

В «Октоихе» содержится призыв к активной преобразовательной деятельности. В каждой следующей маленькой поэме Есенина нарастает творческая энергия, захватывающая человека, который все настойчивее включается не только в земные, но и в космические процессы. Люди становятся не пассивными исполнителями чьей-то воли, а преобразователями, переносящими небесные помыслы на землю:

Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный знак.

Значимо здесь упоминание зерна, которое появляется и в других есенинских произведениях. В колосе рождается зерно, а из зерна произрастает

новый колос, так смерть оборачивается новым рождением. Злак связывает земной и иной миры, пашню с небом, которое дарует земле жизнотворную влагу.

Вторая главка маленькой поэмы – это песнь небес, обращенная к Деве Марии. Переплетение образов, неопределенность многих из них показывает, что поняты они могут быть не всеми, а лишь разгадавшими «тайные знаки». «Стремление говорить по Библии, – отмечает Дж. Девис, – заставляет Есенина для достижения нужного эффекта придавать своим лирическим пророчествам нарочито темный смысл»¹³⁹.

Будущее может открыться только тем, кто приобщится к вечности, приняв в себя память о прошедшем:

С за-гор вереницей
Плывут корабли.
В них души усопших
И память веков.

Именно причастность к вечности становится той границей, которая разделяет человечество. Вспомним, что в маленькой поэме «Товарищ» внимание лишь к конкретным событиям, к борьбе за установление республики привело главных героев к гибели, старый мир был разрушен, а новый не был создан. Об этом же «поют небеса» в «Октоихе»:

Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придадим слепых.

Вечную жизнь дает только прозрение «памяти веков», души усопших и живущих объединяются

в едином преобразовательном действии. Каждая вещь – тайна, каждый миг жизни – неизведан, но распознавание их знаковой сущности показывает, что земная и иная жизнь сливаются, составляя единый путь. В книге «Ключи Марии» Есенин напишет, что «почти каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы только в пути <...> и что за шквалом наших земных событий недалек уже берег».

Единство земного и небесного миров показано и с помощью образа «небесного кедра», сродного «облачному дереву» «Отчаря». Поэт обращается к дереву, играющему немаловажную роль в библейской символике: это не только источник благоговения, но и символ величия и красоты. К тому же кедр считался самым высоким из деревьев, с чем связана ветхозаветная гиперболизация «высота была как высота кедра» (Ам., 2: 9). Кедр был и символом праведника, который «возвышается подобно кедру на Ливане» (Пс., 91: 13). «Небесный кедр» – источник «шишек слов», то есть плодов, включающих в себя и природную, и словесную, надприродную, составляющие.

О Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.

Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.

Если голос, открывающий третью главку, принадлежит лирическому герою, то подхватывают этот голос «шишки слов»:

Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.

И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

«Шишки слов», спадающие с «небесного кедра», переносятся из иного мира в земной. Появляются приметы, роднящие небесный мир с земным: небесные тучи оказываются сродными непроходимым рощам из кустов, луна обладает ртом.

Но шишки «небесного кедра» – это не семена в привычном для нас понимании, а слова, падающие с неба на землю, передающие информацию об ином мире обитателям мира земного. Это тайные знаки, которые необходимо расшифровать и осмыслить обитателям земли.

Четвертая главка начинается с восклицания «Осанна в вышних!», то есть с молитвенного возгласа, знаменующего в литургии благостный призыв о спасении. В дословном переводе это греческая форма древнееврейского «Спаси же!» Слова «Осанна в вышних!» можно рассматривать и как прямую цитату из Евангелия (Мф., 21: 9).

Подхватывает славящий возглас песнь холмов:

Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Интересно, что песнь холмов рождает у лирического героя близкие ему зрительные образы. Он видит в раю «отчий край», то есть родину отцов (как в широком, так и в узком значении этого слова). Если в третьей главке «Октоиха» очерта-

ния иного мира проступали только в общем виде, то в четвертой они становятся более реальными. Временные и пространственные границы исчезают, мир предстает как единое целое:

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.

Маврикийский дуб, под сенью которого Авраам принимал Господа, очень важен в творчестве Есенина. Маврикийский дуб для поэта – это «то символическое древо, которое означает «семью». Сидящий под этим дубом дед – это и реальный дед поэта, и одновременно мифологизированный предок, основатель и хранитель рода. Дед – связующее звено между земным и небесным мирами. Он еще может быть узнан как отдельная личность, но является уже представителем «иного» мира, для которого вселенная стала домом, а звезды – шубой.

Лирический герой поднимается вверх, приближаясь к небу:

С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись...»
Но тихо дремлют кедр,
Обвесив сучья вниз.

Обращение к деду знаменательно. Это слова, обращенные и к родителю, прародителю рода, и к тому, кто осуществляет связь с Богом. Призыв остается без ответа. Уже упоминавшийся в «Октоихе» кедр безучастен, он не выполняет своей свя-

зующей функции. Его «тугие ветви» уже не шумят в поднебесье, а свисают сучьями к земле.

Появляется новый голос, который становится финальным в этой маленькой поэме:

Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег.

Вновь возникает образ колоса, как символ нового рождения, воскресения. Растущий на могилах снег – это не что иное, как воскресение предков, которое, согласно славянской мифологии, приходилось на весну. Преображение наступает внезапно, но именно оно является ответом на обращение лирического героя к деду. Растущий снег – это начало грандиозного метафизического переворота, знаменующего устремленность земли к небу. «Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть», – писал Есенин в «Ключах Марии». Познание тайны «ино-го» мира ведет к смерти, которая реальна и конкретна. Но настанет и время воскресения:

«Восстань, прозри и вижди!
Неосказуем рок.
Кто все живет и зиждет,
Тот знает час и срок.

Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.

И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслит девою,
Взойдет в корабль звезды».

Звучащее здесь апокалиптическое пророчество не предрекает пессимистического финала. Сроки

определены, но неисповедимы. Познавшие тайны попадут на «корабль звезды» и могут быть спасены. Многоголосье «Октоиха» объединено темой единства земного и «иного» миров, верой в неискоренимость жизни, которая вечна в своем развитии и преображении.

Спустя несколько месяцев, в октябре 1917 года, Есенин написал маленькую поэму «Пришествие». Как и название предыдущего произведения, это заглавие имеет религиозную окрашенность. В переводе с древнегреческого это слово обозначает «присутствие, пришествие, приход», а также «собрание, собор». Но более известным значением этого слова было «воплощение», «пришествие Господне», оно ассоциировалось со «вторым пришествием». Именно это значение и проявляется наиболее ярко в есенинском тексте. Пришествие – общезначимое событие, свидетелями которого станут все. По слову Христа, «как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф., 24: 27).

Первая главка начинается с прямого обращения лирического героя: «Господи, я верую!..» Христос оказывается еще более одинок в «прозревшей России», чем во времена своего первого пришествия:

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников.

Второе пришествие может обернуться новой трагедией, отсюда и молитва лирического героя, обращенная к Богу. В этой молитве звучит просьба о соединении земли и неба:

Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

«Дождевые стрелы» предстают как связующие нити между мирами, которые могут быть соединены только Божественной волей, которая должна прийти на землю через Христа, Его апостолов и учеников.

Но почему Русь должна перейти в рай? Объясняет это вторая главка, в которой Русь предстает как тождественная Богоматери. Изначальный путь Руси был с неба на землю:

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

Теперь, когда Русь стала «прозревшей Руссией», она должна вновь отойти в иной мир. Важны для Есенина слова «поправшая смерть», которые можно воспринимать как свидетельство принятия Русью события воскресения. Вера в воскресение Христа делает возможным и веру в воскресение Руси, ее возвращение в единстве всех живущих и умерших в рай – ее изначальную обитель. Трагедию несет не прошлое, а настоящее:

Воззри же на нивы,
На сжатый овес, –
Под снежною ивой
Упал твой Христос!
Опять Его вой
Стегают плетью
И бьют головою
О выступы тьмы...

Здесь развивается тема одиночества Христа, весть Которого миру вновь отвергнута. С этой маленькой поэмой, посвященной Андрею Бело-

му, перекликается поэма последнего «Христос воскрес», написанная в апреле 1918 года.

Страна моя
Есть
Могила,
Простершая
Бледный
Крест, –
В суровые своды
Неба
И –
В неизвестности
Мест.
Обвили убогие
Местности
Бедный,
Убогий Крест...

В тексте Андрея Белого присутствует та же идея о распятии Христа в России. Этот поэт воспринимал второе пришествие и новое распятие Христа как грандиозную вселенскую мистерию, которая «совершается нами – в нас». Распятие позволяет уверовать и покинуть «пещеру безверия». Весть о распятии и воскресении должна дойти до «каждого человека». Именно во всеобщности и заключается смысл идущей из России вселенской мистерии.

Тема креста важна и для маленькой поэмы Есенина. Крест – это то, что ожидает Христа на земле. Крест – это ответ людей на Его пришествие. Трагизм все более сгущается, нарастает напряжение. Пути в рай нет, земля оказывается оторванной от неба. «Снова раздирается небо» – произошло разделение. Трагизм этого события еще более ясен, если сравнить пятую главку «Пришествия» со строками другого есенинского произведения – «Миколы»:

Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад.

В «Миколе» путь в рай радостен, необычаен, ясно определен. В «Пришествии» греховность земли («Дьяволы на руках / Укачали землю») делает путь в рай если и возможным, то неясным и многотрудным:

Лестница к саду твоему
Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?

Конечно, здесь имеется в виду не только кровь русской революции. У Есенина, так же как и у Андрея Белого, который и в поэме «Христос воскрес», и в автокомментариях подчеркивал «вневременной» характер своего произведения, кровь – это грехи всего человечества.

Трагизм нарастает в третьей главке есенинского «Пришествия». Пение петуха («С шеста созвездья / Поет петух») – это знак того, что все ученики отказались от Христа, в том числе и Симон-Петр:

«Нет, я не Симон...
Простой рыбак».

Час нового распятия приближается:

Уж близок срок.

Смерть Христа становится вселенской катастрофой:

Рухнули гнезда
Облачных риз.
Ласточки-звезды
Канули вниз.

Катастрофой, соотносимой с описанной в Евангелии: «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись» (Мф., 27: 50–51). Смерть Христа вызвала разделение мира, потрясение миропорядка.

В шестой главке появляется возвешение об истинности воскресения:

Трубами вьюг
Возвести языки...

Этим строкам находим многочисленные параллели в Евангелиях: «Шли они возвестить ученикам Его» (Мф., 28: 9; см. также: Мф., 28: 10; Мк., 16: 10, 13; Лк., 24: 9; Ин., 20: 18).

В есенинском «Пришествии» есть смысловые и почти дословные повторы: «Под снежною ивой / Упал твой Христос! / Опять Его вои / Стегают плетми» – вторая главка; «Снова пришествию Его / Поднят крест» – третья; «Под ивою бьют Его вои / И голгофят снега твои» – пятая. Вероятно, эта особенность вызвана опорой на евангельские тексты, на четырехъевангелие, именно поэтому отдельные главки получают большую самостоятельность.

Заключительная седьмая главка наполнена радостью совершившегося чуда. Эти строки – обращение-молитва Христу. Как и в «Октоихе», «голос» получают холмы – места, наиболее приближенные к небу, игравшие особую роль еще в языческую эпоху. Особенно значим образ холма в связи с упоминанием в первой строке главки Елеона – горы, с которой произошло вознесение воскресшего Христа. Если в «Октоихе» «холмы поют про рай», то в «Пришествии»:

Холмы поют о чуде,
Про рай звенит песок.

Раскрывается в «Пришествии» тема рождения телка:

О верю, верю – будет
Телиться твой восток!
В моря овса и гречи
Он кинет нам телка...

Библейский пейзаж заменяется характерным для России. Естественно, поэтому, что агнца заменяет телок – животное, использовавшееся как жертвенное еще в Древней Иудее. Образ телка является одним из центральных, но не единственным символом переустройства мира. Вместе с другими он создает характерную картину России, которая становится центром начинающейся духовной революции, в чью близость верили «скифы».

Но и в финальных строках «Пришествия» сохраняется трагизм:

Но долог срок до встречи,
А гибель так близка.

Преобразовательная энергия человека ограничена краткостью его жизненного пути. Молитва о чуде – это выражение веры в то, что воскресение, преобразившее Христа, распространится на все человечество. Срок встречи живущих и умерших, их единения не известен человеку. Но вспомним строки «Октоиха»:

Кто все живит и зиждет,
Тот знает час и срок.

Смерть predetermined самим рождением. Несоотносимость дат вселенского воскрешения

и индивидуальной смерти создает трагичность мироощущения лирического героя. В молитве звучит просьба об усовершенствовании миропорядка, источником этого усовершенствования будет не человек, а Бог. В заключительных словах маленькой поэмы лирический герой выражает веру в силу молитвы, в возможность преобразования мира:

Уйми ты ржанье бури
И топ громов уйми!
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!

И дай дочерпать волю
Медведицей и сном,
Чтоб вытекшей душою
Удобрить чернозем...

Образы «Пришествия» получили дальнейшее развитие в маленькой поэме Есенина «Преображение», посвященной Разумнику Иванову (Иванову-Разумнику). В этом произведении более активную роль, чем прежде, играет лирический герой, который не только обращается с молитвой к Богу, но и сам становится преобразователем. Название маленькой поэмы имеет евангельскую основу и восходит к событию преобразования Христова, описанному в Евангелиях от Матфея (17: 1–13), Марка (9: 1–9) и Луки (9: 28–36). Как поясняет «Полный церковно-славянский словарь», преобразование Христово – это «изменение наружного вида Его на другой <...>, причем лицо Его светилось как солнце, а одежда Его сделалась бела как снег. Было оно свидетельством Его божественности, знамением возвышения Его, изображением будущего Его явления; предозначения нашего имеющего быть прославления; памятником ду-

ховного нашего преображения; вместе с сим оно явило миру присносущный (несозданный) свет Божества <...> и доказало, что Христос добровольно исшел на страдания за мир»¹⁴⁰. Значение слова «преображение» раскрывается не только через событие жизни Христа, но и является напоминанием о Его новом пришествии, о грядущем духовном преображении мира и человека. Преображение, согласно евангельским текстам, ознаменовалось грандиозными небесными процессами, соотнесенными с Божественным откровением: «Явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте» (Лк., 9: 34–35).

Есенинское «Преображение» начинается прямой переключкой с этим евангельским текстом:

Облаки лают,
Ревет златозубая высь.

Далее звучит молитва лирического героя, сопровождаемая его активным преобразовательным действием, которое должно через посредничество небесного мира переустроить мир земной:

Пою и взываю:
Господи, отелись!

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телицу-Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь.
Небесного молока
Дажь мне днесь.

Здесь более значимым, чем в «Пришествии», становится образ тельца. Известны слова Есенина, записанные И.Н. Розановым: «Отелись – значит воплотись». Помогает понять этот образ обращение к библейскому употреблению слова «телец». Телец, как и агнец, в ветхозаветные времена был жертвенным животным. К тому же «этим именем называется в церковных песнях Спаситель, как жертва за грехи наши»¹⁴¹. Телец (животное, «подобное тельцу» и имеющее «по шести крыл вокруг») появляется в Апокалипсисе как одно из четырех животных, воздающих «славу и честь и благодарение Сидящему на престоле» (Откр., 4: 9). И поэтому «телица-Русь» воспринимается как Русь, Россия, приносимая в жертву. Но принесение в жертву очищает и саму эту жертву, что подчеркивается предстоянием лирического героя у ворот рая. Нельзя не учитывать и архаическую функцию коровы, которая «во многих древних и архаических религиях – символ плодородия, изобилия, благоденствия»¹⁴².

Не случайно упоминание «небесного молока». Этот образ становится символом веры, принимаемой так же естественно, как материнское молоко новорожденным. Молоко – это первая, наиболее доступная и легкая пища. Использование старославянских форм «даждь мне днесь» (то есть «дай мне ныне, в настоящий день») подчеркивает ориентацию автора на библейские тексты (как в молитве: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»). Молоко как символ начатков нового вероучения неоднократно упоминается в новозаветных текстах. Например, в Первом послании к коринфянам святого апостола Павла: «Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы

еще плотские» (3: 2–3) или в его же Послании к евреям: «Но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища» (5: 12).

В конце первой главки «Преображения» наблюдается прямая соотнесенность с текстами Ветхого Завета. Это и «новый Содом», сжигаемый одним из семи архангелов Егудиилом (Иегудиил); и Лот, единственный праведник, живший в грешном Содоме. Выходя из города, он не оглядывался, в отличие от жены, которая ослушалась веления Бога и была превращена в соляной столп (Быт., 20: 26). В есенинском тексте подчеркивается, что описываются не ветхозаветные, а иные по времени события, которые отличаются от библейских:

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

В начале второй главки библейский колорит утрачивается, заменяясь приметами, характерными для Руси:

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.

В главке звучат два голоса: песня сверчка и «зов трубы». Песня сверчка излагается лирическим героем – это рассказ о событиях, уже совершившихся или происходящих. Здесь раскрывается не только взаимодействие земного и небесного миров («О том, как ликом розовым / Окапал рожь восток»), но и показано совершающееся в ином, нездешнем мире.

«Зов трубы» – это пророчество о будущем – «про глагол судьбы», это голос иного мира, передаваемый дословно (используется прямая речь). Труба вновь создает переключку с ветхозаветными временами, в первый день нового года существовал «день трубного звука» (Чис., 29: 1), напоминающий израильтянам о том, что всякое дело нужно начинать в страхе Божиим. Использовались трубы и во времена других религиозных праздников. Но с судьбой, с пророчеством о будущем связана прежде всего труба Апокалипсиса, это голос Христа, «голос, который я слышал как бы звук трубы» (Откр., 4: 1). При провозглашении пророчества Христос преображается, принимая один из Своих многочисленных обликов: «на престоле был Сидящий, и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису» (Откр., 4: 2–3). Пророчество, звучащее в есенинском тексте, предвещает новое грандиозное преображение неба и земли. Важно, что и песня сверчка, и библейский «зов трубы» обращены к России:

«О веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.

Над рощею оцелится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...»

Иной мир придет подобно раннехристианскому. Вновь важной окажется вода, являющаяся символом и средством крещения. Появляется образ «колоса», «пшеничного злака», символизирующий рождение нового, иного из недр старого, умирающего.

Важную роль имеет труба и в третьей главке. Эти строки соотносятся с началом иного времени, когда дар пророчества и его осуществления переходит к России:

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, –
Трубите в трубы.

Люди не пассивно ждут сошествия неба на землю, а активно участвуют в этом преобразовании. Совершается грандиозная вселенская революция. Тема обновления вновь переплетается с темой зерна, символизируя будущее преображение мира:

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
По тучам бежит
Кобылица.
Шлея на кобыле –
Синь.
Бубенцы на шлее –
Звезды.

Орудием нового сеятеля, как и Христа, согласно библейским текстам, становится слово. В Библии «слово» («логос») имеет множество значений. Это речь, проповедь, произносимая апостолами Христа. «Словом также называется *Сын Божий* от того, что как слово наше от ума рождается нераздельно, так и Сын Божий от Предвечного Отца рождается бесстрастно и неотдельно, но наше слово на воздух расходится, а Слово Божие, т. е. Сын Единородный, есть личное и на веки пребывает»¹⁴³. Такое понимание «слова» помогает пониманию есенинского текста:

Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля,
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Лирический герой наблюдает и принимает новое преобразование мира, появление «светлого гостя», который «в колымаге к вам едет». Свет, свет-

лый гость соотносится с преобразующими силами добра. Вспомним, что «Великий Свет – тот Свет, который пребывает с Отцом, который просвещает всякого человека, грядущего в мир, т. е. Иисус Христос, Который Сам благоволил так называть Себя (Иоан., 8: 12; Ис., 9: 2)»¹⁴⁴. Рассмотрение образа «светлого гостя» с учетом библейской символики позволяет обнаружить в маленькой поэме Есенина мотивы нового пришествия, Апокалипсиса. Образы «Преображения» тесно переплетаются с образами других произведений Есенина 1917 года. Вспомним, что гость, «дорогой гость» появляется в стихотворении «Разбуди меня завтра рано...», в котором более определенно выражено отношение лирического героя к этому образу:

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня видел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

Лирический герой принимает преобразование, стремится «воспеть» приход гостя. Преображение должно принести миру новое вероучение, коренное переустройство религиозной системы. Ощущением этого наполнена пятая главка маленькой поэмы «Преображение». Если в третьей главке «светлый гость» ехал «к вам», то теперь лирический герой и себя причисляет к тем, кто встречает «светлого гостя» — активнейшего преобразователя:

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, —
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

Пребывание на земле сошедшего «светлого гостя» будет кратким, но он сделает главное: он будет «пророчить», то есть распространять основы обновленной веры. Возвратясь «в свои сады», «светлый гость»:

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

Новое слово будет иным, чем первохристианское. В «Преображении» уже намечаются богоборческие мотивы, которые проявятся заметнее в более поздних маленьких поэмах Есенина. В «Преображении» важную роль играют библейские образы и символы, но стремление «светлого гостя» «вынуть выржавленный гвоздь» свидетельствует о возможности отказа от традиционного христианского вероучения. Неприятие распятия как искупительной жертвы за человечество неминуемо приведет к отказу от воскрешения, хотя и по иным причинам, чем в маленькой поэме «Товарищ».

В январе 1918 года Есенин создал маленькую поэму «Инония» – произведение, вызвавшее обилие откликов современников поэта уже в первые месяцы после публикации. И позже из всех маленьких поэм революционного периода чаще всего говорят именно об «Инонии». Вдохновитель «скифства» Иванов-Разумник назвал одну из статей 1918 года «Россия и Инония». Статью «Инония и Китеж» написал И.А. Бунин.

«Инония» посвящена пророку Иеремии – одному из трех великих пророков Израиля, жившему в самый мрачный период иудейской истории и подвергавшемуся постоянным гонениям. Начав пророческое служение в пятнадцатилетнем возрасте, он проповедовал около 45 лет. Иеремия считается автором Книги пророка Иеремии и Плача, а также неканонического Послания. Интересно, что в одном из вариантов «Инония» состояла из 57 четверостиший, то есть соответствовала по объему сумме глав Книги и Плача. Окончательный вариант из 53 четверостиший на один превосходит число глав в Книге пророка Иеремии.

Есенинская «Инония» посвящена ветхозаветному пророку, проповедовавшему за пять веков

до Рождества Христова и считавшемуся одним из предтеч Мессии. «Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков» (Мф., 16: 13–14). Произведение Есенина посвящено пророку, который проповедовал в стране, забывшей своего Бога и погрязшей в пучине беззакония. Он обличал и лжепророков, и священников, и жителей Иудеи: «И вот, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей» (Иер., 1: 10). Согласно библейским текстам, Иеремия должен был прежде всего обличать и предупреждать о грядущих разрушениях. Он был послан Богом на грешную землю, чтобы очистить ее, вразумить ее правителей и жителей.

В есенинском тексте наблюдается наложение времени библейского и современного автору. В историческом плане вспоминается грешный, отринувший Бога мир, мир дохристианский, в котором одинокого, всеми отвергаемого пророка спасает от гибели и проводит через все преграды только его безграничная вера в Бога, возможность общения с Ним. Вплетены в текст и образы, принадлежащие другим векам. Так, лирический герой соотнесен с Индикопловом – византийским писателем и путешественником VI века, посетившим Египет, Эфиопию и побережье Аравии. Козьма Индикоплов известен как автор богословско-космогонического трактата «Христианская Топография» (в славянском переводе – «Книга о Христе, объемлюща весь мир»), содержащего

множество апокрифических образов и сведения об экзотических странах. Появляется у Есенина и образ Олипия (Алимпий, Алипий) – первого известного по имени русского иконописца, жившего на рубеже XI–XII веков. В ранних вариантах маленькой поэмы возникал и образ Петра Великого как преобразователя России.

В начале «Иноний» отмечены ее особенности: пророческий характер и ориентация на Библию:

Не устрасуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Соотнесенность с Библией начинается с посвящения, причем во всем тексте маленькой поэмы есть прямые отсылки к Библии, прежде всего к Книге пророка Иеремии. Назовем наиболее важные из них.

Одна из центральных в Книге пророка Иеремии – тема отлучения царям, священникам и всем жителям Иерусалима и других городов за их отступление от заветов, данных Богом, за их грехи и следование лжепророкам. «Но в пророках Иерусалима вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев, чтобы никто не обращался от своего нечестия; все они предо Мною – как Содом, а жители его – как Гоморра» (23: 14). Отступником оказался тот народ, который был наиболее приближен к Богу: «Как пояс близко лежит к чреслам человека, так Я приблизил к Себе весь дом Израилев и весь дом Иудин, говорит Господь, чтобы они были Моим народом и Моею славою, хвалою и украшением; но они не послушались» (13: 11). Иерусалим был проклят и разрушен по слову Бога.

«Пророк Есенин Сергей» проклиная одну из святынь русского православия:

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы.

Интересно, что слово «пяты» в Книге пророка Иеремии используется для изображения греховности жителей Иерусалима, дочери Сиона: «За множество беззаконий твоих открыт подол у тебя, обнажены пятки твои» (13: 22). Есенин разворачивает в маленькой поэме этот образ. Обличение завершается прямой отсылкой к ветхозаветному тексту:

На реках вавилонских мы плакали
И кровавый мочил нас дождь.

Как известно, Иерусалим был взят Навуходоносором, царем Вавилонским, и большинство плененных уведено в Вавилон (39: 1—9).

Пророчества Иеремии были тягостными и отвергались слушающими, в то время как речи лжепророков, обещавших мир и благоденствие, принимались. И все же в Книге пророка Иеремии есть надежда на предотвращение исполнения пророчеств: «Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему» (18: 7—8).

Трагичны и пророчества «Инонии»:

Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.

Здесь, так же как и в библейских пророчествах, спасение возможно, и для этого необходимо переосмыслить отношения между миром и человеком, принять новые обетования.

Во многом сходны и разрушения, о которых пророчествуется в библейском и есенинском текстах. «Господь стал как неприятель, истребил Израиля, разорил все чертоги его, разрушил укрепления его и распространил у дщери Иудиной севотование и плач. И отнял ограду Свою, как у сада» (Плач, 2: 5–6). У Есенина:

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету как пыль.

В есенинском тексте достаточно широко прослеживается соотнесенность с Россией, при этом порой появляется почти дословное повторение библейских строк: «Плачьте и рыдайте, ибо ярость гнева Господня не отвратится от нас» (4: 8); у Есенина: «Плачь и рыдай, Москва!»

В Книге пророка Иеремии говорится об обновлении религиозного сознания, его переустройстве на новых началах. Иеремия «подготавливает новые формы религии, когда Бог открывает Себя как любовь (31: 3), испытует сердца и утробы (17: 10), когда вместо обрезания плоти потребуется обрезание сердца (4: 4), когда на место ветхого становится «новый завет», написанный в сердцах людей (31: 31–34)»¹⁴⁵.

Тема обновления выражается через новый посев, который должен дать иные, чем прежде, всходы. В Книге пророка Иеремии: «Ибо так говорит Господь к мужам Иуды и Иерусалима: распашите себе новые нивы и не сейте между тернами» (4: 3). У Есенина:

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;

Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Тема обновления вероучения является центральной в есенинской «Инонии», здесь она проявляется более полно, чем в других произведениях поэта:

—
Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.
Не хочу воспринять спасения
Через муки Его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.
Я иное узрел пришествие,
Где не пляшет над правдой смерть.

Есенин говорил Александру Блоку: «Я выплевываю Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, сораспятия)». В «Инонии» Есенин устремлен к иному, чем прежде, построению мира, к его устройству на новых началах.

Проклиная Радонеж и Китеж, не принимая искупительной жертвы Христа, отвергая путь мученичества («Языком вылижу на иконах я / Лики мучеников и святых»), лирический герой «Инонии» обращается в глубь веков и тысячелетий, к основополагающим вопросам мироустройства. Есенинский текст — это попытка развертывания нового миропорядка из точки начала истории. Проклиная греховность там, где она, быть может, наименьшая, но вместе с тем наиболее осмыслена и познана, автор обращается к миру до грехопадения, когда греха просто не существовало и, естественно, не было необходимости его искоренять. «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диа-

вола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его» (Прем., 2: 23–24). Новое преобразование возможно только через изменение самого статуса бытия, при котором станет реальным обетование:

Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых!

Отказ от распятия и крестных мук ведет к неприятию любых страданий и смерти как их апофеоза. В есенинском тексте говорится об ином пришествии, «новом вознесении», но понятие о новом распятии отсутствует, несмотря на одиночество пророка и враждебное неприятие его окружающими.

Если ветхозаветный пророк исполняет волю Бога и вещает Его словами, то «пророк Есенин Сергей» берет на себя функцию демиурга, доходя до богохульства. Его пророчества носят грандиозный характер и связаны с воссозданием разрушаемого космоса. Они воспринимаются как гиперболизированные поэтические образы:

Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач,
Пополом нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач.
И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

Земной и небесный миры слиты в «Инонии». Лирический герой присутствует в них одновременно, ему известно и доступно прошлое, настоящее и будущее. И все же основное внимание, как

и в любом пророчестве, уделяется в есенинском тексте будущему. Начало третьей главки – пророческое предупреждение Америке, в котором используется слово «говорю», характерное для библейских текстов. Поэт противопоставляет отколотовой Америке, зажатой железом и отягченной безверием, другое видение мира, характерное для преображаемой России:

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, –
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

Подобные противопоставления повторяются неоднократно, лирический герой предстает как пророк, предвещающий преображение России.

Интересны последние строки третьей главки:

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

Это уже второе упоминание лестницы в «Инонии». В первой главке лирический герой говорит о необходимости лестницы, соединяющей земной и небесный миры: «Не хочу я небес без лестницы».

Лестница, или лествица, – важный библейский образ. Родоначальник народа израильского Иаков «увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца

твоего, и Бог Исаака» (Быт., 28: 12–13). Лестница, виденная Иаковом, является образом Пресвятой Девы Марии. Такое понимание отразилось в акафистах Богородице. Рассматривая это видение, Иоанн Дамаскин говорил: «Лествица духовная, т. е. Дева, утверждена на земле: потому что Она родилась от земли; глава ее касалась неба: потому что как всякой жены глава – муж, а эта не знала мужа, то глава Ее был Бог и Отец». У Есенина лестница была незримой, так как открывалась она не всем, а только особо приближенным к Богу. Дева, как зачавшая безгреховно, наиболее близка тому догрехопадному миру, образ которого притягателен для Есенина. Образ Девы Марии, Богоматери появляется во многих есенинских текстах; в маленькой поэме «Пришествие» Приснодевой названа Русь. В финале «Октоиха»: «Но тот, кто мыслил Девой, / Взойдет в корабль звезды». Так в есенинском творчестве создается образ будущего мироустройства, стремящегося к безгрешному вечному бытию.

Важен здесь и образ петуха. В ветхозаветном тексте он символизировал третью стражу ночи от полночи до рассвета, предутрие. В.Н. Топоров отмечает, что «в Новом завете образ петуха имеет символическое значение некой решающей грани»; «Причастность петуха и к царству жизни, света, и к царству смерти, тьмы делает этот образ способным к моделированию всего комплекса жизнь – смерть – новое рождение»¹⁴⁶. К тому же «пение петуха» означает «разделение времени»¹⁴⁷. Проклевавшийся в небе петух, обращающийся к миру с сооруженной Себе Господом одушевленной лестницы, – это символ нового пророчества, которое призвано разделить старое и новое время, смерть и новое рождение. Символом старого мира

в маленькой поэме становится Америка, «отколо-
тая половина земли», ставшая такой не только в
силу географической удаленности, но и в результа-
те преобразующей деятельности «пророка Есени-
на Сергея». Символ нового мира – «град Инония»,
в который устремлена преобразуемая Русь.

Инония у Есенина – это не реальное настоя-
щее и даже не будущее, а пророческое обетование.
Пророк является творцом и хозяином Инонии:

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать...

Если в «Октоихе» под Маврикийским дубом
в раю сидит «рыжий дед» лирического героя, то
в «граде Инонии» появляется «старушка мать». Местонахождение открывшегося пророку града
не определено, да и сам он не описан детально.
Поэту важно подчеркнуть его духовную основу,
устремленность к небу, его восхождение по «не-
зримой лестнице».

Заканчивается маленькая поэма песней гор.
Если в более ранних есенинских произведениях
дар песни получали холмы, то в «Инонии», увен-
чанной «золотыми шапками гор»:

И тихо под шепот речки
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор.

Вновь подчеркивается недоступность для обыч-
ного взгляда Инонии – духовного внепростран-
ственного и вневременного мира, открытого

пророку. Песнь, обращенная к Богу, впервые появляется в Ветхом Завете в Исходе. В своей песни Моисей «Благословляет и благодарит Господа за чудесный переход через море и указывает на будущие события»¹⁴⁸. Предсмертная песнь Моисея входит во Второзаконие (глава 32). Ориентация Есенина на библейские песни несомненна, песнь гор начинается с провозглашения славы Господу. Однако последующий текст контрастирует с ветхозаветными песнями. Моисей благодарил Бога за дарованную израильскому народу победу над врагами-египтянами: «Господь муж брани» (Исх., 15: 3); «Когда изострю сверкающий меч Мой, и рука Моя примет суд, то отмщу врагам Моим и ненавидящим меня; напою стрелы Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага» (Втор., 32: 41–42). В «Инонии» Есенина звучит призыв к миру, абсолютное неприятие спасения через смерть:

Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.
Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды –
Светлого Иисуса
Проклевать следы.
Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.

«Пророк Есенин Сергей» призывает к осознанному выбору человечеством нового пути. Этот выбор возможен лишь при еще небывалой в истории активности дерзающего человечества, которое

найдет возможность построить иной мир из времен доисторических, догрехопадных.

Вера в активность и преобразовательную мощь обновленного человечества с особой силой звучит в словах, завершающих песнь гор и всю «Инонию»:

Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!

Отказ от смерти – центральная, наиболее значимая тема нового вероучения, пророком которого выступает в «Инонии» Сергей Есенин.

Заглавие его следующей по времени создания маленькой поэмы «Сельский часослов» вновь связано с христианскими текстами. Часослов – это «книга, в которой содержится последование часов и некоторых других церковных служб, например вечерни, повечерия, полунощницы, утрени». Называя свою маленькую поэму «Сельским часословом», Есенин отмечает его новизну по сравнению с Часословом христианским и одновременно указывает на соотнесенность произведения с сельской жизнью.

В Древней Иудее день, как известно, делился на светлое (дневное) и темное (ночное) время. Каждое время суток состояло из двенадцати часов, причем и день, и ночь делились на четыре части. В соответствии с делением дня проводилась и церковная служба «часы» – «молитвословия, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, приносивших к каждой четверти дня и к особым обстоятельствам страданий Спасителя». Этому строению соответствует и композиция есенинского произведения, состоящего из четырех главок, на что обратил внимание С.П. Кощечкин¹⁴⁹. Служба Часослова, ориентированного

на воспоминания о страданиях и смерти Христа, оказала влияние и на маленькую поэму. Большая ее часть связана со страданиями и смертью Руси. В этом произведении наиболее ярко среди есенинских текстов 1917–1918 годов выражается тема жертвенности Руси.

Уже в первой главке «Сельского часослова» подчеркивается сопричастность лирического героя мировому круговороту времени. Рождение и умирание, цикличное в природе, переходит и на человека. Приобщение к природно-небесному бытию помогает выйти за пределы трагичности земной жизни. Начало есенинской маленькой поэмы соотносится с библейскими текстами. Интересно сопоставить строки поэта с фрагментом псалма 89, который читался на службе первого часа. В библейском тексте говорится о цикличности жизни, о несоотнесенности времени небесного и земного: «Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «Возвратитесь, сыны человеческие!» Ибо пред очами твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты как наводнением уносишь их; они, как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает; ибо мы исчезаем от гнева Твоего и от ярости Твоей мы в смятении» (Пс., 89: 4–7); «Научи нас счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое» (Пс., 89: 12). Сходные темы звучат и у Есенина:

О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!
Вынь из кладезя мук
Страны моей.

Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.

Призыв лирического героя к солнцу – это стремление спастись, уйти от цикличности времени, избежать смерти, на которую обречена Русь:

На кресте висит
Ее тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

В финале первой главки подчеркивается прямая соотнесенность Руси с Христом. Муки Руси соотносимы с муками Христа.

Во второй главке родина соотнесена с овцой – животным, употреблявшимся как жертвенное:

И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо,
Путая небо с яслями,
Путая звезды
С овсом золотистым.

Русь, как овца, потерявшая пастыря, не ведает и не знает своего пути. Мучения Руси предвещают гибель, которая явится избавлением от мук:

Но постиг я...
Верю, что погибнуть лучше,
Чем остаться
С содранною
Кожей.

Ощущением близости гибели Руси наполнены три первые главки есенинской маленькой поэмы. Гибель родины явится искупительной жертвой за весь мир: «Гибель твоя миру купель Предвечная».

Купель символизирует таинство православного крещения. Гибель Руси – это рождение обновленного мира, как мученическая смерть Христа – искупительная жертва во имя спасения всего человечества. Есенин использует слово «предвечная» («существовавшая прежде веков, безначальная»), которое подчеркивает грандиозный характер события, способного пересоздать все мироустройство.

Лирический герой принимает жертвенную гибель Руси – «Начертательницы Третьего Завета», становясь приверженцем и пророком нового учения. За смертью Руси следует новое рождение – рождение младенца, названного Есениным Израмистил:

Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она.
Имя ему –
Израмистил.

Это рождение, совпадающее с рождением Младенца Русью, о котором писал Иванову-Разумнику Андрей Белый, знаменовало начало новой эры вселенской истории. В неотправленном письме к Иванову-Разумнику, написанному в мае 1921 года в Ташкенте, Есенин говорил, опираясь на образы «Сельского часослова», об «эпохе двойного зрения, оправданной двойным слухом моих отцов, создавших «Слово о полку Игореве» <...>. Дело в моем осознании, преображении мира посредством этих образов». Здесь Есенин говорит о создании особой мифопоэтической системы, обращенной к преображению мира.

В «Сельском часослове», как и в других маленьких поэмах Есенина 1917–1918 годов, ведущей яв-

ляется тема смерти – мученической искупительной гибели Руси на кресте – и рождения нового преобразующего мир вероучения.

Летом 1918 года в своем родном селе Константинове Есенин написал маленькую поэму «Иорданская голубица», название которой имеет библейскую ориентацию. Здесь прослеживается связь с крещением Христа Иоанном в Иордане – единственной большой реке Палестины, разделяющей ее на две части. Крещение было ознаменовано видением: «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф., 3: 16–17). Название маленькой поэмы соотносится с вестью о крещении Сына Божия, светлой вестью миру.

Но все же в «Иорданской голубице» преобладают характеристики, характерные для Руси. В этом произведении Русь предстает «отчалившей», уже покинувшей, оставившей мир земной и находящейся в пути к иному, нездешнему миру. Хотя Русь и устремлена в рай, возникает мотив плача, вызванного трагедией расставания с землей.

Упоминаются в маленькой поэме Есенина и отлетающие осенью птицы – журавли и лебедь. Путь усопших уподоблен осеннему перелету птиц. Время прилета и отлета гусей было ритуально значимым для всех славянских народов (это показал на основе обширного материала А.В. Гура¹⁵⁰). Осенний отлет гусей связан с предзимним умиранием природы, а их весеннее возвращение – с ее воскресением после зимы:

Земля моя, золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам. <...>

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бойся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

Согласно мифопоэтической традиции, души могут «странствовать по небу в образе лебедя, выступающего как символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства, но не смерти»¹⁵¹.

В черновом автографе этого произведения тема пути-перелета выражена Есениным более ярко, в этом перемещении в пространстве участвовали и деревья, также превратившиеся в птиц:

Отзвук забытый
Будя средь полей,
Тянут ракиты
Руки ветвей.
Снится им, снится
В свете ночном,
Что они птицы
Машут крылом.

Грусть отчалившей Руси вызывает радость лирического героя: Русь становится строительной жертвой, закладываемой в фундамент небывалого вселенского строительства:

Ради вселенского
Братства людей

Радуюсь песней я
Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
На гибель твою,
В колокол синий
Я месяцем бью.

Смерть становится предвестницей нового рождения (как отлет гусей – залогом их возвращения). И сама смерть родины не является абсолютной, это лишь перемещения в пространстве, дополненные преображением:

То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

В печали отлета-гибели лирический герой слышит «светлую весть».

Минувшие века не прошли бесследно, а жившие прежде люди, преобразившись, изменили место своего пребывания. Иной, неземной мир является для лирического героя «отчим раем», той изначальной родиной, куда необходимо возвратиться. Там, в ином мире, различимы библейские персонажи, вписанные в характерный пейзаж:

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань,
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань. <...>
Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,

Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла.

Появляется у Есенина и упоминание Млечного Пути. И мы вновь вспоминаем о перелетных птицах, ведь «одно из названий Млечного Пути – гусиная дорога»¹⁵²:

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.

Лирический герой, выступающий в роли пророка, сравнивает существование в земном и ином мирах. Путь в иной мир уготован всем, и он неотвратим:

Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, –
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

В конце «Иорданской голубицы» вновь упоминается Иордан. Напомним, что библейский Иордан – символ крещения Христа, начала новой веры. У Есенина Иордань, «луговой Иордань» тоже становится символом. Поэт устанавливает родственную связь библейского времени и происходящих в современной ему России событий:

О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.
Дай мне твои волосы
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем – гостя
Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

Близость Руси и библейского мира показана через ее устремленность в «отчий рай», где находятся и библейские персонажи. Посещение Руси родоначальником еврейского народа Авраамом и обращенная к нему молитва лирического героя знаменуют, что очаг религиозного переустройства мира переместился в Россию. Именно из России распространяется теперь светлая весть, преобразующая космос.

В есенинском «Небесном барабанщике» ярче, чем в других маленьких поэмах 1917–1918 годов, звучит современная Есенину тематика, врывается лозунговая интонация. Тема обновления, коренного переустройства жизни пронизывает все произведение, которое начинается с описания важного для поэта события:

Нынче луну с воды
Лошади выпили.

В автобиографии 1924 года, вспоминая о детстве, поэт писал: «Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался,

когда она вместе с кругами отплывала от их ртов». Выпитая лошадьми луна – это не только символ утраты радостно-детского восприятия мира. Это разрушение того мироустройства, когда «луна при тихой погоде стоит стоймя в воде». Образ стоячей прудовой воды появится в маленькой поэме Есенина, написанной спустя несколько лет, в 1924 году, – в «Руси уходящей», для обозначения тех людей, которые не поняли происходящих событий и обречены на умирание «в самих себе». Весть о выпитой лошадьми луне – это конец устоявшегося традиционного порядка, символ революционности и устремленности к преобразованиям, захватывающим и землю, и небо. Импульс этим изменениям дает земля, человек. Важен призыв лирического героя к человеку, который должен стать и уже становится преобразователем вселенной. Но одновременно и небо нисходит на землю:

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы. <...>

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Происходит слияние земного и иного миров в едином преобразовательном порыве. Как и в «Инонии», Есенин вводит в свое произведение религиозные символы.

Есенин говорит о возможности преображения человеком космического пространства. И все же опорой преобразователей остается земля:

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,

О полях и рощах
Голубого края.

В мире, который «взвихренной конницей рвется» к «новому берегу», теряет свою значимость такое кардинальное в жизни любого человека событие, как смерть:

Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Преобразователь мира «солнце корявой рукою / Сорвет на златой барабан». Обновленный, созданный человеком мир будет един. В нем осуществятся чаяния народов, исповедующих различные религиозные учения. Звуки барабана станут понятным для всех призывом:

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град.

В макете сборника «Вече. Революционные поэмы» вслед за этими шли строки, позднее исключенные автором:

Лопарь завернет свои седи,
И турок, закрывши Коран,
Зазубренный месяц с мечети
Сорвет на второй барабан.

Второй «мусульманский» барабан не только препятствовал единству мира, но и создавал другой, отличный от России, центр преобразовательного действия. Очевидно, что эти строки вступали в противоречие с создаваемой Есениным мифопоэтической системой и были исключены им из текста. Единство мира, по мысли поэта, ничем не должно быть нарушено:

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.

В финале произведения звучит вера в близость обретения «нового берега», в близость победы. Появляется множество лун, что знаменует обретение утраченного радостно-детского восприятия мира, причем торжество такого восприятия происходит во вселенском масштабе. Небо открывается человеку совершенно иначе, чем прежде:

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.

И в этой маленькой поэме темы смерти и преобразования мира являются центральными. Причем события, происходящие в масштабах земли и неба, снижают значимость конкретной человеческой жизни. Смерть отдельного человека уже не воспринимается как катастрофа.

Следующая из есенинских маленьких поэм называется «Пантократор», что в переводе с греческого означает «всесильный, всемогущий, вседержитель». Это слово означает «одно из существеннейших свойств Божиих»¹⁵³: «Аврам был девяносто девяти лет, и Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо мною и будь непорочен» (Быт., 17: 1). В этом фрагменте Ветхого Завета самоназвание Бога Всемогущий связано с одним из важнейших описанных в Библии событий: Бог является Авраму, называя его Авраамом и сообщая ему о том, что он будет родоначальником множества народов, дает символ Ветхого Завета – обрезание плоти. О Боге как о Всемогущем говорится и в других книгах Ветхого Завета.

Тема всемогущества, занимающая важное место во многих произведениях Есенина 1917–

1918 годов, важна и в этой маленькой поэме, созданной в феврале 1919 года. Обращение к идее Всемогущего необходимо лирическому герою для осуществления грандиозных преобразований, несущих изменения самому статусу бытия.

Лирический герой обращается к Богу:

Тысячи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться Тебе, а лаяться
Научил Ты меня, Господь.

За седины Твои кудрявые,
За копейки с золотых осин,
Я кричу Тебе: «К черту старое!» —
Непокорный, разбойный сын!

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь Ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

В маленькой поэме показана устарелость, «ветхость» мироустройства, которое нуждается в обновлении. Во всех маленьких поэмах Есенина, за исключением «Инонии», Христос не отвергается. Напротив, лирический герой этих произведений близок Иисусу Христу неприятием ветхого мира и устремленностью к его обновлению. Кардинальность переустройства, сопряженного с пересозданием неба и земли, не противоречит Библии, а является естественной для пути, ведущего к осуществлению обетования: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Лк., 21: 33). Отвергая «старое», лирический герой «Пантократора» признает свое сыновство Богу («непокорный, разбойный», но «сын»!). Обращение к Господу, обладающему всемогуществом, вызвано

тысячелетней неизменностью бытия, заповеданного Богом: «Так говорит Господь, Который дал солнце для освещения днем, уставы луне и звездам для освещения ночью <...> Если сии уставы перестанут действовать передо Мною, говорит Господь, то и племя Израилево перестанет быть предо Мною навсегда» (Иер., 31: 35–36). Замена светившего веками солнца символизирует всеобщее обновление, которое, как явствует из «Пантократора», может быть только следствием единого богочеловеческого действия. С вопросом о том, каким будет путь обновления, лирический герой обращается к Богу («О какими, какими метлами / Это солнце с небес стряхнуть?»).

Вторая главка посвящена неземному, иному миру. Важны звезды и отдельные созвездия (Водолей, Медведица). Неземной мир наполняется в «Пантократоре» конкретными, близкими поэту людьми, которые являются пока еще не активными преобразователями, а пассивными исполнителями:

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

«Отче, отче» – это обращение и к Богу, и к Христу, Отцу будущего века, и к конкретному деду-отцу, а также к почитаемому предку.

Всеобщность смерти не исключает общения живых и умерших, причем общения весьма разностороннего. Молитва лирического героя обращена на преодоление изначального зла, лежащего в начале человеческой истории:

О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.
Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

«Засовы чугунные» – это те путы смертности, которые удерживают человечество от осуществления всеобъемлющих преобразований.

В конце «Пантократора» – обращение к красному коню. В начале XX века красный конь был символом революционности. Широкую известность получила картина К.С. Петрова-Водкина «Купание красного коня» (1912) – художника, в последующем участвовавшего в оформлении альманахов «Скифы». Конь широко представлен и в библейских текстах, в частности в Апокалипсисе, где при снятии первых из семи печатей появляются соответственно белый, рыжий, вороной и бледный кони. Красный конь контрастно наиболее противопоставлен бледному, всадник которого – смерть, понимаемая и как прекращение жизни, и как абсолютный покой. Красный конь – символ жизни и обновления:

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе – дугой,
Полярный круг – на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

Конь как бы исходит из зари («С зари отчалься гривой»). Заря – время предутрия или заката – имеет важное значение как момент перехода, изменения состояния. Утренняя и вечерняя заря упоминаются в библейских текстах, в том числе и как предчувствие еще не осуществленного обетования: «Тогда откроется, как заря, свет твой» (Ис., 58: 8). В сходной функции это слово используется и у Есенина. Важная роль отводится и красному коню («О, вывези наш шар земной / На колею иную»).

Провозглашенное переустройство мира уничтожит и событие смерти, сделает возможным «с земными ключами / Предстать у ворот золотых»:

И пусть они, те, кто во тьме,
Нас пьют лампадкой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Уход человека в иной мир потеряет свою трагичность, сделавшись светлым, духовно возвышающим его событием. Этот уход будет подобен пути в гости и связан с обретением новых знаний – о неизведанных пространствах иного мира и о своих предках, память о которых стерлась у живущих на земле людей. Есенин провозглашает целостность бытия, единство земного и иного миров, живущих и прежде живших поколений.

Рассмотрение маленьких поэм Есенина революционного периода показывает, что поэт в своем творчестве опирался не только на христианские образы, но и на конкретные библейские тексты,

переосмысливал по отношению к происходившей на его глазах революции ветхозаветные и евангельские события. Важное место в мифопоэтической системе Есенина занимает тема гибели старого мира и рождения нового. Как и многие «скифы», поэт ориентируется на всемирный характер начавшихся преобразований. Мир претерпевает столь существенные преобразования, что их можно сопоставить только с эпохой первых веков христианства. Происходит коренная ломка всех основ жизни. Создается принципиально иное бытие, новый космос. Поэт выступает как пророк нового мирового учения. Естественна при этом опора на библейскую традицию, однако Есенин в ряде произведений строит новый мир, исходя не из реального исторического контекста, а обращаясь к догрехопадному периоду истории. Иной мир, возникающий в творчестве поэта, – это единый мир живущих и умерших, космос, не знающий деления на земной и небесный уровни.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вопрос об обстоятельствах смерти С.А. Есенина так и остается открытым, несмотря на кажущееся обилие работ по этому поводу. Авторы различных версий сошлись в непримиримой борьбе, прекратить которую не смогла и специально созданная комиссия Союза писателей. Она, состоящая из экспертов-профессионалов, рассматривала только имеющиеся немногочисленные документы, которых как раз и недостаточно для окончательного вывода. Многие проблемы еще не выяснены и ждут своих исследователей – знатоков и поклонников творчества Есенина.

Однако, исследуя и расследуя обстоятельства смерти поэта, надо помнить о том, чтобы не получилось, как в старой пословице – когда за деревьями леса не видно. Важно, чтобы все эти поиски и версии не заслонили главного – светлого творчества великого русского поэта Сергея Александровича Есенина.

Примечания

- ¹ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников /// Сост. и общая ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. Подготовка текстов, комментарии С.П. Кошечкина, С.П. Митрофановой-Есениной, С.И. Субботина и Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М., 1995. – С. 81–83. С. 141, 145, 146.
- ² Новости Петербурга. 2006. 14–20 марта, № 10.
- ³ Гулин А.В. В сердце светит Русь... Духовный путь Сергея Есенина // Литература в школе. 2001. № 6. С. 19.
- ⁴ Евсин И.В. Судьба и вера Сергея Есенина / По благословению митрополита Симона (Новикова). Рязань. 2007. С. 121.
- ⁵ Смерть Сергея Есенина. – М., 2003. – С. 165.
- ⁶ Сергей Александрович Есенин. Воспоминания – Государственное изд-во, 1926. С. 237.
- ⁷ Смерть Сергея Есенина... – С. 166.
- ⁸ Там же. – С. 166.
- ⁹ Эрлих В. Право на песнь. – М., 1930. – С. 103–104.
- ¹⁰ Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. / Общая ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М., 1995. – С. 369. Далее: Письма...
- ¹¹ Эрлих В. Право на песнь... – С. 101–102.
- ¹² Смерть Сергея Есенина... – С. 164.
- ¹³ См. его факсимиле в кн.: Смерть Сергея Есенина... – С. 379.
- ¹⁴ Смерть Сергея Есенина... – С. 164–165.
- ¹⁵ Там же. – С. 163.
- ¹⁶ Там же. – С. 163–164.
- ¹⁷ Там же. – С. 170.
- ¹⁸ С.А. Есенин в воспоминаниях современников / Вст. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. – Т. 2. С. 125–126. Далее: Воспоминания.
- ¹⁹ Памяти Есенина. – М., 1926. – С. 136–137.

- ²⁰ Письма... – С. 369–370.
- ²¹ Клюев Н., Медведев П. Сергей Есенин. – Л., 1927. – С. 85.
- ²² Смерть Сергея Есенина... – С. 273.
- ²³ Оксенов И. «Никто другой нам так не улыбнется...» (Из дневника) // Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. По следам одной версии. – М., 1998. – С. 229–231.
- ²⁴ Смерть Сергея Есенина. – С. 167–168.
- ²⁵ Там же. – С. 170–171.
- ²⁶ Воспоминания... – Т. 1. – С. 123–124.
- ²⁷ Письма... С. 371.
- ²⁸ Воспоминания... – Т. 2. – С. 126.
- ²⁹ Там же. – Т. 2. – С. 189.
- ³⁰ Там же. – Т. 2. – С. 199.
- ³¹ Письма... – С. 372.
- ³² Памяти Есенина. – М., 1926. – С. 115.
- ³³ Воспоминания... – Т. 2. – С. 273.
- ³⁴ Там же. – Т. 2. – С. 277.
- ³⁵ Там же. – Т. 2. – С. 91–92.
- ³⁶ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников.
- ³⁷ Памяти Есенина... – С. 138, 140.
- ³⁸ Там же. – С. 57–58.
- ³⁹ Воспоминания... – Т. 2. – С. 155.
- ⁴⁰ Там же. – Т. 1. – С. 134.
- ⁴¹ Смерть Сергея Есенина... – С. 168–169.
- ⁴² Там же. – С. 171.
- ⁴³ Подробнее см.: Скороходов М. Париж, Рига, Нью-Йорк... о гибели Есенина // Литературная Россия. – 1990. 28 декабря. №. 52 – С. 15.
- ⁴⁴ Письма... – С. 374.
- ⁴⁵ Прокушев Ю. В поисках истины // Смерть Сергея Есенина... – С. 12.
- ⁴⁶ И. С. Сергей Есенин. // «Жизнь искусства». – 1926. № 1. – С. 24.
- ⁴⁷ Городецкий Сергей. Сергей Есенин // Искусство трудящимся. – 1926. 5 января. № 1. – С. 3.
- ⁴⁸ Красная панорама. – 1926. № 2. – С. 6.

- ⁴⁹ Мануйлов В. «О Ленине так не жалели...» // Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. – С. 233.
- ⁵⁰ Киселева ЛА. «Плач о Сергее Есенине» Н.А. Ключева // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. – М., 1997. – С. 286.
- ⁵¹ Прокушев ЮЛ. В поисках истины // Смерть Сергея Есенина. – С. 6.
- ⁵² Белов ВИ. Позиция писателя // Люберецкая правда. – 1988. – № 180. – 12 ноября. – С. 4.
- ⁵³ Стахова М. Версии, версии, версии... // Смерть Сергея Есенина. – М., 2003. – С. 210.
- ⁵⁴ Морохов Ф. Трагедия поэта-пророка // Криминальный вестник. – 1992. – № 36.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Демидов И. Обзор статей, посвященных обстоятельствам смерти С.А. Есенина // Смерть Сергея Есенина. – С. 224–226.
- ⁵⁷ Громов А, Маслов А. Смерть С.А. Есенина – факты и домыслы // Смерть Сергея Есенина. – С. 230–232.
- ⁵⁸ Морохов Ф. Трагедия поэта-пророка // Криминальный вестник. – 1992. – № 36.
- ⁵⁹ Демидов И. Обзор статей, посвященных обстоятельствам смерти С.А. Есенина // Смерть Сергея Есенина. – С. 227.
- ⁶⁰ Громов А, Маслов А. Смерть С.А. Есенина – факты и домыслы // Смерть Сергея Есенина. – С. 234.
- ⁶¹ Крючков П. Брызги на потолке // Смерть Сергея Есенина. – С. 291–292.
- ⁶² Хлысталов Э. Тайна гибели Есенина. Записки следователя из «Англетера». – М., 2005. – С. 14.
- ⁶³ Там же. – С. 16.
- ⁶⁴ Там же. – С. 22.
- ⁶⁵ Хлысталов Э. Неизвестное уголовное дело Сергея Есенина // Литературная Россия. – 2003. – № 28 (2108). 11 июля.
- ⁶⁶ Крючков П. Брызги на потолке // Смерть Сергея Есенина. – С. 290.

- ⁶⁷ *Маслов А.* Факты и домыслы // Смерть Сергея Есенина. – С. 236–237.
- ⁶⁸ *Куняев С.Ю., Куняев С.С.* Сергей Есенин. – М., 1997. – С. 555–557.
- ⁶⁹ Там же. – С. 558–563.
- ⁷⁰ Там же. – С. 567.
- ⁷¹ Там же. – С. 568–570.
- ⁷² Там же. – С. 573.
- ⁷³ Там же. – С. 570–572.
- ⁷⁴ *Черносвитов Е.* Еще раз о смерти Есенина // Ветеран. – 1990. – № 4. – С. 14–15.
- ⁷⁵ *Черносвитов Е.* Оскорбление легендой // Ветеран. – 1990. – № 11–12.
- ⁷⁶ *Маслов А.* Факты и домыслы // Смерть Сергея Есенина. – С. 239.
- ⁷⁷ *Свадковский Б.* Правда и кривда о смерти Сергея Есенина // Смерть Сергея Есенина. – С. 247.
- ⁷⁸ *Стахова М.* Версии, версии, версии... // Смерть Сергея Есенина. – С. 217–218.
- ⁷⁹ *Крючков П.* Брызги на потолке // Независимая газета. – 1992. – 4 апреля.
- ⁸⁰ *Лысцов И.* Убийство Есенина // Молодая гвардия. – 1990. – № 10.
- ⁸¹ *Демидов И.* Обзор статей, посвященных обстоятельствам смерти С.А. Есенина // Смерть Сергея Есенина. – С. 227.
- ⁸² *Свадковский Б.* Правда и кривда о смерти Сергея Есенина // Смерть Сергея Есенина. – С. 253.
- ⁸³ *Крючков П.* Брызги на потолке
- ⁸⁴ *Флор-Есенина Т.П.* Занятие профессора – собрать компромат на Есенина // Литературная Россия. – 1992. – № 20 – 15 мая.
- ⁸⁵ *Прокушев Ю.* О «безнравственности» Есенина и о том, как поэт «исчерпал себя» // Московский литератор. – 1992. – Июль. – № 26 (670).
- ⁸⁶ *Шитулина Г.* Мифы о смерти С.А. Есенина // Смерть Сергея Есенина. – С. 256.
- ⁸⁷ Там же. – С. 258.

- ⁸⁸ Там же. – С. 268.
- ⁸⁹ *Кошечкин С.* Смерть Есенина: две версии // Смерть Сергея Есенина. – С. 285.
- ⁹⁰ Есенин сегодня, завтра и всегда // Литературная Россия. – 1992. – 25 сентября. – № 39.
- ⁹¹ *Панфилов А.Д.* Есенин без тайн. – М., 2005. – С. 7.
- ⁹² *Павлов Ю.М.* Критика XX–XXI веков. Литературные портреты. – М., 2007. – С. 262–265.
- ⁹³ *Куняев С.Ю., Куняев С.С.* Сергей Есенин. – С. 5–6.
- ⁹⁴ *Хомяковский Г.* <Рецензия на книгу> «Радунца» С. Есенина. // Друг народа. – 1916. – № 1. Окт. – С. 76.
- ⁹⁵ *Никифоровский М.* Русское язычество: опыт популярного изложения научных сведений о языческой религии русских славян. – СПб., 1875. – С. 81.
- ⁹⁶ Полный православный богословский энциклопедический словарь. – М., 1992. Т. 2. – Стб. 1947.
- ⁹⁷ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 3. М., 1838. С. 50.
- ⁹⁸ *Тереженко А. В.* Быт русского народа. – Ч. 5. – СПб., 1848. – С. 27.
- ⁹⁹ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники... Вып. 1. М., 1837. – С. 214–215.
- ¹⁰⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб. – М., 1907. – Т. 3. – Стб. 1467. Далее: Даль...
- ¹⁰¹ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – Т. 2. – М., 1868. – С. 3–4.
- ¹⁰² *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. – Т. 7. – СПб., 1877. – С. 388.
- ¹⁰³ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу... – Т. 3. – С. 288.
- ¹⁰⁴ Там же. – С. 291.

- ¹⁰⁵ Там же. – С. 277.
- ¹⁰⁶ Там же. – С. 287.
- ¹⁰⁷ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники... – Вып. 3. – С. 16.
- ¹⁰⁸ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники... – Вып. 3. – С. 48.
- ¹⁰⁹ *Терещенко А. К.* Быт русского народа... – Ч. 5. – С. 28.
- ¹¹⁰ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. – М., 1993. – С. 426.
- ¹¹¹ *Пропт В.Я.* Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. – Л., 1963. – С. 23, 103.
- ¹¹² Там же. – С. 23.
- ¹¹³ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу... – Т. 2. – С. 86.
- ¹¹⁴ См.: *Байбурун А. К.* Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993. – С. 118.
- ¹¹⁵ *Марков В.* Легенда о Есенине // Грани. – 1955. – № 25. – С. 156
- ¹¹⁶ *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. – Пг., 1916. – С. 1.
- ¹¹⁷ См.: *Байбурун А.К.* Ритуал в традиционной культуре. // Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. – Пг., 1993.
- ¹¹⁸ Христианство. Энциклопедический словарь. – Т. 1. – М., 1993. – С. 858.
- ¹¹⁹ Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). / Сост. Г. Дьяченко – М., 1993. – С. 346.
- ¹²⁰ *Белый Андрей.* Символизм как миропонимание. – М., 1994.
- ¹²¹ *Белый Андрей.* Проблемы творчества. – М., 1988. – С. 89.
- ¹²² *Белый Андрей.* Революция и культура. – Пг., 1917. – С. 5.
- ¹²³ Возвращение. Вып. 1. – М., 1991. – С. 338.

- ¹²⁴ Россия и Инония. – Берлин. 1918. – С. 7, 8.
- ¹²⁵ *Белый Андрей*. Социал-демократия и религия. // Перевал. – 1907. – № 5. Март. – С. 34.
- ¹²⁶ Там же. – С. 26.
- ¹²⁷ *Эйколович Геннадий*. Религиозный неоромантизм, символизм, скифство // Новый журнал. – 1982. – Кн. 148. – С. 269.
- ¹²⁸ *Дьякова Е.А.* Христианство и революция в мирозерцании «Скифов» (1917–1919 гг.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Том 50. 1991. – № 5. – С. 417.
- ¹²⁹ Россия и Инония... – С. 13.
- ¹³⁰ *Даль* – Т. 1. – СПб., – М., 1903. – Стлб. 1674.
- ¹³¹ Там же. Т. 3. – СПб., – М., 1907. – Стлб. 1442.
- ¹³² Библейская энциклопедия: В 2 т. – Т. 2. – М., 1991. – С. 58.
- ¹³³ Скифы. Вып. 1. – СПб., 1917. – С. IX.
- ¹³⁴ *Гудзий Н.К.* Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 56. – Симферополь. – 1919. – С. 100.
- ¹³⁵ Россия и Инония... – С. 7–8.
- ¹³⁶ Там же. – С. 11.
- ¹³⁷ *Есенин С.А.* Стихотворения и поэмы / Вст. статья А.М. Марченко. Сост. и примеч. В.П. Гарнина. – С. 426.
- ¹³⁸ Полный церковно-славянский словарь. – С. 380.
- ¹³⁹ *Дэвис Дж.* Переводить Есенина – наслаждение // Литературная Россия. – 1971. – 22 января.
- ¹⁴⁰ Полный церковно-славянский словарь... – С. 505.
- ¹⁴¹ Там же. – С. 713.
- ¹⁴² *Иванов В.В.* Корова // Мифы народов мира. – М., 1992. – Т. 2. – С. 5.
- ¹⁴³ Полный церковно-славянский словарь... – С. 616.
- ¹⁴⁴ Там же. – С. 582.
- ¹⁴⁵ Христианство. Энциклопедический словарь. В 2 томах. – Т. 1. – М., 1993. – С. 583.

- ¹⁴⁶ Топоров В.Н. Петух // Мифы народов мира... – Т. 2. – С. 310.
- ¹⁴⁷ Библейская энциклопедия... – Т. 2. – С. 93.
- ¹⁴⁸ Полный церковно-славянский словарь... – С. 529.
- ¹⁴⁹ См.: Кошечкин С.П. Творческая история и судьба поэмы «Сельский часослов» // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. – М., 1995. – С. 130–139.
- ¹⁵⁰ См.: Гура А.В. Гусь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5-ти томах. – Т. 1. – М., 1995. – С. 573.
- ¹⁵¹ Топоров В.Н. Лебедь // Мифы народов мира... – Т. 2. – С. 41.
- ¹⁵² Гура А.В. Гусь // Славянские древности... – С. 572–573.
- ¹⁵³ Библейская энциклопедия... – Т. 1. – С. 139.

Содержание

«Будь же ты вовек благословенно, что пришло процвести и умереть»	5
Страшная трагическая смерть.....	18
«Каждый унес в себе злобу против кого-то, погубившего Сергея»	20
«Золотая голова на плахе»	44
«За отсутствием состава преступления».....	60
Посмертный венок поэту	63
Клюевский плач о Есенине	96
«Есенин был убит дважды...»	110
«Радунца» Есенина – поминовение усопших.....	207
«Жизнь твоя у гроба...»	221
Жизнь – смерть – преображение.....	241
Вместо эпилога	310
Примечания.....	311

Максим Скороходов, Елена Коломийцева

УБИЙСТВО СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Ответственный редактор *Л. Незвинская*

Художественный редактор *Н. Кудря*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Л. Горлачев*

Корректор *В. Чернявская*

ООО «Издательство «Яуза»

109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5

Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный), e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала

Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара»,

ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара»,

пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская,

д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы»,

ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.11.2009.

Формат 84×100¹/₃₂. Гарнитура «Garamond».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 4000 экз. Заказ № 11380.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов

в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-39241-4

9 785699 392414 >

JUL 22 2010

«В этой жизни умирать не ново...» — как многие великие поэты, Сергей Есенин напроорочил собственную гибель: его предсмертные стихи стали эпитафией.

Об *убийстве* поэта впервые сообщили эмигрантские газеты через несколько дней после того, как его тело было обнаружено в номере гостиницы «Англетер». Но официальной стала версия самоубийства. Ее не смогла опровергнуть и работавшая в 1990-е годы специальная комиссия, состоявшая из следователей, прокуроров, патологоанатомов, почерковедов. Однако курировавший ее деятельность литературовед Ю.Л. Прокушев заявил: *«Есенина убили дважды»*.

Новое расследование гибели поэта в контексте его творчества, свежий взгляд на причины трагедии и главных подозреваемых, сопоставление всех существующих версий и глубокий анализ вновь открывшихся обстоятельств — в новой книге серии *«Тайны и трагедии великих поэтов»*.

ISBN 978-5-699-39241-4

9 785699 392414 >

The New York Public Library
NEW DORP BRANCH
309 New Dorp Lane
Staten Island, NY 10306

NDR